

ЛЮБОВЬ И ЧЕСТЬ

ДОУН ЛИНДСЕЙ

АМЕРИКАНСКАЯ КУЗИНА

Юная американка Соррел Кент приехала в Англию, чтобы залечить свое разбитое сердце. Однако встреча с маркизом Уичерли не позволила ей обрести желанного покоя...

- [Доун Линдсей](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцать](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
-

Доун Линдсей

Американская кухня

Глава первая

Маркиза Уичерли ожидали к вечеру.

Из-за этого великого события в доме все было вверх дном. И тетя Лейла, чью практичность Соррел научилась ценить за несколько недель пребывания в ее доме в Англии, и самая последняя посудомойка готовились будто к королевскому визиту, так тщательно они целую неделю чистили, мыли, полировали, снимали и выколачивали ковры, протирали до блеска окна... Ни в одной комнате нельзя было посидеть спокойно. Даже ели на ходу и невесть что из-за волнения дорогого повара-француза, вывезенного тетей Лейлой из Лондона, тем более что она совершенно замучила его, требуя то одно, то совсем другое, а то и вовсе невозможное в это время года.

И в завершение этой кутерьмы разразился скандал. Красавица кузина Ливия, ради которой ехал маркиз, дала пощечину служанке, сообщившей ей пренеприятную новость. Муслиновое платье, в котором она собирается встретить знатного гостя, оказалось порванным в стирке.

Служанка, племянница экономки, выполнявшая множество поручений Ливии, что не входило в ее обязанности, впала в сильнейшую истерику и заявила об уходе, вызвав серьезный домашний кризис. Все понимали, что экономка, не стерпев оскорбления, тоже может в любой момент попросить расчет и без того маленький штат еще больше уменьшится в самый критический момент, а это грозило мятежом.

Виновница же всех бед спокойно удалилась в свою спальню. Никому и в голову не приходило, тем более избалованной красавице, что она может помочь обессилевшим слугам и сделать что-нибудь полезное, например, почистить серебро или расставить цветы. Ее вклад в приготовления к прибытию гостя заключался в напоминании матери, что маркиз не любит устриц, и она не собирается ставить его в неловкое положение, знакомя с обтрепанными и невоспитанными соседями.

Миссис Гронвиль, мать Ливии и тетя Соррел, выслушала это довольно спокойно, и не только по своей душевной доброте. Она не меньше дочери хотела, чтобы визит ничем не омрачился и его светлость сделал Ливии долгожданное предложение руки и сердца. Лет двадцать назад она вместе с матерью Соррел могла бы взять приступом лондонский свет, несмотря на свое довольно скромное происхождение. Но оба ее покойных мужа, хоть и были один богаче другого, принадлежали к кругу честных торговцев, не слишком стремившихся к высокому положению, и теперь ее болезненно заботило, как бы что-нибудь не помешало Ливии.

Какой бы Ливия ни была избалованной и самовлюбленной, даже Соррел, привыкшая постоянно видеть рядом красавицу мать, невольно задохнулась от изумления, едва бросила первый взгляд на кузину. Подобной безупречной красавицы ей не приходилось встречать. От своей матери и тетки Ливия унаследовала золотистые локоны и лучистые голубые глаза, но ее профиль был еще тоньше, а ротик с очаровательными пухлыми губками еще очаровательнее и так манил к поцелуям.

Однако Соррел, приехавшая из Америки познакомиться со своими лондонскими родственниками, быстро поняла, что у ее кузины, со всем ее бело-розовым женским очарованием, железная воля. Если ее мать и тетка достигли неожиданного успеха одной своей красотой, то Ливия поставила себе цель пойти дальше и выйти в аристократки.

Отсюда маркиз и те чрезвычайные усилия, предпринятые, чтобы заполнить его на неделю или две в имение.

Обычно, как поняла Соррел, ее тетя и кузина ездили на модные курорты, вроде Бата или Брайтона, ибо Ливия не представляла, как можно оставаться в городе на лето. Однако в этом году ее тетя из сентиментальности и ради племянницы решила пожить в очаровательном Котсуол-де, где появилась на свет вместе со своей сестрой-двойняшкой. Она сняла на лето большой дом, которым мечтала владеть, когда была девочкой и когда ее будущее богатство ей и не снилось.

Это также давало ей возможность пригласить маркиза Уичерли на несколько тихих недель в деревню, чего она никак не могла бы сделать в Бате или Брайтоне, где без увеселений и соперниц не обойтись. А так как единственным желанием Ливии было заманить, грубо говоря зацапать, маркиза Уичерли, пока ее летнее отсутствие не ослабило его впечатление о ее красоте (или, не дай Бог, его не увлекла другая красотка), то все годилось для его исполнения.

Соррел в глаза не видела объекта этих непомерных забот, но довольно живо воображала маркиза, столь сильно поразившего воображение тети и кузины. Она ни капли не сомневалась в его надменности, холодности и тщеславии, так же как в экстравагантности его нарядов. Она встречала уже подобных городских Нарциссов в Лондоне и от души смеялась над их дурацким видом. Его сиятельство столь высокопоставлен, что не может наклонять голову, а его шея укутана в такое количество кружев, будто ему не дает покоя боль в горле. Слишком узкие плечи увеличены за счет такого количества ваты, что требуется пара лакеев, иначе ему бы ни за что не надеть фрак.

Завершали этот образ пустого и глупого фата тщательно уложенные и напомаженные, но производившие такое впечатление, будто он попал в ураган, волосы, не говоря уже о множестве булавок и стекляшек, которые должны были украшать его персону. В Америке он никуда не посмел бы показаться в таком нелепом виде.

Ливия помимо своей воли внесла посильный вклад в нелестный портрет, желая поразить воображение своей немодной американской кузины. Страдая от непомерного тщеславия, она даже и подумать не могла, рассказывая провинциальной кузине в безвкусных траурных платьях, какие выводы та делает, и с восторгом делилась своими мечтами о лакеях в ливреях, о домах и экипажах, а также рассказывала, с каким тщанием готовятся к путешествию подобные изысканные особы.

Оказывается, мало прыгнуть в карету с гербом на двери, еще надо позаботиться о транспорте для сундуков и слуг, и чуть не половину дома надо взять с собой, чтобы вытерпеть несколько недель вне любимого гнездышка.

Соррел временами с трудом сохраняла невозмутимое выражение на лице, особенно когда слушала о величественных и громадных особняках, где обед обязательно остывал, пока его несли из кухни, или о еще кое-где сохранившихся лакеях, единственным занятием которых было стоять позади своего знатного господина, если он предпочитал сидеть, и сопровождать его, если он переходил в другую комнату, или о собственных капелланах, мажордомах, экономках и прочей многочисленной челяди, с ревностью относившейся к своим привилегиям в господском доме.

Такая жизнь казалась Соррел нелепой и неудобной, а тот, кто ее сознательно выбирал, — смешным хвастуном.

Но точно с таким же отвращением Ливия относилась к американской жизни, считая ее

чуть менее примитивной, чем жизнь дикарей. Всерьез испытывая чувство юмора Соррел, она говорила, ничуть в этом не сомневаясь, что американцам постоянно грозит смерть от стрел краснокожих и что они все еще живут в хижинах с земляным полом, в которых окна затянуты промасленной бумагой.

Естественно, ее ничто не могло переубедить. Сияя прекрасными голубыми глазами, она уже видела себя хозяйкой великолепного особняка. Царственная, вся в бриллиантах, стоит она наверху, и по шикарной лестнице к ней поднимаются гости. Вот тогда она утрет нос всем, кто в прошлом имел неосторожность ее задеть. Соррел подозревала, что Ливию больше интересует будущая власть, которую она получит, стоит ей стать маркизой, чем человек, который ей эту власть предоставит. Но, убежденная, что Ливия идет прямой дорогой в несчастливое замужество, Соррел не говорила об этом.

Она даже почти сочувствовала неведомому маркизу, однако краткое пребывание в Англии научило ее, что, возможно, у него нет ничего, кроме титула и заложенных поместий, и он, в свою очередь, ловит богатую невесту, желая поправить свои дела. В этом случае, думала Соррел, они друг друга стоят. Хорошо бы только, они не слишком быстро разочаровались в своем браке, но в том, что это рано или поздно произойдет, она не сомневалась. Устав от бесконечной суматохи, Соррел попросила оседлать одну из лошадей и отправилась на поиски приключений. Прогулки с кузиной не привлекали ее из-за ограниченного пространства и вечно трусящего позади груга. Приехав в Англию, она, к своему величайшему огорчению, убедилась, что пользовалась в Америке значительно большей свободой, нежели это принято здесь в ее кругу.

Она все больше привязывалась к тете, которую не видела прежде, но тем не менее неизбежно возникали ситуации, когда независимая Соррел тяготилась уздой— хотя, если говорить по правде, от нее не очень-то много требовали,— и все же она быстро поняла великую разницу во взглядах на поведение молодой незамужней женщины в модной Англии и там, откуда она приехала. Оказывается, в Лондоне незамужняя леди благородного происхождения не может даже и подумать пройтись одна без служанки за покупкой или в парк или погулять по соседним улицам, что для Соррел, в первый раз приехавшей в Лондон, было почти нестерпимо, она, правда, скрепя сердце более или менее подчинялась из уважения к тете и желания сохранить мир, но при этом задавала себе вопрос, сколько еще сможет терпеть подобное существование. Неудивительно, что в Лондоне ей стало скучно, и она обрадовалась, когда на лето переехала в деревню.

Но если Соррел и предполагала, что здесь ей дадут послабление, то быстро убедилась в своей ошибке. Всякие прогулки по окрестностям были строго запрещены. Тетя Лейла, казалось, жила в постоянном страхе, как бы на них не напали и их не ограбили, и не сомневалась, что округа кишит разбойниками.

Если для Соррел жизнь в Англии была тяжелым испытанием, то и Ливия считала свою американскую кузину странным созданием, впрочем, как и Соррел — ее. Ливия с первого взгляда решила, что Соррел не представляет для нее угрозы в качестве соперницы и, следовательно, не представляет интереса. Соррел не обиделась. Она знала, что не может сравниться красотой со своей кузиной, так как она не унаследовала неотразимой красоты сестер-близняшек. Она была больше похожа на отца и темными волосами и серьезными серыми глазами. И если девочкой она мечтала о золотистых локонах и голубых глазах, что унаследовала ее кузина, то теперь с грустью просила у Бога немного ума. Всю свою жизнь она старалась привыкнуть ко второй роли рядом с обаятельной красавицей, какой больше не

надеялась стать. Ее мать все еще была столь хороша собой, что очаровывала мужчин любого возраста, в том числе и отца Соррел, в ее присутствии не замечавших других женщин. Еще малышкой Соррел запомнила смеющуюся мать в окружении молодых людей, добивавшихся ее внимания, и взрослых, то жалевших ее, ибо думали, что она страдает, не унаследовав и десятой доли очарования и красоты матери, то уверявших, что она еще расцветет и разобьет не меньше сердец, чем ее мать.

Они ошибались. Соррел не расцвела, она выросла выше матери, и, когда, наконец, до всех и до нее дошло, что неуклюжий застенчивый ребенок не в силах соперничать с матерью, уже было поздно. Бабочка упорно не желала вылезать из тесного и унылого кокона, и молодые люди продолжали кружиться вокруг бабочки-матери, вместо того чтобы ухаживать за незамужней дочерью.

Из самозащиты Соррел развила в себе непривлекательную независимость и неженственную любовь к лошадям и образованию, где ее мать не могла с ней соперничать. Обманывая всех, даже собственную мать, сама Соррел знала, что это всего-навсего самозащита. И если в минуты слабости она все еще имела глупость мечтать о красоте, обаянии и хрупкости, чтобы кому-то захотелось защитить ее даже от легкого порыва ветра, то об этом никто не догадывался.

Никому не подвластно менять свою природу. Молодых людей, если они ее замечали, отпугивали ее ум и колючая независимость, и они, наверное, весело посмеялись бы, скажи им, что ей хочется мужского покровительства.

Был, конечно, Вильям, из-за которого-то она и поехала в Англию. Несмотря на их помолвку, в их отношениях тоже не было ничего такого. Они знали друг друга много лет. Он сделал ей предложение, и она приняла его, потому что их семьи одобрительно смотрели на этот брак, и еще потому, что его и ее связывала настоящая теплая дружба, но вовсе не любовь.

Бедный Вильям умер, но только после его смерти Соррел поняла, что была еще одна, постыдная, причина для ее согласия. Замужество казалось ей единственной возможностью вырваться из-под тени красавицы матери.

Но если Соррел не унаследовала рокового очарования матери, то ее кузина Ливия обладала им в полной мере.

Она всех, тем более мужчин, умела заставить служить себе и, насколько Соррел разобралась в ней, считала себя центром Вселенной, по-детски веря, что весь мир должен вращаться вокруг нее, и удивляясь, если это кому-то было непонятно, особенно мужчинам. Соррел не сомневалась в слепоте неведомого маркиза, ехавшего навстречу своей судьбе.

По крайней мере его приезд дал ей неожиданную возможность сбежать. Соррел замечательно провела утро. Она побывала в деревне, несмотря на дом матери, а теперь с удовольствием скакала вдоль луга, определенно зная, что тетушка не скоро вспомнит о пропавшей племяннице. Молодая резвая лошадь, солнечное июньское утро и свобода – впервые за несколько недель.

Гнедая сбилась с ритма, как будто испугавшись неведомой опасности, и это напомнило Соррел, что надо быть повнимательнее и не мучить себя воспоминаниями о былом. Она послала лошадь вперед, наслаждаясь свободой и одиночеством и жалея, что пора возвращаться. Неведомому маркизу надлежало смотреть только на очаровательную кузину Ливию, будь она в своем новом роскошном наряде или в чем-нибудь другом, но тетя все равно расстроится, если Соррел опоздает к его приезду, и она решила доехать до

ближайшего холма, а потом повернуть обратно.

По дороге Соррел попала на низкую каменную стенку, и она, на свою беду, решила перескочить через нее. У себя дома она слыла неутомимой и неустрашимой наездницей и привыкла кататься, где хотела, совершенно одна, и теперь она неплохо справлялась с молодой и игривой лошадью. Она все сделала правильно, но вдруг с ужасом почувствовала, как седло вдруг заскользило по спине лошади.

Сначала она удивилась и разозлилась, но не испугалась, предположив, что тетин конюх, который не одобрил ее одинокой прогулки, недостаточно сильно подтянул подпругу. Да и падение не так страшило ее, как то, что гнедая могла убежать и всерьез себя покалечить.

Все это молниеносно пронеслось у нее в голове, пока она отчаянно пыталась сохранить равновесие. Бездна занятие, особенно когда сидишь боком. Соррел попыталась откинуться назад, чтобы потом податься вперед, когда лошадь завершит прыжок, но увы... Соррел перелетела через ее голову, успев, правда, повиснуть на поводьях, чтобы не ударить в грязь лицом и все же благополучно вернуться с прогулки.

Она и предположить не могла, что ей так не повезет и по другую сторону ограды будут большие камни, поэтому она успела только сжаться в клубок, но не уберечь голову от удара.

Последнее, о чем она подумала, прежде чем потеряла сознание, было совершенно неуместным: она вспомнила, как настаивала на своей самостоятельности, а теперь... Теперь тетя Лейла мне не даст спуска, подумала она с досадой, и свет померк у нее в глазах.

Глава вторая

Очнувшись, Соррел услышала приятный мужской голос, ободрявший ее:

– Вот и хорошо. Сейчас вам станет легче.

Кто-то заботливо растирал ей руки, и, на мгновение забыв, где она находится, Соррел радостно спросила:

– Вильям?

Однако стоило ей это сказать, как она вздрогнула, словно ее облили холодной водой.

Она же в Англии, а Вильям умер. Глупо-то как!

Мужской голос заботливо произнес:

– Тихо, тихо. Не надо разговаривать. Будьте пайнкой и отпейте глоточек.

Соррел открыла рот и неосторожно хлебнула добрую порцию обжигающей жидкости, в которой узнала бренди. От неожиданности она задохнулась, закашлялась и, отвернувшись, с трудом разлепила веки.

Оказывается, она лежала на земле и ее держал в объятиях совершенно незнакомый мужчина, низко склонившийся над ней. Его лицо выражало живейшее участие.

Соррел сразу же и совершенно не вовремя подумала о том, что никогда не встречала подобного красавца и он куда больше подходит ее кухне, чем неведомый маркиз. Оба они под стать друг другу – золотые божества из греческого мифа. У него необыкновенные голубые глаза, благородный профиль и неотразимо обаятельная улыбка.

– Ну, так-то лучше, – заметил он, улыбаясь. – Только лежите спокойно и не пытайтесь встать.

Говорить это не было необходимости, потому что Соррел чувствовала себя разбитой, опустошенной, и голова у нее кружилась, несмотря на бренди. Однако она уже почти вспомнила, что произошло, и произнесла с изумлением:

– Помню. Я упала. Не удержалась на лошади!.. Это я-то!.. А где моя лошадь? С ней все в порядке?

– Думаю, да, судя по тому, как она промчалась мимо нас, – с улыбкой ответил ее спаситель. – Мой друг как раз сейчас ловит ее. Но вам нельзя разговаривать. Вы ударились головой и были несколько минут без сознания.

Соррел подняла руку и, нащупав рану, поморщилась от боли. Кровь на пальцах ее не слишком встревожила, так как в этом месте, стоит чуть пораниться, крови всегда целый поток. Но зато опять сильно закружилась голова, и она смежила веки.

Заметив ее слабость, он вновь забеспокоился и предложил озабоченно:

– Может быть, сделаете еще пару глоточков? Увы, у меня нет с собой нюхательной соли, но, уверяю вас, бренди ничуть не хуже.

– Нет, не нужно, – пробормотала она, не открывая глаз, – голова уже почти не кружится, и кроме того, я не люблю бренди. Почти так же, как соль, уж если на то пошло.

Он засмеялся и, казалось, успокоился.

– Очень хорошо. Но, пожалуйста, не сердитесь на меня, выглядите вы пока еще не совсем хорошо. Честно говоря, вы меня всерьез напугали, когда я увидел, как вы тут лежите. Я даже подумал, а вдруг вы никогда не очнетесь.

Соррел открыла глаза, уже не сомневаясь, что выглядит по-дурацки со своей окровавленной головой и в грязном порванном платье. Зато ее спаситель, с досадой

отметила она, одет на редкость элегантно, в куртку и сапоги из оленьей кожи, и совсем не похож на тех франтов, которых она видела в Лондоне. Это наблюдение никак не улучшило самочувствие Соррел.

– Мне уже хорошо, правда, голова болит... Но это я заслужила,– окрепшим голосом произнесла она.– Не могу понять, как такое могло случиться.

– О, все мы время от времени падаем. Но если вам от этого будет легче, то вы не виноваты, вас подвело седло. Мой друг и я все видели, и, уверяю вас, никто не удержался бы в седле при подобных обстоятельствах.

Соррел смутно помнила, что будто бы видела на дороге двух всадников. В ответ на его слова она резко выпрямилась и тотчас пожалела об этом. Опять сильно закружилась голова, и Соррел с благодарностью приняла его помощь.

– Господи, теперь я вспомнила,– прошептала она. – Придется конюху моей тети ответить за свою невнимательность.

– Думаете, он плохо затянул подпругу?– Спаситель, задумавшись, помолчал. – Что ж, логично, – медленно проговорил он.– Но вы ведь уже долго катались, а седло сорвалось неожиданно. Раньше вы ничего не замечали?

Соррел помрачнела. От головной боли она никак не могла сосредоточиться.

– Н...нет. Но, по правде говоря, я думала совсем о другом. Наверное, я должна была заметить раньше? Вы правы, все случилось внезапно, когда я уже была над оградой.

– Пожалуй, – проговорил он рассудительно,– ответы на вопросы надо отложить на потом. Теперь меня больше заботит, как вас везти обратно. Ваша тетя живет в деревне?

Она уселась поудобнее и подложила руку под голову, изо всех сил мечтая, чтобы земля перестала кружиться.

– Да... Но я еще беспокоюсь о лошади. Никогда не прощу себе, если она покалечится. А уж муж моей тети, боюсь, этого не переживет. Лошадка– его радость и гордость, и я, признаюсь, взяла ее без спроса. Вы сказали, ваш друг отправился на ее поиски?

Он рассмеялся.

– Неужели без спроса? Ничего, не беспокойтесь. Она умчалась с такой скоростью, что, готов спорить, она-то не покалечилась. Ну а Фитц поймает ее без труда. Однако прошу меня извинить, но где же ваш конюх? Как вас отпустили одну, да еще верхом?

Соррел совсем забыла о глупых английских предрассудках, а так как она все еще чувствовала себя по-дурачки, то ответила гораздо резче, чем позволяла себя обычно:

– Дома! Где же еще? А почему вы один, если, конечно, позволите спросить?

– Ну, это совсем другое дело,– возразил он, не скрывая своего удивления.

– Значит, раз вы мужчина, вам все позволено, – запальчиво проговорила она. – А вам бы понравилось, если бы вас сопровождали каждый раз, когда вам хочется побыть одному?

Соррел заметила насмешливую искорку в его голубых глазах.

– Нет, мне бы это, конечно же, не понравилось,– охотно подтвердил он.– Неужели все американки так независимы?

Соррел уже привыкла, что стоит ей открыть рот, как все тотчас узнают в ней американку, поэтому вопрос незнакомца не застал ее врасплох.

– Не имею ни малейшего представления. А английские мужчины все одинаковые?

Он усмехнулся.

– Вы правы. Но я вовсе не хотел вас обидеть. Что вы! Но все-таки мы не в одинаковом положении. Если бы я и мой друг не проезжали мимо, вам бы пришлось куда хуже. Вы очень

неудачно упали и наверняка крепко ушиблись.

– Совсем нет! Если бы по эту сторону не валялись камни, я бы, конечно, огорчилась, но и только. Ну, пришлось бы еще пешком добираться до дому. Прошу вас, помогите мне встать. Мне ужасно неловко, а голова кружится гораздо меньше.

Он с сомнением посмотрел на нее, но все же исполнил ее просьбу.

– В самом деле, не стоит лежать на сырой земле. Вы не возражаете, если я посажу вас на стенку, из-за которой вы упали? И тогда мы спокойно обсудим, что делать дальше.

– Ну, конечно, только не надо меня носить и сажать,– с раздражением продолжала она отстаивать свою независимость.

Она могла бы этого и не говорить, потому что ее спаситель был другого мнения и, кстати, оказался человеком властным, видимо, благодаря своей красоте, а также куда более ловким и сильным, чем можно было предположить по его виду. Крепко держа ее за талию, чтобы она опять не упала, он помог ей встать на ноги, а потом, она не успела и слова сказать, поднял ее на руки и осторожно усадил на стену.

Соррел удивилась и смутилась, когда он поднял ее легко, как перышко. Во-первых, она не так уж мало весила. И, во-вторых, по опыту знала, что не принадлежит к хрупким и беспомощным созданиям, вроде кузины и ее матери, которые вызывают в мужчинах покровительственный инстинкт. Она ощутила необходимость вернуть себе контроль над ситуацией и сказала медленно, стойко сопротивляясь непроходящей головной боли:

– Дорогой сэр, самое печальное для меня– головная боль... И самое унижительное. Ведь когда падаешь с лошади, тотчас садишься на нее опять. По крайней мере я так всегда делала.

– Ну, конечно,– торопливо ответил он, все еще с удивлением поглядывая на упрямую девицу. – Но, если бы я ударился головой о камень и получил сильное сотрясение, я бы не был таким гордым и не отрицал бы, что мне больно, лишь бы не показаться слабым. Наверное, в Америке на это смотрят иначе.

От этих слов ее губы, помимо ее желания, растянулись в улыбке.

– Да нет, –возразила она. – Но мы не так связаны соблюдением приличий, как вы. Уверяю вас, я не фарфоровая и, даже если бы вас не оказалось рядом, нашла бы выход из положения. Знаете, вам ни в коем случае не следует думать, будто вы несете за меня ответственность.

– Понятно. В вашей независимой Америке вы не любите обязываться и не любите от кого бы то ни было зависеть, – подвел он итог.– Неужели все американцы так неохотно признаются в том, что им нужна помощь?

Прежде чем она успела придумать ответ и как раз вовремя, ибо ее мозги отказывались ей подчиняться, подъехал второй джентльмен на черном красавце, ведя на поводу ее гнедую лошадку, которая была без седла и, как она с тревогой заметила, немного прихрамывала.

Соррел забыла обо всем на свете, увидев лошадь.

– О, слава Богу, вы нашли ее! – благодарно воскликнула она, с трудом вставая на непослушные ноги и не обращая внимания на протесты своего спасителя. – Она не ушиблась? Как вы думаете, ее хромота пройдет?

Она бы сама отправилась осматривать лошадь, если бы не ее спаситель.

– Не ходите, мисс,– остановил он ее. – Фитц сейчас все вам расскажет о вашей лошади. Фитц, ты ведь ее осмотрел? Что ты думаешь?

Второй джентльмен был не так красив, как его друг, но по его виду Соррел никогда бы не сказала, что он может что-то понимать в лошадях. Разнаряженный наподобие всех

лондонских денди, он был черноволос и черноглаз и совсем не простодушен. Смерив Соррел критическим взглядом, отчего она еще острее ощутила свою неприглядность, он, тем не менее, ответил коротко и ясно:

– Порезов, содранной кожи нигде нет. Я ее осмотрел и думаю, она не пострадала. Нигде нет и следа ушиба. Мне кажется, она всего-навсего потянула ногу.

Его друг удовлетворился отчетом, в отличие от Соррел, которой он сказал без всякого намека на обходительность:

– Прошу прощения, мисс, но ваша лошадка выглядит куда здоровее вас. Зачем вы встали? Честно говоря, вы Бог знает на кого похожи.

– Благодарю вас! Почему же вы не говорите, что я вся в грязи и оборвана, что лицо у меня неприлично испачкано, да еще синяк под глазом для полноты картины? – язвительно парировала она. – Однако, уверяю вас, меня больше заботит лошадь. Она принадлежит мужу моей тети и очень дорого стоит. Я никогда не прощу себе, если она останется хромой или у нее отыщутся какие-то другие повреждения.

– В таком случае, – проговорил Фитц, совсем забыв об учтивости, – меня удивляет, как вам позволили взять эту лошадь! Не удивительно, что она сбросила вас, ведь она совсем не для барышень. А где ваш грум? Куда он делся?

– Тоже удрал, – рассмеялся его голубоглазый друг.

Соррел угрожающе вздернула подбородок, ибо угадала в тоне черноволосого джентльмена возмущение и неодобрение.

– Прежде всего, он от меня не сбежал! И не я упала, а седло соскользнуло. Это большая разница. А насчет подходящей для барышни лошади, зачем мне кресло-качалка, когда я хочу прокатиться верхом? Оставьте таких для ваших женщин. И вообще, знаете ли, меня удивляет, как англичанки позволяют себе быть столь безответственными... и нелепыми. В Америке мы более самостоятельны и привыкли уважать себя, не то что здесь.

Удивившись неожиданному нападению, он быстро взял себя в руки.

– О, не волнуйтесь, мисс, – проговорил он тоном, который она приняла за снисходительный. – Но вы же не будете возражать против того, что женщины слабее мужчин и нуждаются в защите, даже если не признаются в этом. Думаю, ваше теперешнее положение как раз подтверждает мою точку зрения.

Обычно она предпочитала держать при себе свои наиболее спорные мысли, особенно в Англии. Однако от пережитого унижения совсем забыла о смирении перед здешними правилами приличий и ринулась в бой.

– Вот это по-честному! – язвительно заговорила она. – Ну, конечно же, зачем женщинам какие-то там удовольствия! Мало ли чего они хотят. А вам понравится, если законы поменяются? Вы любите охотиться, сэр? Любите играть в проклятые азартные игры, смотреть на боксерские матчи или на петушиные бои? Этого женщины не одобряют! Полагаю, мы вправе запретить вам такие развлечения на более законном основании, ибо они приводят вас в сомнительные компании, где вы рискуете кошельком, здоровьем, а иногда и жизнью. Разве такое запрещение было бы вам не во благо?

– По-моему, юные американские леди куда храбрее наших, Фитц? – насмешливо воскликнул голубоглазый джентльмен. – Нет, нет! Не подливай масла в огонь! Сейчас, мне кажется, важнее подумать, как мы будем добираться до дома. На гнедой не поедешь, даже если ее оседлать. Да вы и не в том состоянии, милая леди, чтобы ехать самостоятельно. Вопрос в том, позволите ли вы мне посадить вас на моего коня, или Фитцу лучше

отправиться вперед и прислать за вами карету? Храбритесь не храбритесь, а он прав. Выглядите вы ужасно, что, однако, не имеет никакого отношения к вашему умению управлять лошадью или к вашей женской независимости.

Соррел хотела было с презрением отвергнуть предложение сесть на его коня, однако другая угроза – поездки в карете – испугала ее еще больше.

– Какая нелепость! Еще не хватает кареты. Да здесь всей дороги не больше мили.

Он улыбнулся, но согласился не сразу и с видимой неохотой.

– Пусть так. Поедем верхом. В конце концов, чем скорее мы приедем, тем лучше. Если вы уехали тайком, боюсь, ваша тетя уже беспокоится.

Он поднял ее на руки и посадил на своего терпеливого серого, причем с такой заботливостью, что она почувствовала себя непривычно слабой и беспомощной и до странности непохожей на самое себя. Ей даже пришло в голову, не перехитрил ли он ее.

Но когда он сел позади нее и чарующе ей улыбнулся, она решила, что ошиблась. Красивые мужчины, насколько она знала, очень похожи на ее кузину – такие же избалованные и не способные на уловки. По крайней мере, ради других.

Гораздо позже, когда уже было слишком поздно, она с горечью вспомнила, как была несправедлива в своем суждении, и удивилась, почему это она вдруг как будто ослепла.

Глава третья

Они поехали верхом, и, хотя голубоглазый незнакомец крепко держал ее, Соррел чувствовала себя гораздо слабее, чем ей бы хотелось.

Фитц вел на поводу гнедую лошадку. Соррел сразу поняла, что еще не оправилась после падения и чувствует себя совсем не так, как обычно. Голова была тяжелой, и девушку так и подмывало прислониться к широкому плечу красавца, но она решительно воспротивилась искушению и выпрямила спину, стараясь держаться так, будто пребывать в объятиях незнакомого мужчины для нее самое обычное дело.

Пряча смущение и слабость и презирая себя за то и другое, она чопорно произнесла:

– Я, кажется, не... поблагодарила вас... обоих... за помощь.

Незнакомец, изобразив удивление, улыбнулся в ответ, и она поняла, что ей очень трудно сопротивляться его обаянию.

– Нет, нет, не надо нас баловать, – возразил он. – Вы только что с восхитительной откровенностью и совершенно правильно осудили нашу чрезмерную мужскую заносчивость, и я прошу вас из ложного представления о приличиях не изменять себе. Вы же не чувствуете никакой благодарности, мисс, и вам дьявольски ненавистна ваша теперешняя зависимость. Признайтесь, ваша уязвленная гордость мучает вас не меньше головной боли. Вы выбиты из седла и, естественно, обрушиваете злость на свидетелей своих неприятностей. Поэтому прошу вас, мисс, не думайте о нас.

Соррел чуть не улыбнулась, выслушав эту чепуху, но не улыбнулась, хотя проговорила своим обычным тоном:

– Вы правы, мне не нравится чувствовать себя такой... слабой и глупой. Но, надеюсь, я не произвожу впечатления такой... такой уж безмерно гордой и злой, чтобы отказаться от помощи, если она необходима.

– Ну конечно нет, мисс, – улыбнувшись, ответил он. – Знаете, это свойство человеческой природы – не испытывать благодарности как раз тогда, когда она должна быть. Боюсь, я как раз грешу этим.

– Да уж, – вмешался Фитц, – это он с виду такой добродушный, а я помню, как этот парень готов был голову проломить любому, кто пытался поинтересоваться его самочувствием. Понятно, врачи привыкли, что им в голову летят разные предметы, когда они не признают его годным участвовать в ближайшей дюжине кампаний. Соррел взглянула на красивое лицо, склоненное к ней.

– Вы были в армии? – удивилась она.

– Ну да, еще совсем недавно. Только Фитц, как всегда, преувеличивает. Я лишь однажды бросил таз в доктора, да и то не без причины. Он посмел сказать мне, что из-за пустяковой раны я должен лежать в постели не меньше месяца.

Солдатское прошлое незнакомца еще больше укрепило Соррел в ее добром отношении к нему, и она неожиданно улыбнулась – в первый раз за все время.

– Да уж, доктор получил по заслугам. Кстати, кто был прав? – спросила она с любопытством.

И опять ответил Фитц:

– О, несомненно, по заслугам, потому что наш парень встал на ноги через неделю и через две возвратился в полк. Он смотрел на нее, не отрываясь и с удивлением, которого

Соррел не могла понять, словно он только что в первый раз увидел ее.

Ее спаситель, наверное, по этой же неведомой причине, одобрительно поглядел на нее и возразил:

– Чепуха! Он хотел отправить меня домой всего-навсего из-за дырки в плече.

– И вы пропустили бы самое интересное, – заметила она почти так же сухо, как Фитц.

Он откровенно рассмеялся.

– Совершенно верно, мисс. Я вижу, мы понимаем друг друга с полуслова.

– За исключением того, что я не объясняю своих дурных манер ничем, кроме собственного характера, – добавила она спокойно. – Мне неприятно, как вы сказали, чувствовать себя нелепой. Увы, моя... моя привычка кататься в одиночестве и раньше беспокоила тетю. Теперь же ее ничто не поколеблет в мнении, будто леса Вустершира опасны, и она навяжет на мою голову проклятого грума. Вот так-то, господа! Вы можете мне объяснить, почему в такой цивилизованной стране все ужасно обеспокоены своей безопасностью? Моя тетя больше боится ездить в шести часах от Лондона, чем я в бескрайних просторах Америки. Ужасно глупо.

Незнакомец разразился смехом, внушавшим Соррел симпатию, потому что в нем не было ни капли фальши или манерности, с которыми она постоянно сталкивалась в Лондоне. Он искренне хохотал, сотрясаясь всем телом.

– Не знаю! – признался он. – Но мне кажется, вы правы, мисс. Я сам это заметил после возвращения. Как бы то ни было, я убежден, вам не приходит в голову мысли о подстерегающих вас разбойниках или бродягах. Но, смею сказать, дома вам не привыкать встречаться лицом к лицу с индейцами, стоит только открыть дверь, поэтому-то моя бедная страна кажется вам такой смирной.

– С этим мнением я постоянно здесь встречаюсь, – сухо отозвалась Соррел. – Англичане совсем не утруждают себя стремлением что-нибудь узнать о своей бывшей колонии.

Соррел помолчала, потом спросила, не в силах скрыть холодок:

– Вы участвовали в недавней войне с Америкой, сэр?

Он улыбнулся, заметив холодок и понимая, откуда он взялся.

– Нет. К счастью, нет. Не лучшая была затея, хотя, наверное, я не должен так говорить. Однако я рад, что вы не возненавидели Англию.

Соррел смягчилась.

– Моя тетя англичанка, и моя мать тоже. Я не собираюсь обвинять одну Англию, если вы это имеете в виду, потому что война, по моему убеждению, была безрассудством с обеих сторон.

Фитц медленно ехал сзади, ведя на поводу хромающую лошадку и не особенно приближаясь к ним, за что Соррел была ему признательна, ибо могла, не стесняясь его присутствия, продолжать разговор.

– Приятно слышать, – искренне обрадовался незнакомец. – У меня много друзей, которые сражались там, и, похоже, они едины в том, что мы больше никогда не будем воевать с Америкой.

– Но все-таки революция... мятеж, как вы здесь говорите... до сих пор вызывает раздражение у некоторых англичан, с которыми я встречалась. Но, возможно, теперь, когда мы на равных, нам удастся сохранить мир.

– А вы великодушны. Могу я спросить, где вы живете в Америке?

– В Аннаполисе. Недалеко от Вашингтона, – ответила Соррел, ничего больше не

объясняя.

– А-а! – понимающе протянул он. – Теперь мне все ясно, и я тем более благодарю вас, что вы не клянете всех англичан за тогдашнюю жестокость. Насколько я помню, ваша столица была почти полностью сожжена. Она не хотела говорить об этом, но все-таки добавила:

– Да. Но это случилось в ответ на то, что мы сожгли несколько городов в Канаде, – честно призналась она. – В войне – нет ничего хорошего, и я думаю, вы сами это отлично знаете, сэр.

– Да, – печально подтвердил он. – Ничего хорошего. Как я уже говорил, многие мои друзья были в Америке, и они в один голос говорят, что это была дурацкая война. В ней все было не так. Кстати, не важно, была это справедливая война за независимость или несправедливая, я всегда буду думать, что Америку и Англию объединяют общие корни и общие интересы. И нечего нам драться друг с другом.

Некоторое время они молчали, погруженные в свои мысли. Помимо воли Соррел вспомнила те страшные события в недавнем прошлом, свидетельницей которых она была. Ему, несомненно, тоже было что вспомнить. Они как будто перенеслись за миллион миль от зеленого мирного луга.

Незнакомец говорил откровенно и разумно, без намека на манерность, которую Соррел постоянно встречала в Англии, и это не могло ей не понравиться. К тому же он полностью соответствовал ее представлению о настоящем мужчине – высокий, крепкий, легко поднял ее, хотя она не была ни маленькой, ни хрупкой. Правда, его красота настораживала Соррел, но, вроде, он не денди и не ловелас. Да и улыбка у него на редкость располагающая. Соррел подумала, что такой стоит дюжины неведомых маркизов.

Улыбнувшись, он тактично сменил тему.

– А что вы думаете о моей стране? – спросил он. – Насколько я понял, вам не все нравится.

– Ну, почему? Англия – прекрасная страна, и я рада, что повидала ее, – откровенно ответила Соррел. – Мне было приятно увидеть старый дом, в котором выросла моя мама. Я полюбила тетю, хотя она такая странная... Однако, боюсь, вы угадали. Я никогда не соглашусь с вашими обычаями и правилами, которые ограничивают жизнь – особенно жизнь молодой и незамужней женщины.

– Неужели они такие строгие, мисс?

– Такие. И я их почти возненавидела. Я уже обидела тетю тем, что хочу жить по-своему. Дома мне никто не мешает гулять или кататься на лошади, а здесь это невозможно. В Лондоне так много интересного, но ни тете, ни кузине не хочется ходить со мной, поэтому мне тоже пришлось сидеть дома. Правда, один раз я прошлась от Мэйфайр до собора Святого Петра и обратно, и меня никто не сопровождал. Не представляете, в каком я была восторге. Ну а тетя пришла в негодование, словно я совершила преступление. Конечно, вы можете смеяться, но, уверяю вас, это совсем не смешно. Вскоре я поняла, что моя кузина из дома ни на шаг, она даже ленточку себе не может купить без служанки или лакея. Если бы мне пришлось так жить всегда, я бы просто-напросто помешалась.

– И правда тяжело, – с сочувствием проговорил он. – Но я много пробыл на чужбине, и, если сравнить с Испанией, например, Англия гораздо демократичней. В Америке по-другому? Вы поэтому тайком взяли гнедую вашего дяди и... э... удрали сегодня?

Благодушное удивление в его голосе совсем ее не обидело, правда, она сама не

понимала, как много рассказала незнакомцу. Чуть подумав, она грустно ответила:

– К стыду моему, сознаюсь, причина еще хуже. Тетя и кузина ждут к вечеру... важного гостя, и я уже столько о нем наслушалась, что меня уже тошнит от одного его имени.

– Это, конечно, нехорошо.

Он говорил с юмором, касаясь грудью ее плеча. Соррел становилось все труднее держаться прямо.

– Чем этот неизвестный гость вызвал ваше неодобрение, мисс?

– Ничем. Я его в глаза никогда не видела. Мне только известно, что он маркиз, а в Англии это все объясняет. Фитц, державшийся сзади, вдруг поперхнулся и закашлялся, но его друг не обратил на это внимания.

– А, понятно, – проговорил он. – Думаю, вы не уважаете титулы из демократических принципов? Она пожала плечами.

– Я ведь американка. Вы в Англии слишком благоговееете перед титулами. Вот что я вам скажу. Этот пресловутый маркиз мог бы быть глухим, слепым, слабоумным и одноногим, все равно он был бы желанным гостем. Человек в вашей стране зависит от количества денег в кошельке и, что еще хуже, от своего рождения.

Сзади снова послышался кашель, но голубоглазый красавец сказал только, стараясь сохранить серьезное выражение на лице:

– Вы слишком суровы, мисс.

– Может быть. Но я считаю, что человек не имеет основания надуваться, как... как жаба, только по той причине, что его дед сто лет тому назад купил титул или его более дальние предки чем-то услужили монарху.

– Вы говорите, как настоящая американка. Но вообще-то я с вами согласен. Мой друг как раз об этом говорил мне перед тем, как мы вас увидели.

Соррел удивилась, потому что его друг Фитц показался ей вполне обычным англичанином, который должен чтить титулы.

Красавец продолжал, явно поддразнивая ее:

– Вы действительно думаете, что этот маркиз именно такой... э... слепой, глухой, слабоумный и без ноги?

– Конечно, нет, но, уверяю вас, мне бы он больше понравился, будь он таким, – ответила она. – Увы, я совершенно точно знаю, что он хуже слепца и слабоумного. Он денди!

Он рассмеялся.

– Думаю, мне стоит съездить в Америку. Но должен вас предупредить, что Фитц не разделяет ваших убеждений, даже, напротив, он рад быть денди. Увы, у него не всегда получается, но это уж вина его портного.

Он немного повысил голос, и его друг немедленно откликнулся.

– Лучше уж быть денди, чем одеваться, как чер... проклятый капитан Хакум, у которого все невпопад! – негодуяюще воскликнул Фитц.

– Не обращайтесь на него внимания, мисс. Он попросту завидует. И хотя многие ваши замечания совершенно нелепы, с одним я согласен – мы слишком превозносим наших пэров. В этом Америка стоит выше нас, потому что вы с ними разделались, как мне сказали.

Соррел понравился этот добродушный обмен шутками, однако голубоглазый красавец вновь сменил тему и как бы между прочим спросил:

– Кажется, вы сказали, мисс, что ваша мать англичанка? И она разделяет ваши демократические убеждения? Соррел сразу же представила свою веселую красивую мать,

которая нисколько не интересовалась политикой.

– Не совсем, ведь она родилась в Англии. Но, насколько мне известно, она могла выйти замуж за титул. В юности они с тетей произвели фурор в обществе, несмотря на скромное происхождение. Она, тем не менее, выбрала моего отца, у которого не было ни титула, ни богатства, и к тому же он приехал из Америки. Мне кажется, она никогда не жалела о своем выборе.

– Она, верно, такая же разумная, как вы. Я бы с удовольствием послушал вас еще, но мы уже почти приехали. Показывайте дом вашей тети.

Соррел удивилась тому, как быстро они доехали, и с сожалением подумала, что вряд ли она еще раз встретится со своим прекрасным спасителем. Она хотела спросить, как его зовут, но постеснялась, а сам он ей не представился.

Показав на дом тети, который находился в конце длинной деревенской улицы недалеко от церкви, Соррел с любопытством спросила:

– А вы живете поблизости, сэр?

– Нет, мы с другом приехали в гости, – ответил он.

Вскоре они были возле ворот Кэмпден-хаус и свернули на короткую аллею, что вела к дому. Соррел предпочла бы, чтобы они сразу направились к конюшне, тогда она могла бы незаметно проскользнуть в дом, но, увы, у ее спасителя оказался властный характер. Не обращая на нее никакого внимания, он твердо направил коня к парадному подъезду.

Остановив коня, он сказал насмешливо:

– Желаю вам получить удовольствие от встречи с маркизом. Надеюсь, он не полностью подтвердит ваше представление о нем.

Прежде чем Соррел успела ответить, входная дверь распахнулась и на крыльцо выбежали тетя Лейла и кузина, на лицах которых читалось откровенное изумление.

Досадуя на свое неловкое положение после всех хвастливых разговоров о самостоятельности и независимости, Соррел никак не могла придумать достойное объяснение своему исчезновению и неожиданному возвращению в неподобающем виде, и ее опередила Ливия.

– Кузина! Соррел! Лорд Уичерли? – воскликнула она в недоумении.

Она переводила взгляд с Соррел на маркиза и с маркиза на Соррел, и на ее прекрасном лице читались изумление и явное недовольство. Но даже теперь Соррел не сразу поняла, какое ужасное преступление она совершила. Когда же она, наконец, сообразила, что произошло, то отругала себя за глупость.

Глава четвертая

Соррел резко выпрямилась, но, прежде чем успела что-то сказать, ее спаситель – маркиз Уичерли – прошептал ей на ухо:

– Вас зовут Соррел? Мне нравится. У вас такое же необычное и удивительное имя, как вы сами.

Соррел обожгла его возмущенным взглядом, не понимая, как этот скромный путник, путешествующий верхом, без сундуков и лакеев, мог оказаться надутым и важным маркизом, образ которого она нарисовала в своем воображении. На его красивом лице было такое откровенное выражение восхищения и понимания, что Соррел смутилась на мгновение.

– Прошу прощения, – тихо проговорил он ей на ухо. – Мне не следовало так шутить, но, увы, я не смог удержаться.

У Соррел совсем не было настроения вести разговор в таком тоне, но она еще не придумала, что сказать маркизу, как тетя подошла к ним.

– Соррел! – воскликнула она в изумлении. – Лорд Уичерли?

Тетя Лейла запыхалась от спешки, поэтому выглядела менее невозмутимой, чем обычно, и даже немного испуганной.

– Что случилось? Я чуть в обморок не упала, когда случайно посмотрела в окно и увидела вас на одной лошади. Мы-то думали, ты спишь в своей комнате.

Кузина Ливия все еще стояла в дверях, но не упустила случая съехидничать.

– Видишь, мама, как мы ошибались. Нам бы следовало предусмотреть, что она опять тайком сбежит. И, конечно же, на гнедой кобыле Вальтера. Я начинаю думать, что моя американская кузиночка совсем не такая уж простушка.

Тетя Лейла пропустила слова дочери мимо ушей.

Она еще сохранила остатки великой красоты, в свое время покорившей ее двух богатых мужей. Но если мать Соррел, казалось, ничуть не изменилась с тех пор, как муж с триумфом привез ее в Америку, тетя Лейла пополнена с годами и, как она сама признавала, уже не сопротивлялась неумолимому времени.

Она и в юности была более практичной, чем мать Соррел, и теперь твердо стояла обеими ногами на земле, покорив Соррел своей беспредельной добротой. Лаура, младшая из сестер, властвовала благодаря нежным словечкам и своему неотразимому обаянию. Тетя Лейла была попроще. Она казалась одновременно забавной и на редкость пронизательной, и Соррел за несколько недель успела искренне полюбить ее.

– Что случилось? – нетерпеливо повторила она, обратив, наконец, внимание на необычный внешний вид своей племянницы. – Надеюсь, не несчастный случай!

Маркиз спрыгнул с лошади, поздоровался с хозяйкой и спокойно ответил:

– Умоляю, не беспокойтесь, мадам! Ваша племянница упала с лошади и ненадолго потеряла сознание, но, к счастью, мы оказались поблизости. Уверю вас, она почти не пострадала, если не считать шишки на голове.

Тетя Лейла разволновалась еще сильнее от этих слов, зато кузина Ливия неожиданно рассмеялась, словно прозвенев нежным серебряным колокольчиком.

– Ах, вот почему она такая растрепанная! – воскликнула Ливия. – Я рада, что хотя бы одна тайна уже не тайна.

– Дорогая моя, какое это имеет значения? – искренне разволновавшись, возразила тетя

Лейла.— Я тебя предупреждала... Нет, я не хочу тебя ругать, тем более сейчас. Милорд, будьте добры, снимите ее поскорей с лошади и отнесите в дом, пока она не упала в обморок. Бедное дитя.

Ливии это явно не понравилось, да и тетя Лейла, спохватившись, подумала, что заставляет маркиза заниматься не подобающим ему делом.

— Я хотела сказать, может быть, Джеймс... привратник...— поспешила она исправить положение.— И надо послать за доктором. Ах, Господи! Надо же было такому случиться! Мистер Фитцсиммонс! А мы ждали вас только к вечеру.

Однако маркиз, не говоря ни слова, уже снял Соррел с лошади и, наверное, выполнил бы и второе указание тетушки, если бы Соррел не воспротивилась.

— Нет, нет! Я прекрасно могу идти сама,— твердо заявила она, старательно избегая его взгляда.

Заметив, что она злится, он не стал настаивать. К тому же Ливия, как ни странно, пришла ей на помощь.

— Умоляю, мама, не суетись. Ты же знаешь, Соррел это не любит. Прошу всех в дом. Еще не хватало, чтобы лорд Уичерли и мистер Фитцсиммонс подумали, будто у нас тут бедлам, а так и будет, если мы еще продержим их на пороге.

— О Господи,— воскликнула тетя Лейла,— я совсем растерялась! Входите, входите, пожалуйста. Должна признаться, я совершенно не ждала такого вашего появления, будто вы два цыгана, хотя это оказалось как нельзя кстати для моей племянницы. А где ваши вещи? Неужели вы от самого Лондона ехали верхом, милорд?

В ее голосе звучал такой ужас, будто она хотела сказать «с края света», и маркиз, не скрывая удивления, ответил:

— Нет, нет, совсем нет, мадам. В последний раз, когда мы сделали остановку, обнаружилось, что карета нуждается в небольшом ремонте. Мы решили не ждать несколько часов, сели на лошадей, и вот мы здесь. Вещи будут позже. Надеюсь, это не доставит вам лишних хлопот.

Тетя Лейла немедленно возразила:

— Уверяю вас, мне совершенно безразлично, на чем вы приехали, хотя верхом... Нет, мне это не нравится,— заявила она, решив, что не стоит обращать внимание на странные причуды знатных гостей.— Но вы, должно быть, устали. Как говорит моя дочь, мне все равно не понять, что вы о нас думаете, но, будьте уверены, я хотела вас встретить совсем по-другому. Кажется, я заболталась и совсем забыла о моей племяннице. Еще не хватало, чтобы она потеряла сознание... А где она?— спросила тетя Лейла, удивленно оглядываясь.

— Пока вы спорили, нести ее или не нести, она потихоньку улизнула от вас.— Ливия торжествовала.— Я же говорила, что она ненавидит, когда о ней говорят.

Тетя Соррел охнула, однако Ливия, подавив раздражение, взяла под руки обоих своих поклонников и весело проговорила:

— Ничего страшного! Соррел у нас не как все. В Лондоне мама была от нее в отчаянии. Только она отвернется, а Соррел уже ушла. Потом возвращается измученная и грязная, совсем как сегодня, и с вечными историями о замках и памятниках. Идемте же! Не могу передать, как я рада вам обоим. Клянусь, я тут чуть не умерла от скуки. Никак не могу понять, какое удовольствие люди находят в деревне.

Ливия опять прозвенела серебристым колокольчиком и повела своих поклонников в дом.

Она была вся прекрасна – от сияющих золотистых локонов до элегантных туфель, и не удивительно, что многие мужчины совершенно терялись и лишь по-дурацки глазели на нее, подобно мистеру Фитцсиммонсу.

Из окна своей спальни Соррел видела, как оба джентльмена не сводили с Ливии восхищенных глаз. Устав от этого зрелища, она тихо отошла в глубь комнаты и достала чистое платье.

Соррел чувствовала себя одинаково обиженной, униженной, злой, разочарованной. Мало того, что маркиз сразу же догадался, кто она, так он еще намеренно сделал из нее дуру. И самое обидное – он ей понравился, а ведь он ничего ей не рассказал о себе, разве что какую-то ерунду, да к тому же забавлялся на ее счет. А еще солдат!

На себя она тоже злилась. Надо же так разболтаться со случайными людьми, ну как она не догадалась, кто они? Хотя, сказать по правде, она ждала не двух, а одного, и в карете, а не в седле. Наверняка виновата ушибленная голова и крепкий бренди. Все равно нельзя было так распускаться.

Откуда ей было знать о мистере Фитцсиммонсе, если ей даже не сказали, что он тоже приглашен.

Как бы то ни было, Соррел по-прежнему не могла связать вымышленный образ напыщенного сноба с тем, как ей показалось, разумным человеком, которого она встретила. Вот уж глупость! Маркиз понравился ей куда сильнее, чем ей бы хотелось, и, в довершение всех бед, он был почти помолвлен с красавицей кузиной. Лучше бы ей об этом не забывать.

Соррел взглянула на себя в зеркало и горько усмехнулась. Даже когда ее лицо не бывает, как сейчас, бледным и грязным, к тому же в крови, а платье мятым, не говоря уж о растрепанных волосах, ей совсем не грозит забыть об этом. Не может быть, чтобы маркиз Уичерли не попал в плен к прекрасной кузине Ливии, подобно всем остальным.

Соррел едва успела переодеться, умыться и причесаться, как прибежала вечно куда-то спешившая тетя Лейла, которая едва успела разместить долгожданных гостей. Соррел приготовилась молча выслушать упреки, но быстро поняла, что тетя разрывается между радостью, связанной с прибытием маркиза, и тревогой насчет племянницы, поэтому ей не до упреков.

– Ты должна была позволить лорду Уичерли отнести тебя наверх, только посмотри на себя, какая ты бледная. Я правда чуть не упала, когда увидела тебя рядом с маркизом. Соррел совсем не хотелось обсуждать с тетей маркиза, и она поспешила уверить ее, что прекрасно себя чувствует, если не считать легкой головной боли.

Довольная тетя Лейла села, обмахиваясь веером, в кресло.

– Слава Богу.

Однако ей очень хотелось поговорить о маркизе. –

– Скажи, дорогая, что ты о нем думаешь? – с волнением спросила она. – Не правда ли, другого такого красавца не сыщешь? Признаюсь, я сама почти в него влюблена. Мне даже никогда не снилось найти такого мужа для Ливии. А ты заметила, он совсем не кичится своими титулами и не важничает. Другие куда ниже его, а уж так нос задирают. Какой красавчик! И настоящий джентльмен.

Она восторженно вздохнула, и Соррел поняла, что даже печальный случай с племянницей не может помешать ей сейчас наслаждаться своим счастьем.

– Да, он в самом деле очень... красивый, – честно, хотя и неохотно, признала Соррел. – Но он совсем не такой, как я ожидала. И вы не сказали мне, что пригласили мистера

Фитцсиммонса.

– Правда? Ничего удивительного. Из-за этих волнений я стала все забывать. Не обижайся, – торопливо проговорила она. – До того, как на сцене появился лорд Уичерли, он был главным претендентом на руку Ливии. К сожалению, у него нет титула, но он в родстве с половиной знатных семейств Англии и в большой моде нынче. Я было думала, они поженятся, хотя у него ветер свистит в кармане. Но это ничего. Видит Бог, я достаточно богата, чтобы позволить себе содержать его. Теперь, конечно, он у нас не в чести. Ливия видеть никого не хочет, кроме своего маркиза. Знаешь, я ее не осуждаю. Даже не будь у него титула, я могла только мечтать о таком женихе.

– А зачем вы тогда пригласили мистера Фитцсиммонса? – продолжала расспрашивать Соррел. – Он ведь вам не нужен.

– Это все Ливия, – доверительно проговорила тетя Лейла. – Они близкие друзья... Учились, кажется, вместе в школе... Она поступила разумно, пригласив их обоих. И хорошо, что их двое. Я уважаю твой траур, дорогая, но не позволю тебе хандрить, как в Лондоне, и сторониться общества.

Соррел ни минуты не сомневалась, что кухне она не нужна... Разве только, чтобы повесить на нее мистера Фитцсиммонса и иметь полную свободу в борьбе за маркиза. Уж лучше бы ей совсем не включать Соррел в свои игры.

Прежде чем Соррел успела произнести хоть слово, тетюшка продолжала, пребывая в счастливом неведении насчет чувств ее племянницы, которая ни в коей мере не разделяла ее восторгов.

– Ах, дорогая! Только подумай, Ливия будет маркизой. Я о таком и не мечтала, несмотря на ее красоту! Не представляешь, как я рада! Уж ты-то знаешь! Многие говорили, что она своего не добьется! Посмотришь, как все позеленеет, когда объявят о помолвке.

Несколько мгновений она наслаждалась воображаемой картиной, а потом вернулась к реальной действительности.

– Собственно, совсем не об этом я хотела поговорить. Ты все еще очень бледненькая. Не хочешь ли лечь в постель, дорогая? Его сиятельство говорит, что ты ударила головой и была без сознания, да и я вижу, ты еще не оправилась от своего падения. Дорогая, я вовсе не думаю сердиться, особенно сейчас. Но что бы ни позволял тебе твой отец... Я много о нем слышала и не понимаю, о чем он думал в своей страшной Америке. Как бы то ни было, я не могу одобрить твои одинокие прогулки. Я никогда не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится, пока ты гостишь у меня.

Соррел растрогала забота тети, и она торопливо ответила:

– Милая тетя Лейла, мне очень жаль, что я расстроила вас. И я не должна была брать лошадь Вальтера. Надеюсь, она не останется хромой на всю жизнь.

Тетя Лейла отмахнулась от Соррел, едва она заговорила о ее третьем муже.

– О Господи, меня это совсем не беспокоит, дорогая, – призналась она. – Я испугалась, когда увидела тебя, вот уж испугалась. Да ладно, – торопливо добавила она. – А насчет Вальтера не волнуйся. Если я не беспокоюсь, то он уж и давно не будет беспокоиться. В конце концов, лошадь куплена на мои деньги, что бы он там не говорил. Если бы речь шла о лошадях, так по мне бери любую и катайся на здоровье. Плевать ему, если даже гнедая захромает. Не думай о нем. Знаешь, я ему такое скажу, если он приедет... Надеюсь, этого не случится. Мне совсем не хочется, чтобы он болтался здесь, пока у нас гостит маркиз, во все лез и, не дай Бог, расстроил наши планы. Можешь мне поверить, несмотря на свое

происхождение, которым он так кичится, его в обществе принимают не лучше, чем меня. Да-да, так и знай! Если он заявится сюда, то уж наверняка будет навязываться его сиятельству и лезть к нему в лучшие друзья, отчего маркиз всех нас возненавидит, и это станет последней каплей. Ставлю десять против одного, что он успел уже натворить больше бед, чем мне бы того хотелось. Жаль, я в свое время не знала о нем всего того, что знаю теперь! Не хочу хвастаться, но я не из тех, кто покупает кота в мешке. Не представляешь, как я рассчитывала на него... похоронив двух мужей... Ты ведь знаешь, милая Соррел, я не люблю ссориться. Но когда мне пришлось выложить пять тысяч фунтов за его карточные долги, а я всегда прежде была великодушной к нему, то я решила – все, хватит. Так ему и сказала. Сказала, что плачу в последний раз, но, боюсь, он мне не поверил. Знает, проходимец, что я готова платить, лишь бы оградить Ливию от скандала! На это и рассчитывает, – с раздражением заключила она.

Соррел с трудом сдержала улыбку. Хотя у нее все еще болела голова, монолог тетушки о ее третьем замужестве искренне позабавил ее. Подобно тетушке, она и минуты не сомневалась, что мистер Вальтер Гранвиль не способен жить без щедрых подачек жены и не верит, будто она не заплатит, едва возникнет угроза скандала. Он был намного моложе тети и никогда не забывал напоминать ей о своем высоком происхождении. Демократические взгляды Соррел давали себя знать, когда она думала о том, что ее здравомыслящая тетя, очень богатая и все еще красивая, чувствует себя ниже своего проходимца мужа, и только потому, что родилась не в титулованной семье. Увы, это было так. Соррел всегда удивляло, зачем люди сами затрудняют себе жизнь.

Она честно признавалась себе, что не в восторге от третьего мужа тети, хотя он был забавен и довольно-таки пригож, но в тщеславии и самовлюбленности не отставал от своей падчерицы, с которой никак не мог поладить. Свое положение он понимал так – долг жены взять на себя заботу о нем и удовлетворять его дорогостоящие желания, а он волен по своему усмотрению распорядиться ее богатством и пресекать все ее упреки.

– Да, – после минутного раздумья мрачно произнесла тетя Лейла. – Как только подумаю, сразу начинаю жалеть, что пригласила его сиятельство. Не дай Бог, что пойдет не так, да еще по моей вине. Ливия никогда мне этого не простит. – Что вы, тетя! – удивляясь перемене в ее тоне, воскликнула Соррел, – Как это не так? И уж, во всяком случае, вы будете ни при чем.

Тетя Лейла задумалась, потом, видимо, решившись, оглянулась на закрытую дверь, словно боялась, что их подслушивают.

– Знаешь, у меня голова идет кругом. Не хочу тебя тревожить, но, должна признаться, когда я увидела тебя сегодня, бледную и больную, во мне все перевернулось, честно тебе говорю! Ты уверена, что это всего лишь несчастный случай? – неожиданно спросила она.

Соррел удивленно подняла брови.

– Конечно. Седло сползло, и я упала на... – Она замолчала, словно поняла что-то, но сразу же отогнала от себя нелепую мысль. – Тетя, вы должны рассказать мне, что случилось, – твердо проговорила она.

– Ах, дорогая, я не знаю, что и сказать. В общем, я получила сегодня очень... очень неприятное письмо и, повторяю, когда увидела тебя с разбитой головой, я испугалась... Дорогая, обещай мне не кататься в одиночестве. Это так опасно!

Соррел ничего не понимала.

– Что опасно? Какое письмо? От кого? – Не знаю, от кого, – с возмущением ответила тетя. – Только оно грозит бедой тебе или Ливии, если я не заплачу большие деньги. Теперь

ты понимаешь, почему я не верю в несчастный случай. Боюсь, кто-то припугнул нас, чтобы я заплатила.

Соррел во все глаза смотрела на тетю.

– Господи, Боже мой! Но ведь это – шантаж! И сколько же у вас требуют денег?

– Десять тысяч фунтов, – возмущенно проговорила тетя Лейла. – Теперь ты понимаешь, почему, увидев тебя рядом с лордом Уичерли, я так испугалась... Если ты упала не случайно, я просто не знаю, что и думать! В голове у Соррел вновь мелькнула нелепая мысль... Ее с самого начала удивляло, почему вдруг лопнула подруга, да еще так внезапно. Однако ей не хотелось говорить тете о своих подозрениях, и вместо этого она спросила:

– Милая тетя, вы ведь не собираетесь выполнять его требование?

– Тебе легко говорить! Признаюсь, мне тоже не нравится, когда у меня вымогают деньги. Это безнравственно и очень обидно. Но ты же понимаешь, я заплачу сколько угодно, лишь бы с тобой и с Ливией ничего не случилось. Согласись, все могло кончиться куда хуже... Хотя и так не сладко... если учесть лорда Уичерли. Я никому не позволю мешать счастью Ливии, хотя мне неприятно, когда мной так вертят.

– Лорда Уичерли? А он тут при чем? – искренне удивилась Соррел.

– Господи, девочка! Я, по-моему, ясно сказала... Или ты тоже плохо соображаешь? Мы как раз ждем, чтобы он что-нибудь сказал, и я заплачу вдвое больше, лишь бы ничего не сорвалось. Никогда себе не прощу, если он из-за этого откажется от Ливии. И Ливия мне не простит, – убежденно заявила тетя Лейла.

Соррел по-прежнему не хотела обсуждать маркиза, но все же проговорила:

– А вы правда думаете, что лорд Уичерли собирается предложить Ливии руку и сердце?

– Ну конечно, детка, а иначе зачем он приехал бы? Да любому видно, что он влюбился... Все они так. Ты не представляешь, сколько солидных мужчин, которые всего в жизни повидали, дуреют из-за нее.

Знаешь, я вспоминаю, как мы с твоей матерью выехали в свет. Боже, как мы кружили мужчинам головы!

Она вздохнула, погрузившись в воспоминания, но не прошло и минуты, как она тряхнула головой и вернулась к насущным проблемам.

– Если он приехал, значит, решился, и ничто не должно ему помешать. Не стоит закрывать глаза на то, что для него такая женитьба – мезальянс в глазах света, несмотря на красоту невесты и мои деньги. И можешь быть уверена, он увильнет без колебаний, если, не дай Бог, случится скандал. Чтобы этого не произошло, я на все готова. Пусть забирают все мои деньги.

Соррел не видела связи одного с другим, но она уже давно не пыталась понять сложные взаимоотношения людей в Англии. К тому же, помня о недавнем происшествии и своем поведении, она не считала себя вправе критиковать. Жалея тетю, она надеялась, что маркиз забудет о ее откровениях. И, тем не менее, она неожиданно проговорила:

– Если он такой человек, как вы думаете, тетя, то он не откажется от Ливии из-за какой-нибудь чепухи. Особенно если вы и Ливия ни в чем не виноваты.

– А вот в этом ты не права, дорогая, – возразила тетя Лейла. – Впрочем, это не удивительно, ведь ты незнакома с нашим высшим светом. И не надо хитрить. Я знаю, ты считаешь Ливию пустышкой и тебе не нравится ее погоня за титулом. Будь добра, говори со мной откровенно, – добавила она, к полному смущению племянницы. – Знаешь, иногда я

думаю, что твоя мать оказалась умнее, уехав в Америку, где на многое смотрят, как мне кажется, проще. Ну скажи на милость, почему я должна терпеть чье-то высокомерие только за то, что мое богатство нажито трудом и мой род не берет начало от Вильгельма Завоевателя! Между нами, дорогая, потому что я никогда никому этого не смела сказать, но я считаю глупостью этим гордиться! Как будто в окружении Вильгельма не было висельников и грабителей похуже сегодняшних! Ну чем тут хвастаться, ума не приложу!

Как Соррел ни старалась, она не смогла сдержать смех.

– Конечно, вы правы, тетя. Но если лорд Уичерли такой, зачем он Ливии?

– Не спрашивай меня. Ливия, боюсь, уже положила на него глаз, и с этим ничего не поделаешь, – твердо заявила тетя Лейла. – А ведь я могу купить многих, кто считает, что я должна им кланяться в пояс. Это я-то! Нам надо как следует принять его сиятельство. И ты, дорогая, должна мне обещать, что ничего ему не скажешь!

На лице тети Лейлы читался неподдельный страх, и Соррел не посмела ей отказать. Кроме того, ей вовсе не грозило кланяться ему в пояс. Хорошо бы вовсе с ним не разговаривать.

Соррел поняла, что для тети Лейлы этот брак ничуть не менее желанен, чем для ее дочери. Уж так ей хочется отплатить всем, кто позволял себе задирать перед ней нос.

– Все очень хорошо, тетя, – сказала после долгого молчания Соррел, – но, мне кажется, если уж вас начали шантажировать, самое правильное – сообщить властям.

Тетя Лейла испугалась еще сильнее, выслушав это вполне разумное предложение.

– Сообщить? – в ужасе повторила она. – Ты что, с ума сошла? Ну, сообщу я, что потом? Потом полицейские будут шнырять тут, никого ни о чем не спрашивая, и, не дай Бог, натолкнутся на его сиятельство. Разве я тебе не сказала, что не желаю ничем его огорчать, когда он уже готов стать женихом?

– Но, милая тетя, надо же что-то делать с шантажистом, – возразила Соррел. – Неужели вы не понимаете, что он не остановится на одном письме? Стоит вам хоть один раз заплатить, и придется платить еще и еще. Сомневаюсь, чтобы даже вашего состояния хватило прекратить шантаж.

– Ты права, – согласилась практичная тетя Лейла. – Конечно, я не собираюсь становиться дойной коровой. Это только пока. Пусть Ливия и маркиз договорятся, а там... Впрочем, возможно, это всего лишь шутка. Хорошо бы. Посмотрим. Знаешь, я узнала о твоём падении и сразу подумала, а вдруг это не случайность. Вот и разболталась. Я уже тебе сказала, ни за что себе не прощу, если с тобой что-нибудь случится, пока ты живешь под моей крышей.

Соррел порывисто обняла тетю Лейлу, и она, похлопав ее по руке, добавила, снизив тон:

– Правда, крыша-то не моя. Я ведь всего-навсего сняла дом на лето. Но, можешь быть уверена, я все скажу этому жулику, мистеру Клемсону. Он уверял меня, что здесь отлично и прислуга надежная. Мне же приходится подмазываться к противной миссис Доулинг, которая, видите ли, надумала уходить, хотя она знает, что ставит меня под удар. Поэтому, верно, и надумала. Почему бы не воспользоваться удобным случаем? Скверная женщина! Ты ведь знаешь, мне не жалко денег. Но здесь дело принципа. Не могу я позволить, чтобы она ставила на первое место свою племянницу.

Соррел обрадовалась тому, что тетя заговорила о другом.

– Милая тетя Лейла, я тоже считаю, что ее следует поставить на место. Но не думаю, что девушка нарочно хотела... расстроить кухню.

Тетя Лейла не рассердилась на Соррел за ее слова.

– Как бы там люди ни думали, мне кажется, я знаю недостатки своей дочери. Знаешь, я ее уже отругала. Ведь, если миссис Доулинг и ее любимая племянница уйдут, придется несколько недель ждать, пока из Лондона пришлют замену, а нам что тем временем делать? Конечно, я не одобряю поведения Ливии. Думай что хочешь, а веди себя с умом. Так я ей и сказала. Пусть сначала станет маркизой и тогда делает, что ей заблагорассудится, а пока соблюдай свою выгоду... Прости меня, дорогая, я совсем заболталась, а ведь у тебя болит голова. Ложись-ка в постель. Я и пришла-то тебя уложить, а сама, надо же, совсем тебя замучила.

– Нет, нет, голова уже почти не болит... Совсем чуть-чуть. Но если вы не хотите заявить в полицию, то самое лучшее, что мне приходит на ум, – это пойти к лорду Уичерли, – с неохотой выдавила из себя Соррел. – Он, мне кажется, не из тех, кто чего-либо боится, и наверняка легко справится с этим делом.

Но тетя Лейла опять не на шутку испугалась.

– Дорогая, я же тебе сказала, пока он тут, все должно быть тихо-спокойно. Чуть запахнет скандалом – и его поминай как звали. Не вздумай ничего ему сказать! Помни, ты мне обещала!

Соррел неохотно, но все же подтвердила свое обещание, и тетя слегка успокоилась.

– Все было бы по-другому, если бы он зарился на мое богатство. Я почти жалею, что это не так.

Соррел уже, кажется, ко всему была готова, но такое ей и в голову не могло прийти.

– Вы жалеете, что он не женится на Ливии из-за денег? – недоверчиво переспросила она.

– Ну, конечно же, не жалею. Хотя, видит Бог, в этом не было бы ничего страшного, да и мне было бы понятно, как себя вести с ним. В деньгах я все понимаю, поэтому чувствовала бы себя увереннее. Да и потом, мне было бы сподручнее присматривать за ним. Можешь не сомневаться, я бы не позволила пустить деньги ни ветер! Ты не представляешь, дорогая, и слава Богу, как мало мы знаем о мужчинах до свадьбы, когда они нас очаровывают. Тебе известно, что у меня были три мужа, и, знаешь, самую непростительную глупость я совершила, выйдя замуж в третий раз.

Ладно, как-нибудь выкрутимся, но полицию я звать не буду. Пусть его сиятельство ни о чем не знает. Говорю тебе, я готова заплатить вдесятеро больше, лишь бы все осталось шито-крыто. Но и рисковать здоровьем моих девочек я не желаю. Заплачу и избавлю себя от забот, по крайней мере, до свадьбы Ливии.

Соррел подумала, что о таких делах лучше ставить в известность до, а не после свадьбы, раз уж тетя боится огорчить маркиза. Но, с другой стороны, тогда ему уже нечего будет сказать.

Еще Соррел подумала, что кузина в гораздо большей опасности, чем она сама, если шантажист в самом деле хочет напугать тетю и заставить ее выложить много денег. Однако она промолчала, чтобы не пугать тетю еще сильнее. Вместо этого она с любопытством спросила:

– А как вы будете платить?

– Пока не знаю. Он мне напишет. Хочет держать меня на коротком поводке, чтобы я побольше поволновалась, – негодуя заявила тетя Лейла.

– Вы сказали «он». Думаете, это мужчина?

– Нет, не думаю. Хотя... В конце концов, неважно. Он или она получают свои деньги,

хотя это и против моих правил.

– Не отчаивайтесь, тетя,– сказала Соррел.– Что-нибудь придумаем. Да и, может, это шутка. Вы же сами сказали...

-Хорошо бы,– согласилась тетя Лейла, поднимаясь со стула и оправляя юбки.– По крайней мере, ты немного порозовела и говорила разумно. Слава Богу! Не думай, моя дорогая, я готова заплатить гораздо больше десяти тысяч, лишь бы с тобой ничего не случилось. Если бы я узнала, что ты расшиблась по моей вине, я бы ни за что себе не простила. Соррел пылко расцеловала тетю.

– Нет, нет, тетя Лейла, можете быть совершенно спокойны. Не знаю, как все остальное, а сегодня я сама виновата,– ласково проговорила она, немного кривя душой.– Кстати, вы говорили кузине о письме?

– Нет. И не скажу, – решительно заявила тетя. – Не хочу ее тревожить в такое время, да и, надеюсь, такая дружная парочка, как лорд Уичерли и мистер Фитц-симмонс, послужит ей надежной защитой.

Она довольно рассмеялась.

– Уверена, они ни на шаг не отойдут от нее в ближайшие две недели. И, десять к одному, это всего-навсего глупая шутка. Вот посмотришь. Но все-таки будь поосторожней. Я не хочу тебя бранить, да ты и привыкла вести себя иначе, но, сдастся мне, опасность грозит тебе, а не моей Ливии, так что постарайся быть осмотрительнее.

– Постараюсь,– твердо пообещала Соррел.

Глава шестая

Прошло время, и Соррел не без юмора вспомнила о своей излишней самоуверенности.

Пока же, сославшись на головную боль, она не стала вечером обедать вместе со всеми, так как не имела ни малейшего желания встречаться с его сиятельством. Вместо этого она пораньше улеглась в постель. Ей о многом надо было подумать.

То ли из-за неприятных мыслей, то ли из-за ушиба на голове, она почти всю ночь беспокойно крутилась и в результате проснулась неотдохнувшей, так ничего и не решив, разве что не заглядывать дальше одного дня.

Шишка еще болела, особенно когда ее касалась расческа, голова была тяжелой и, в довершение всех бед, как назло, за ночь заплыл один глаз. Тогда Соррел сказала себе, что нечего зря расстраиваться, так как рядом с красавицей кузиной она может перебить себе нос и поставить синяки на оба глаза – все равно этого никто не заметит. Она медленно, с трудом оделась, ощущая боль не только в голове, и нехотя пошла вниз.

Ночью Соррел мучили кошмары, но ясным солнечным утром вчерашнее ошеломляющее признание тети Лейлы казалось совсем не страшным. Правда, вчерашний несчастный случай наверняка не случайность, но Соррел по-прежнему не сомневалась, что, пугая тетю, злоумышленник опаснее для кузины, чем для нее. Кстати, не исключена и шутка, увы, жестокая.

К несчастью, другая проблема была куда неприятнее. Вчера она выставила себя полной дурой перед маркизом, и если все еще злилась, вспоминая о том, как он над ней посмеялся, то в первую очередь ругала свой собственный язык. Соррел вздрогнула, вспомнив, что она вчера наговорила, хотя в другое время, наверное, пожала бы плечами и тотчас обо всем забыла, но, не дай Бог, маркиз обидится и не захочет жениться на кузине, как она тогда будет смотреть в глаза тете?

Правда, маркиз нарочно заставил ее откровенничать, так что пусть теперь не обижается. А ей английская аристократия ни к чему. Он только и делал, что врал ей, поэтому еще неизвестно, кто кого должен презирать. Позабавился он, наверное, неплохо, а его высокомерный Фитцсиммонс еще и подзуживал ее. Соррел не сомневалась, что они потом от души посмеялись над ее невежеством и дурацкой откровенностью.

Соррел не за что было симпатизировать странному маркизу. Хотя, если честно признаться, она все еще никак не могла соединить в своем представлении напыщенного светского щеголя, которого она выдумала, со спокойным, уверенным в себе всадником, завоевавшим ее расположение. И, если она всего лишь немного хмурится, представляя его обаятельную улыбку, не желая помнить, как он ее обманул и унизил, значит, она совсем дура и ничего тут не поделаешь.

Соррел очень хотелось оттянуть встречу с маркизом. Она знала, что кузина встает поздно, и рассчитывала, что гости у нее такие же сони, поэтому решила воспользоваться ранним часом и проведать на конюшне лошадку.

Соррел всегда любила раннее утро, хотя английская прохлада была совсем другой, нежели американская. Гнедая оказалась в полном порядке – ни ушиба, ни царапины. Вздыхнув с облегчением, Соррел погладила ее, дала ей морковку и уже собралась уходить, как услышала за спиной шаги.

Она обернулась, решив, что это конюх, но ей навстречу шел маркиз.

Соррел встрепенулась и тотчас, рассердившись, одернула себя. Она расправила плечи и, как ни в чем не бывало, поздоровалась с маркизом, отмечая с неудовольствием, что в синем элегантном костюме, под цвет его глаз, он выглядит еще привлекательнее, чем вчера. Однако ради тети она сдержалась и не позволила себе сказать, что она о нем думала.

– Доброе утро, милорд.

Его губы дрогнули в улыбке, но ответил он сдержанно.

– Доброе утро, мисс Кент! Как гнедая? Я осмотрел ее вечером и ничего не нашел. Думаю, скоро она будет как новенькая.

Соррел поглубже вздохнула, отказываясь вступать в светский обмен любезностями.

– Благодарю вас, милорд...

Но он продолжал, будто не слыша ее.

– Я счастлив вас видеть, но не рано ли вы встали с постели? Прошу простить меня за такие слова, но вчера вы не вышли к обеду и сегодня выглядите не очень здоровой.

Соррел едва сдержалась, чтобы не сказать ему правду.

– Благодарю вас. Сегодня мне гораздо лучше, – холодно проговорила она. – Я же сказала вам вчера, что терпеть не могу, когда вокруг меня хлопочут. – Она подумала и решилась. – Милорд...

– Мисс Кент, – сказал он одновременно с ней.

Оба замолчали, после чего маркиз засмеялся, хотя Соррел его не поддержала. Она преодолела минутное смущение и продолжала ледяным тоном:

– Я хочу извиниться за то, что наговорила вам вчера.

Маркиз закрыл дверь конюшни и вместе с Соррел пошел к дому, словно в их встрече не было ничего необычного. И вновь Соррел, сама того не желая, подпала под обаяние маркиза. К тому же он смотрел на нее все понимающим взглядом.

– За что именно? – спросил он с нескрываемым любопытством. – За то, что вам не нравится аристократия, или за то, что вы твердо решили презирать меня еще до моего приезда?

Соррел поняла, что он не склонен облегчать ей положение, и стиснула зубы.

– За все... Мне не следовало выбалтывать свои мысли первому встречному. За это я прошу меня извинить. У меня только одно оправдание – моя бедная голова. Забудьте все!

Его глаза смеялись, но он проворчал с намеренным вызовом:

– Ах, так, мисс Кент! Вы меня разочаровали. Кроме того, боюсь, у меня слишком неудобная память. Уж не хотите ли вы уверить меня, будто вовсе не думали, что говорили вчера о моем титуле?

Это было слишком, и Соррел сердито ответила:

– Напротив, я сказала то, что думала! И прошу прощения только за то, что сказала это вам.

Маркиз расхохотался.

– Чем дальше в лес, тем больше дров. Ну, не злитесь! Признаю, я вас дразнил, и не вы, а я должен просить у вас прощения, мисс Кент. Вы очень на меня сердитесь? Я знал, что поступаю непростительно, но не мог удержаться. Давно я не слышал таких откровенных речей. Обычно, знаете ли, все преувеличенно преклоняются перед титулом, который, как вы совершенно справедливо заметили, я ничем не заслужил. Вы не представляете, я словно глотнул свежего воздуха, когда вы ткнули мне в нос моим титулом и расправились со всеми моими привилегиями. Это было сказано настолько искренне, что казалось Соррел

невероятным. Неужели он считает ее совсем уж дурой? Или он не встречал женщин, которых бы не покоряла его неотразимая улыбка? Не найдя правильного ответа ни на тот, ни на другой вопрос, Соррел предпочла промолчать.

– Что ж, – улыбаясь, продолжал он. – Будем честными до конца. Признайте ради справедливости, что при всех моих пороках я не – как вы там говорили? – слепой, глухой или одноногий, и совсем не такой уж плохой.

Неожиданно он протянул ей руку и улыбнулся.

– Давайте заключим мир! Или я поступил совершенно непростительно?

Соррел честно признала, по крайней мере мысленно, что ничего непростительного не произошло. Если бы не необычные обстоятельства и не его непонятная привлекательность, она бы сейчас не злилась и не обижалась. Но признаваться в этом она не собиралась.

– Не сомневаюсь, вам понравилось делать из меня дуру! Но зачем обманывать?

Он помрачнел.

– Я вас не обманывал. А если вам так показалось, то, уверяю вас, я хотел сразу назваться, но так увлекся вашими необычными речами, что решил дослушать до конца. Согласитесь, вы бы и половину не сказали, если бы я представился маркизом.

– Мне не показалось, – холодно проговорила Соррел. – Вы ведь представились солдатом? Очевидно, вы считали, что это должно произвести на меня впечатление.

Маркиз помрачнел еще больше.

– Если вы так думаете, то у вас, конечно, есть все основания возмущаться, – печально заметил он. – Но я вас не обманывал. Еще совсем недавно я был капитаном в армии. Тетя вам не сказала?

Соррел заглянула ему в глаза, не зная, чему верить.

– Нет, – помолчав, неохотно призналась она.

Маркиз улыбнулся.

– Это правда. Почти десять лет я провел вне Англии и вышел в отставку всего два года назад, когда получил титул. Полагаю, это может меня извинить. Если хотите знать, я даже благодарен вам за то, что вы помогли мне хотя бы недолго побыть солдатом, а не маркизом. Пожалуйста, поверьте, я совсем не хотел обидеть или унижить вас.

Маркиз говорил так искренне, что Соррел почти поверила ему и рассердилась на себя. Они уже подходили к дому, когда она спросила с недоверчивой улыбкой:

– Вы как будто и в самом деле считаете меня дурочкой, милорд? Неужели вы думаете, будто я поверю, что вам не нравится быть маркизом?

– Почему бы и нет? – довольно прохладно переспросил маркиз. – У титула есть преимущества, я готов это признать. Но, позволю себе повторить, мне куда больше нравилось быть простым солдатом. И вы совершенно правы, мисс Кент, в своем презрении к аристократам. Представьте, ко мне как к маркизу многие стали относиться совсем по-другому, и почти никто не говорит мне правду. Обычно мои новые знакомые – особенно молодые девицы и их родители – прекрасно знают о моем титуле. А вы продемонстрировали, что вы его ни во что не ставите, и мне это понравилось.

Однако у Соррел от его слов зародилось новое подозрение.

– Особенно девицы, – повторила она. – Теперь я понимаю. Вы ведь подумали, будто я специально все подстроила, чтобы привлечь ваше внимание. Разве не так?

Маркиз ничего не ответил, и Соррел пылко продолжала:

– Ну вот, вы не отрицаете! Вы и сейчас так считаете.

– Черт бы побрал мой язык! Что ж, по заслугам, ведь мне следовало знать, что вы выберете самое нелестное толкование из всех возможных. Мисс Кент, я не могу ничего объяснить или опровергнуть, не показавшись вам еще большим щеголем, – с грустью заметил он. – Однако позволю себе сказать, если у меня и были подобные недостойные подозрения, они очень скоро развеялись. Кроме того, подстроить такое нельзя. Вы и сейчас плохо выглядите, хотя и стараетесь убедить меня, будто совсем здоровы.

Она не обратила внимания на его слова.

– Это не доказательство. Предположим, я решила, что риск того стоит. Или я просчиталась и пострадала более, чем хотела, – с горечью проговорила она. – Вы, смею заметить, привыкли, что женщины бросаются вам на шею, и не можете не быть подозрительным.

Маркиз не стал ничего отрицать, но заметил не без иронии:

– Уверяю вас, мисс, если меня не убедил ваш обморок, то уж ваши демократические принципы убедили полностью. Правда, я удивился, ибо впервые услышал такие бескомпромиссные нападки на мои вельможные привилегии, но, откровенно говоря, совсем не заподозрил вас в намерении вскружить мне голову и заполучить титул. Вы, конечно, считаете меня самодовольным пустозвоном, но я все же не настолько самодоволен, чтобы не понимать: когда меня называли капитаном Лангфордом, то и цена мне была другая. Как вы справедливо заметили, успех имеет мой титул, а я сам...

Соррел хотела ему поверить и боялась обмануться. Если он действительно так думает, то она не понимала, как он собирается ладить с ее очаровательной кузиной. Но, с другой стороны, трудно поверить, будто этот обаятельный и уверенный в себе мужчина не сомневается, что его любят только за титул. А она-то считала себя единственной в этом роде.

– Я думаю, – с горечью проговорила Соррел, – что вы, милорд, непревзойденный тактик. Вы тут много всего наговорили, но я верю только в ваше солдатское прошлое. Если у вас остались подозрения на мой счет, то забудьте их. Я не принадлежу к тем презренным женщинам, которые готовы на все, лишь бы выйти замуж за титулованную особу, тем более я не подведу мою собственную кузину, но вы не учитываете одно обстоятельство, а оно непременно убедит вас в моей искренности.

Он с любопытством посмотрел на нее.

– Мне неловко спрашивать, мисс Кент, но что вы имеете в виду?

– Что у меня столько же шансов опередить мою красивую кузину, сколько у вас – убедить меня в ваших демократических взглядах, милорд.

В его глазах заплясали веселые чертенята, но ответил он серьезно.

– Ах, случаются и более странные вещи.

– Вы правы. Поэтому я надеюсь, что вы отныне будете говорить мне правду, – парировала она.

– Наконец-то я слышу хоть что-то приятное, а то я уж боялся, что вы вообще не захотите со мной разговаривать. Однако вы слишком жестоки, мисс Кент. Я ведь покаяться и извинился.

Соррел чуть не задохнулась от возмущения.

– Ну, конечно, если для вас покаяться значит бросать мне в лицо мои собственные дурацкие слова при каждом удобном случае!

Он засмеялся.

– Нет, нет. Это было бы некрасиво. Почти так же некрасиво, как судить человека по тому, где он родился. Вы не согласны, мисс Кент?

Соррел изо всех сил старалась не расхохотаться.

– Вот так вы каетесь. Предупреждаю вас, милорд, вы заставляете меня утвердиться во мнении, которое было, признаю, не более чем дурацким предубеждением с моей стороны. Поначалу вы сознательно позволили мне сделать из себя дуру, теперь не даете забыть, что я вам наговорила из-за удара по голове и, не сомневаюсь, вашего бренди, которым вы меня специально спаивали. Надеюсь, если в вас есть хоть капля благопристойности, в чем я начинаю сомневаться, вы ничего не расскажете тете и кухне.

Маркиз расхохотался.

– Теперь я знаю цену и вашим извинениям тоже. Вас не волнует обида, которую вы нанесли мне, зато вы боитесь, как бы вас не разоблачили перед тетушкой и кухиной. Нет, нет! Я шучу. Должен признаться, что в самом деле бесстыдно вас провоцировал. А теперь я вам во второй раз предлагаю заключить мир.

Соррел никак не могла отделаться от сомнений, но, в конце концов, нехотя протянула ему руку, и он пожал ее. Однако она не удержалась и проворчала насмешливо:

– Все-таки мне кажется, милорд, вы считаете себя вправе смотреть на людей свысока благодаря своему титулу.

У маркиза дрогнули губы, но он возразил:

– Ни в коей мере, мисс Кент. Но если я впаду в такой грех, пожалуйста, напомните мне, что я иду по неверному пути.

– Но я здесь всего на несколько месяцев, милорд,– заметила, смягчаясь, Соррел.

Он улыбнулся.

– Вот и хорошо. Я начинаю думать, что вы будете мне полезны, мисс Кент.

Неожиданно он поднес ее руку к губам и поцеловал.

Соррел вырвалась и торопливо отвернулась, пряча заалевшее лицо. Несмотря ни на что, их взаимное тяготение было очень сильным, и ей следовало быть начеку. Как бы, между прочим, она спросила:

– В самом деле, женщины бросаются вам на шею... ради титула?

– Дюжинами!– не задумываясь, ответил он.– Я и шагу не могу ступить, чтобы они не путались у меня под ногами. Моя природная скромность не позволяет мне описать вам чудовищность этой напасти. Многие юные леди, чтобы стать маркизами, готовы подворачивать ноги, когда я рядом, не справляются со своими лошадьми, скача по лесу, лишь бы я спасал их и доставлял домой. Честное слово, у меня ни минуты покоя. Поразительно, каким я стал привлекательным, едва получил титул.

Маркиз говорил, не задумываясь, и Соррел не сомневалась, что в его словах больше правды, чем ему бы самому хотелось. Соррел никак не могла понять, что может объединять его с ее красавицей кухиной, поэтому она сухо сказала:

– Можете смело вычеркнуть меня из своего списка, милорд. Уверю вас, за титулом я не гонюсь, но мне непонятно, почему вы не откажетесь от него, если он вас так тяготит.

– О, я вижу, вы мне не верите, мисс Кент. Однако мое решение далось мне нелегко. Увы, мой дядя не придумал ничего лучше, как умереть бездетным. С тех пор я знаю, как титул меняет мнение света о человеке. Поверьте, вы думаете о знати никак не хуже меня. Люди, с которыми я едва раскланивался, теперь мои закадычные друзья. Хлопотливые мамыши, для которых раньше я не представлял никакого интереса, теперь наперебой

приглашают меня в свои дома. А с каким вниманием ко мне стали относиться портные, лавочники и все прочие, короче говоря, те, кто надеется мне что-то продать или как-то меня обслужить. Наверное, мне было бы простительно возгордиться. И я мог бы возгордиться, если бы забыл о другом отношении ко мне до того, как я обрел свой титул маркиза.

Соррел нахмурилась, признавая, что не думала о проблеме с этой точки зрения, но не прошло и минуты, как она сказала с известной долей иронии:

– Благодарю вас, милорд. Вы излечили меня от поверхностного взгляда на вещи. Это ужасно.

– Нет, нет. Совсем не так ужасно. Наверное, я показался вам неблагодарным человеком. Знайте, мисс Кент, если бы я сказал нечто подобное кому-нибудь еще, меня бы приняли за сумасшедшего. Временами я сам думаю, не тронулся ли я? Как это объяснить? Признаюсь, я не совсем согласен с вашими демократическими воззрениями, но большую часть жизни меня ценили за мои заслуги, и мне это нравилось. А теперь я вижу, что меня почитают за титул, и мне трудно с этим смириться. Соррел все еще не решила, насколько может ему доверять. Естественно, он знает, как понравиться женщине. Ей – тоже. Но не может быть, чтобы он все придумал.

– Но ведь вы знали, что будете наследником вашего дяди?

– Одно дело – знать, что когда-нибудь станешь титулованной персоной, и совсем другое дело – быть ею.

Маркиз пожал плечами.

– Я прекрасно знаю, что меня считают счастливым человеком. Мне завидуют. Никому и в голову не придет пожалеть меня. Ну и правильно. Передо мной раболепствуют, как вы успели заметить, мне льстят, меня приглашают. Но, должен сказать, хотя мне самому это странно, что я, право же, предпочел бы остаться капитаном Лангфордом. Только не считите это черной неблагодарностью.

– Прошу прощения. Я не совсем вас понимаю. Если вы искренни, то почему не можете жить иначе?

Маркиз печально улыбнулся.

– К несчастью, я воспитан в уважении к долгу и обязанностям, хотя мне бы хотелось, чтобы мой дядя завел себе дюжину сыновей. Однако я вовсе не кладезь добродетели, не думайте. На самом деле я эгоист! И мне бы хотелось жить в соответствии с моим вкусом. Но, не сомневаюсь, вы первая согласитесь, что мы не всегда можем делать, что хотим.

Соррел нахмурилась.

– Вы, конечно, правы, но, если вам это так не нравится, зачем? Никто не может вас заставить.

– Титул, который я унаследовал, дает преимущества, но и накладывает обязательства. Вы не представляете, сколько людей зависит от меня! И потом, я должен подумать о наследнике. Я бы не смог со спокойной совестью наслаждаться жизнью, хотя, уверяю вас, это куда приятнее, чем груз ответственности. Теперь, мисс Кент, вы понимаете, почему я вам благодарен?

Соррел удивилась.

– Мне? Благодарны? – недоверчиво переспросила она.

– Поверьте, вы первый человек, которому я это говорю. Кругом все думают, что я должен благословлять свою счастливую судьбу, и я никому не могу сказать правду. Пожалуй, я бы еще несколько лет пожил в свое удовольствие! Даже мои армейские друзья, хоть и

жалели о моем отъезде, считали, что мне здорово повезло. А вы, с вашим предубеждением против фальшивого блеска знатных титулов, выслушали и поняли меня.

Соррел не знала, что сказать... Вдруг он опять играет с ней. И вновь с кончика ее непослушного языка чуть не слетел вопрос, зачем он поощряет тщеславную кузину Ливию, если у него в самом деле мысли не расходятся со словами. Однако она боялась, что и без того наделала немало глупостей.

– Что ж, я рада, что смогла услужить вам, – сухо проговорила она, немного помолчав.

Маркиз лучезарно улыбнулся и сказал нечто совершенно неправдоподобное:

– А ведь я совершенно не собирался беседовать с вами об этом. Подумать только, как я вам, наверное, надоел моими проблемами. Но вы сами виноваты. Так меня еще никто не слушал, мисс Кент.

Соррел не сомневалась в его искренности.

– А я-то думала, что вела себя ужасно. Он рассмеялся.

– Может, и ужасно, но мне было хорошо, раз я разболтался. Должен признаться, вы меня заинтересовали своими взглядами. Но поговорить с вами я хотел не об этом.

Соррел опять нахмурилась.

– У вас был другой повод разыскивать меня с утра, кроме желания извиниться? Правда, желания неискреннего, но все же не могу представить, зачем еще меня искать.

Глаза маркиза сверкнули улыбкой, и тотчас Соррел с удивлением увидела, что его красивое лицо может быть серьезным, даже мрачным.

– Мы так приятно беседуем, несмотря на не слишком удачное начало, что мне жаль все портить... Боюсь, у меня для вас неприятные новости.

Соррел смотрела на него широко раскрытыми от изумления глазами.

– Для меня? Неприятные новости? Он вздохнул.

– Мне нелегко об этом говорить. Мисс Кент, кто вам завидует? Кому могло прийти в голову искалечить вас или даже убить? Увы, вчера это чуть было не случилось.

Глава седьмая

Соррел показалось, что она ослышалась. Она никак этого не ожидала.

– Что вы сказали?

– Кто вам завидует? Кому могло прийти в голову калечить вас или убивать?– повторил он неожиданно мрачно.– Неприятно говорить, но ваше падение вчера было не случайным.

Взяв себя в руки, она ответила:

– Никто не завидует. Этого не может быть, милорд.

– Да? Боюсь, вы ошибаетесь. Вчера я немного удивился, особенно после того, как лошадь сбросила седло. Конечно, подруга могла порваться, но чтобы этого не заметил опытный конюх? А вы сами? Кстати, я поговорил с конюхом. Он очень серьезный парень. Естественно, ему не по вкусу ваши одинокие прогулки, но уж в небрежности его никак не обвинишь. Не могу сказать, чтобы охотно, однако он признал, что вы прекрасно держитесь в седле и у вас крепкие руки. Я и сам могу это подтвердить. К тому же ему известно, что седло вы взяли не случайно, так как пользовались им постоянно. Да и ваша тетушка любит порядок и сама за всем присматривает. А он, если хотите знать, испугался, когда лошадь вернулась без седла, и понятия не имеет, как это могло случиться.

Затаив дыхание, Соррел в страхе смотрела на него, уже зная, что он скажет дальше.

– Решив разобраться в этой истории, мисс Кент, я побеспокоился послать своего конюха, чтобы он поискал ваше седло, и он без особых хлопот нашел его. Его мнение, представьте себе, совпало с моим. Кто-то нарочно подрезал подругу и ровно настолько, чтобы при большой нагрузке, например, при прыжке через стену, она порвалась. Кто-то очень постарался, мисс Кент, очень постарался. Другими словами, ваш несчастный случай вовсе не несчастный случай, и я бы очень хотел знать, кому это нужно.

Соррел пришла в ужас от услышанного, но у нее не было времени ничего обдумать. Если он говорит правду, то это как-то связано с шантажом, но уж слишком все сложно. Да и маркизу не полагалось ничего знать, по крайней мере, тетя Лейла этого не хотела. Соррел не забыла о своем обещании ничего ему не говорить.

– Вы, наверное, ошибаетесь,– пролепетала она.– Ну, кому надо меня убивать?

– Факты говорят совсем другое. Позвольте мне, мисс Кент, вернуться к моему вопросу. Для кого вы так опасны, что вас хотят убить?

– Ни для кого, – твердо проговорила она.– Все это чепуха.

Соррел боялась, что маркиз ей не поверит, и поэтому в первый раз за все время искренне обрадовалась появлению кузины. Ливия выглядела прелестно в тонком муслиновом платье, украшенном лентами, и в очаровательной соломенной шляпке. Она слегка нахмурилась, увидев их вместе, но спросила спокойно:

– Вы уже не спите, милорд? Секретничаете?

Соррел мгновенно залилась дурацким румянцем и, опередив его сиятельство, быстро ответила:

– Все нет. Лорд Уичерли спросил, чем тебя развлечь, и я предложила прокатиться верхом к Бродвейской башне, о которой нам рассказывала тетя.

Взглядом она молила его о поддержке.

Маркиз же сначала ласково сказал ей вполголоса:

– Не рассчитывайте, мисс Кент, что я буду молчать. Мы еще вернемся к этому.

И только потом нарочито весело обратился к Ливии:

– Доброе утро, мисс Морден! Судя по вашему румянцу, вы неплохо выспались. Ваша кухня и впрямь вдохновила меня на прогулку к этой вашей башне. Надеюсь, вы не откажетесь составить нам компанию.

Ливия подозрительно оглядела их обоих, но Соррел не сомневалась, что с ее тщеславием она и подумать не могла о своей серенькой американской кухне-мышке как о сопернице. Ее минутная ревность была, скорее, данью всеобщему убеждению, будто женщины безжалостны в своем стремлении к цели (ведь она тоже была такой), чем сомнением в предпочтениях маркиза.

Она взяла под руку своего знаменитого поклонника и радостно проговорила:

– О да! Мама все время вспоминает, что башню перестраивали, когда она была девочкой, и что она произвела на нее огромное впечатление. Думаю, в ней нет ничего интересного, но делать все равно нечего. Мы можем поехать на целый день и устроить пикник.

Делая вид, что не видит Соррел, она повела его сиятельство к дому.

– Я искала вас, потому что скоро подадут завтрак. Мистер Фитцсиммонс еще спит, но он всегда говорит, что встает позже меня.

В эту минуту Соррел обнаружила, что маркизом не так-то легко командовать. Он остановился, заставив Ливию сделать то же самое, обернулся и вопросительно посмотрел на Соррел, словно предупреждая, что ей не удастся отделаться от его вопросов. В его глазах было еще что-то, заставившее Соррел забыть о бестактности Ливии.

– А как же ваша кухня? Вы идете завтракать, мисс Кент?

Соррел сделала вид, что ее совсем не радует досадливое выражение на лице Ливии, и вежливо ответила:

– Нет. Я уже завтракала.

– И потому вы так высокомерны? – спросил маркиз. – Неужели, мисс Кент, вы презираете всех, кто просыпается позже вас? Это несправедливо. Что ж, мы вас покидаем, но не забудьте, мисс Кент, мы еще не договорили, – добавил он многозначительно и позволил Ливии увести его в дом.

Соррел смотрела им вслед со странным чувством. Она все еще не знала, что ей делать с неожиданными откровениями маркиза, но зато она наверняка знала, что трудно было бы найти более красивую пару – оба золотоволосые, голубоглазые, обаятельные. Видя, как Ливия доверчиво льнет к нему, а он, улыбаясь, клонится к ней с откровенным восхищением, написанным на его прекрасном лице, никто не усомнился бы, что Ливия и маркиз созданы друг для друга.

Эта мысль причинила Соррел неожиданную боль, и, рассердившись на себя, она решила сосредоточиться на более серьезных вещах. Если маркиз прав, то ее падение вовсе не несчастный случай, а это плохо. Однако если он прав, то меньше всего ей хотелось, чтобы он знал об этом. Что бы Соррел ни думала об аристократии, этого маркиза она узнала достаточно, чтобы не сомневаться – лорда Уичерли нелегко обмануть и заставить плясать под чужую дудку.

Что до тети, то Соррел по-прежнему не знала, сказать ей правду или не сказать. Если сказать, то тетя еще сильнее расстроится и, чего доброго, заплатит десять тысяч фунтов, а как раз это Соррел решила предотвратить, чего бы это ей ни стоило.

Странно все-таки. Соррел не понимала, почему шантажист выбрал ее, а не Ливию, если

хочет попугать тетю. Может быть, ему все-таки была нужна Ливия? Однако если с подругой все правда, то, похоже, кухня тут ни при чем. Всем известно, что Ливия равнодушна к верховой езде. Впрочем, шантажист мог этого не знать.

Впрочем, кто бы ни намечался в жертвы, Соррел была не склонна всерьез принимать уверения маркиза, будто кто-то желает ей смерти. Утро вечера мудренее, и Соррел воспринимала вчерашнее происшествие уже едва ли не с юмором. Всего лишь случайность, что удар пришелся на голову. Да еще камни.

Соррел пришла к выводу, что ей гораздо приятнее думать, будто никто не желает ей зла, а шантажист всего-навсего хочет попугать тетю Лейлу и выудить у нее деньги.

Если так, то тете не обязательно об этом знать, и Соррел решила ничего ей пока не говорить. Лучше ей самой найти шантажиста и разоблачить его. Считая себя более практичной, чем тетя, Соррел не сомневалась: стоит тете Лейле уступить один раз, потом конца не будет проблемам. Американское воспитание и привычка к независимости не позволяли Соррел отмахнуться от решения трудной задачи.

Однако она не представляла, как найти шантажиста. Вполне возможно, что испортил седло один из слуг, ведь почти все они, включая пресловутую миссис Доулинг, были местными, следовательно, случайными людьми. Тетя привезла с собой из Лондона кучера, дворецкого, повара-француза, да еще грума, лакея и двух высокооплачиваемых горничных для Ливии и себя.

Судя по вчерашнему скандалу, местные слуги имели основания обижаться на тетю или, скорее, на Ливию. Но чтобы решиться на такое? Соррел представления не имела, кто из слуг мог бы быть способен на шантаж. Кроме того, тетя собиралась пробыть в деревне все лето, а так как другой работы здесь, в общем-то, не было, то вряд ли кто-нибудь из них рискнул бы хлебом насущным.

К сожалению, Соррел ничего не могла сказать наверняка и о собственных слугах тети, так как почти их не знала. Почему бы кому-нибудь не затаить обиду на тетюшку или попросту не подумать о своем будущем, которое слугам, вероятно, представлялось далеко не радужным. Ничего невероятного Соррел не видела и в обиде на Ливию, которая беспрерывно капризничала и совершенно ни с кем не считалась. Соррел знала: насчет Ливии в лакейской чего только не говорят.

Как узнать, что подвигло шантажиста действовать? То ли он в самом деле хочет отомстить тете за прошлые обиды, то ли стремится всеми средствами разбогатеть. Соррел понятия не имела ни о врагах тети Лейлы, ни о завистниках Лавии. А вдруг кого-то из местных разозлила тетина удачливость? Вариантов немало.

Однако печальнее всего другое. Несмотря на больную голову, Соррел отлично понимала, если первая попытка оказалась неудачной, то наверняка будет вторая. И ей пришло на ум, что, пожалуй, надо предупредить кухню.

Однако Соррел помнила об обещании, которое она дала тете Лейле. Единственная надежда, если, конечно, маркиз прав, на то, что тетя Лейла вскоре получит еще одно письмо, и тогда можно будет устроить для шантажиста ловушку.

Тем временем, пожалуй, самое главное – удержать маркиза от новых открытий. Что бы она ни думала о нем, а она сама не знала, что ей думать, одно было ясно – маркиз совсем не глуп. Что ж, в будущем надо избегать встреч наедине.

Соррел улыбнулась, зная, что в этом кухня будет ей помогать всеми силами. А уж Ливия своего добьется, если захочет.

Когда Соррел не очень охотно присоединилась к обедавшей компании, разговор еще шел о башне. Ливия весело шутила, со смехом предупреждая всех о деревенской скуке и рассказывая о том, как она тосковала до приезда гостей.

– Представьте себе, даже мне пришлось один день прозевать над книгой. Вот моей кухне – она почти синий чулок и, наверное, воспитывалась в какой-нибудь ужасно ученой семинарии – это занятие очень увлекательно. Однако ни один человек в Лондоне не поверит, что я так низко пала.

Ливия обернулась и, увидев застывшую в дверях кухню, несколько не смутилась тем, что Соррел ее слышала.

– О, ты здесь, кухня? – беззаботно спросила она. – Тебе нечего стыдиться.

– А я и не стыжусь, – тихо ответила Соррел и села за стол, стараясь держаться подальше от маркиза.

Как ни странно, положение попытался спасти мистер Фитцсиммонс.

– Вы не правы, мисс Морден, по крайней мере, в одном! – пылко вмешался он. – Не могу представить такого места, где с вами могло бы быть скучно.

Ливия весело рассмеялась.

– Подождите, подождите! Вот поживете здесь с неделю, еще не так заговорите, хотя, думаю, и одного вечера достаточно. Боюсь, мы чересчур вас обнадежили. Дом не слишком удобен, слуги – необученные сельские увальни. Мама сколько угодно может говорить, что, когда она была девочкой, этот дом казался ей пределом мечтаний, но мне старые дома не нравятся. Комнаты тесные и такие мрачные, что хочется плакать. В окно смотреть бессмысленно, все равно ничего интересного не увидишь. Вот ужас! И потолки, кажется, вот-вот упадут на голову. Думаю, надо вытащить отсюда все сколько-нибудь стоящее и построить новый дом.

Вот уж, с иронией подумала Соррел, кухня развевалась не на шутку. Дай ей волю, и от красивого дома времен Елизаветы с многочисленными окнами и обшитыми деревом комнатами следа не останется. Сама она влюбилась в дом с первого взгляда. Особенно хороши были причудливые резные панели из дерева и кирпичные трубы.

Вновь вмешался мистер Фитцсиммонс:

– Не беспокойтесь. Уичерли здесь понравится, – заявил он. – Вы еще не видели его фамильной громадины. Она куда величественнее вашего дома, но и в ней, уверяю вас, нет ни одной приличной комнаты. Честное слово! Я провел там только пару ночей. Камин в спальне дымил, и всю ночь кто-то ужасно скребся, наверное, мыши. Правда, наутро дворецкий убеждал меня, что это вовсе не мыши, а дух одного из прежних владельцев замка. Спросите Уичерли!

Ливия то ли удивленно, то ли недоверчиво посмотрела на маркиза.

– О нет! Этого не может быть! Неужели это правда?

Маркиз ответил с нарочитой серьезностью:

– Чистая правда! Пусть скажет спасибо, что мы не поселили его в комнате, которая кишмя кишит духами. В ней никто не ночует. Что же до комфорта, то мне приходится по полчаса ждать воду для бритья, да и к тому же чаще всего ее приносят холодной. Она успевает остыть, пока слуга идет от кухни до моей спальни. Но, право, это ничтожная плата за удовольствие владеть одним из самых величественных замков в стране. А печные трубы! Я не нашел ни одной исправной, – добавил он печально. – Пришлось мне смириться с холодными обедами и сквозняками. Но, должен признаться, вырос я в еще более

непритязательных условиях.

– Нет, нет! Вы разыгрываете меня! – воскликнула Ливия с милым смехом. – Во всех путеводителях ваш дом описывают как самый прекрасный замок. Вы оба надо мной смеетесь! И вообще, я говорила не о замках. Но, должна сказать, я люблю удобства. В Лондоне у нас современные туалеты, и мы потратили целое состояние на ремонт труб, чтобы они не дымили. Вам здесь удобно, правда?

Маркиз улыбнулся Ливии своей самой обольстительной улыбкой, отчего она еще больше засияла, а мистер Фитцсиммонс смерил его ревнивым взглядом.

– Правда. Этот дом очень уютен. Кроме того, после моей военной службы я спокойно отношусь к отсутствию комфорта. Там я часто радовался тому, что есть хотя бы крыша над головой и одеяло на земляном полу, а уж о дымоходе и мечтать не приходилось, довольствовались дыркой в потолке. Уверяю вас, ваш дом кажется мне просто роскошным. Это Фитц у нас привереда, а я и теперь сплю где угодно.

– Ну а я, – разоткровенничалась Ливия, – считаю, что здесь неудобно. Вы наверняка вчера заметили, что мы ужинаем неприлично рано, когда еще совсем светло и нет смысла зажигать свечи. Я уверена, это называется жить по-деревенски. Но мы можем изредка выносить стол на террасу и ужинать на свежем воздухе. Это будет чудесно!

– В вашем присутствии, мисс Морден, любое место становится прелестным, – галантно заметил мистер Фитцсиммонс. – Не правда ли, Уичерли?

Маркиз несколько отвлёкся, но быстро включился в беседу.

– Что? О да, конечно. Кстати, сообщаю, мне очень легко доставить удовольствие и я редко скучаю.

Соррел чуть не рассмеялась, заметив, что это не понравилось Ливии. Его сиятельству следовало быть повнимательнее, если он хочет добиться благосклонности избалованной красавицы. Однако Ливия продолжала излагать свой тщательно продуманный план развлечений. Тетя Лейла собиралась дать обед в честь знатных гостей и пригласить на него некоторых старых друзей, которых она знала еще в девушках, но Ливия чуть было не расстроила ее планы, открыто заявив матери, что его сиятельству совершенно не интересно столь старомодное общество. Вместо этого она предложила поехать в Челтенхем и посетить там танцевальный клуб. В свое время тетя Лейла не сказала ни «да», ни «нет», но сейчас Ливия представила это как дело решенное.

– Конечно, там не то, что в Лондоне, и общество не очень. Но все-таки, какое-никакое развлечение, а то неизвестно, что делать вечером. Кроме того, я привезла сюда новое бальное платье, которое мне очень идет, и мне хочется его надеть.

Тетя Лейла промолчала, хотя была не в восторге от этой поездки. Она с сомнением поглядела на Соррел, помня о ее трауре. В Лондоне Соррел стойко отказывалась ездить на балы и званые вечера и не собиралась совершать утомительное путешествие в тряской карете ради каких-то дурацких танцев.

Поскольку Ливия никогда ни с кем не считалась, то она сделала вид, будто ничего не заметила, и весело продолжила:

– А посмотреть башню мы можем завтра. Мама, радуйся, ты давно этого хотела. Боюсь, в ней нет ничего интересного, но мы поедем верхом и устроим пикник.

Похоже было, это совсем не понравилось тете Лейле. И неудивительно! Утомительная экскурсия на другой день после званого обеда! Однако она опять промолчала.

– Звучит заманчиво, – согласился маркиз, бросив быстрый взгляд на Соррел. – Но не

повредит ли это мисс Кент? Прежде чем Соррел успела заявить, что не желает никуда ехать, Ливия беззаботно ответила вместо нее:

– О, она может остаться с мамой. Сомневаюсь, что такая поездка ей интересна. Кстати, у меня еще одно предложение. Мы можем заехать в Бродвей и выпить там чаю. И весь день будет занят.

Она, казалось, забыла, что поездка была задумана ради ее матери. Маркиз вновь вмешался.

– Насколько я помню, мы затеяли эту поездку, чтобы миссис Гранвиль могла еще раз посмотреть на свою башню. Мне кажется, верхом ей ехать не годится, так что прикажем заложить для мисс Кент и вашей матушки карету, и никто не будет обижен.

Ливия с раздражением посмотрела на Соррел. Ей не понравилась преувеличенная забота маркиза о ничем непримечательной кузине, однако она была достаточно умна, чтобы не обнаруживать это перед знатным поклонником.

– Ну конечно. Замечательная мысль. Мама и Соррел поедут в карете, и мы их встретим. А потом, если они не захотят остаться с нами, то смогут вернуться домой.

Соррел с интересом слушала, как Ливия все переворачивает с ног на голову, но она уже неплохо знала и кузину, и тетю, и понимала – будет так, как захочет Ливия. Наездница из Ливии никудышная, но поездка в сопровождении двух поклонников должна доставить ей удовольствие. Тете Лейле и Соррел придется тащиться в тесной карете и заодно везти провизию для пикника. Лучше не придумаешь! Соррел искренне жалела, что не могла найти убедительный предлог и отказаться от поездки на радость Ливии.

Но сначала предстоял званый обед.

Соррел, у которой еще побаливала голова, была бы счастлива увильнуть от него, но об этом не могло быть и речи, ведь тетя Лейла пригласила здешнего викария с женой и еще нескольких человек из самых богатых.

Соррел знала, что тетя ждала этого вечера с особым удовольствием, и не только потому, что вернулась богачкой и пригласила на обед всех тех, кто задирает перед ней нос в трудные времена, но еще и потому, что могла похвастаться своим гостем – настоящим маркизом, которому предстояло увенчать ее счастье аристократическим титулом. Она вся сияла и была готова поделиться своей радостью с кем угодно.

Ее дочь представляла собой полную ей противоположность, и весь вечер не скрывала скуки. Ливия оделась слишком нарядно для такого вечера в вечернее платье из золотистого газа на чехле из белого сатина и была хороша как никогда. Старомодное общество ее совершенно не интересовало, и она, несомненно, без всякого колебания монополизировала бы почетного гостя, если бы его сиятельство не предупредил ее хитрость, за чем Соррел наблюдала с большим удовольствием.

Желала этого Соррел или не желала, но ей пришлось признать, маркиз вел себя безукоризненно. Казалось, он был в восторге от общества людей столь же скучных, сколь респектабельных, и не только не смотрел на всех сверху вниз, но искренне получал удовольствие от еды и беседы. Что бы он ни думал, он хорошо скрывал это, и все дамы были решительно им очарованы к концу вечера.

Даже супруга местного сквайра леди Смит, чопорная дама в лиловом платье и с внушительным тюрбаном на голове, то и дело неприятно хихикавшая, и та смягчилась в его присутствии. У нее были для этого все основания, так как, не обращая внимания на гневные взгляды дочери, тетя Лейла распорядилась по-своему, и маркиз последовал к столу под руку с леди Смит.

Не забывшая о начале своего пути, тетя Лейла отлично понимала, что у леди Смит больше прав, чем у незначительной мисс Морден, и никакие слезы и угрозы Ливии не поколебали ее решение.

Ливии пришлось довольствоваться мистером Фитцсиммонсом, который выглядел вполне достойным кавалером и тоже имел успех у дам. Если учесть, что леди Смит была дамой самоуверенной и начисто лишеной обаяния и такта, то его сиятельство наверняка немало пострадал от нее.

Однако, как Соррел ни вглядывалась в него, она ни разу не заметила ничего предосудительного. Блестя красотою, он вежливо беседовал с леди Смит, которая, поддавшись его обаянию, немного воодушевилась, и с нескрываемой радостью обменивался репликами с хозяйкой дома, сидевшей с другой стороны, найдя с ней неожиданное взаимопонимание.

Если он и посматривал ревниво на Ливию, откровенно кокетничавшую с мистером Фитцсиммонсом, то Соррел этого не заметила. Однако не исключено, что его положение и вправду не всегда доставляло ему радость.

Тетя Лейла, в платье из великолепного пурпурного шелка, к радости Соррел, не опустошившая свою шкатулку в естественном желании похвастаться богатством, вся сияла и

радовалась жизни. Она с удовольствием принимала старых знакомых и откровенно гордилась тем, что возвратилась в Кэмпден не с пустыми руками, за что ее никто не осуждал. Даже леди Смит была неожиданно добра к ней.

Со своей стороны, Ливия, полностью забыв о таких пустяках, как правила приличий, оживленно болтала с влюбленным мистером Фитцсиммонсом, совершенно не обращая внимания на сэра Томаса Смита, сидевшего по другую руку от нее. Тетя Лейла бросала на нее осуждающие взгляды, прекрасно понимая, что Ливия, несмотря на свою красоту, выглядит не лучшим образом. Но Ливия, нисколько с ней не считаясь, как будто назло, старалась как можно сильнее шокировать непрезентабельных друзей своей матери. Леди Смит тоже смотрела на нее с нескрываемым возмущением, но, возможно, потому, что ее муж забыл обо всем на свете, оказавшись рядом с такой красавицей.

Соррел узнала значительно больше, чем даже она хотела, об истории деревни, поскольку это было коньком викария, сидевшего слева от нее, и, все время вынужденная слышать серебристый смех Ливии, сидевшей напротив нее за столом, не могла не думать о том, что маркиз прекрасно воспитан. То ли он умел держать себя в руках, то ли не сомневался в своем преимуществе, но он не опускался до ревности к незнатному мистеру Фитцсиммонсу.

Наверное, справедливым было второе, но после утреннего разговора Соррел уже не могла с прежней легкостью осуждать его. Раньше ей не приходилось всерьез задумываться о титулах и титулованных персонах, но, похоже, все было не так просто, как ей казалось. Теперь же ей пришло в голову, что на приемах маркиз наверняка много времени проводит в скучных беседах с родовитыми пожилыми дамами, пока его менее знатные приятели напропалую флиртуют с хорошенькими девицами.

Конечно, он мог утешаться тем, что, стоит ему только захотеть, и все тотчас изменится, будь то Ливия или любая другая красавица. Однако мало радости в том, что ключом к успеху ему служит титул.

Соррел, сама не замечая этого, нахмурилась, удивленная столь резкой переменой в себе. Кроме того, она не понимала девиц. Украдкой взглянув на маркиза и еще раз удивившись его красоте и доброжелательности, она не могла поверить, что он пользуется успехом только потому, что он маркиз. И без титула он мог стать украшением любого общества.

Соррел была недовольна собой. Вот и она ничуть не лучше кухни Ливии и, несмотря на давнее предубеждение, вполне может стать жертвой его лучистой улыбки и красивого лица.

Она еще раз украдкой взглянула на него, даже не надеясь узнать, что он думает о довольно скучном приеме или о ее очаровательной кухне. Соррел пока еще не поняла, влюблен он в Ливию или не влюблен.

Когда его взгляд останавливался на ней, а это случалось нередко, в нем ясно читалось восхищение, однако его совершенно не тревожил откровенный флирт предполагаемой невесты и старого друга. Соррел вдруг поняла, что ей не нравится мысль о помолвке маркиза и Ливии.

Маркиз неожиданно заглянул в глаза Соррел и улыбнулся. Она вспыхнула и сразу же отвернулась, досадуя, что ее поймали, как школьницу, и боясь, как бы он не угадал ее мысли.

Соррел с облегчением вздохнула, когда дамы встали из-за стола, но, к сожалению, мужчины задержались ненадолго... несомненно, в точности следуя инструкциям тети Лейлы.

Когда они пришли в гостиную, то в первый раз разговор стал общим, и вскоре пожилая жена викария, доброжелательная и хрупкая на вид, но душевно стойкая женщина, радостно сказала:

– Как приятно встретиться после стольких лет и поговорить о прошлом. Я никогда не любила терять друзей, наверное, вы тоже. Впрочем, я слишком долго была женой викария и в какой-то мере считаю себя ответственной за его паству. Я помню девочек Харластон, ведь я хорошо знала их в давние времена и потом следила за их успехами. Подумать только, мы опять все собрались... почти все. А если считать, что мисс Кент здесь вместо своей матери, то все.

– Да, странно, – с нескрываемой гордостью подхватила тетя Лейла. – Если бы вы меня тогда спросили, не собираюсь ли я вернуться и жить в самом большом доме во всей округе, я бы решила, что у вас с головой не в порядке. Но, должна признаться, я получила гораздо больше удовольствия, чем ожидала, оживляя воспоминания и осматривая знакомые места. Не могу понять, почему мне надо было дожидаться приезда племянницы, чтобы навестить родные места.

– Ах, мама, – вмешалась Ливия. – Ты же сама знаешь, что терпеть не можешь деревню. И не мне винить тебя, потому что я не понимаю, чем здесь можно заниматься изо дня в день.

– О, мы находим себе дело, – заметила, блеснув глазами, миссис Харрис. – Но молодой девушке действительно здешняя жизнь может показаться однообразной... Особенно после вашего триумфа в Лондоне, мисс Морден. Ваша мама рассказала нам, и, уверяю вас, в этом нет ничего удивительного. Вы напомнили мне... вы и ваша кузина... какими были ваша мама и ее сестра в вашем возрасте. Поверьте, красивее их я никого не видела. И мне очень приятно... как будто я вернулась в прошлое.

Ливия осталась довольна. Соррел не сомневалась, что она совершенно справедливо приняла комплимент исключительно на свой счет, считая упоминание о Соррел простой вежливостью со стороны миссис Харрис. Однако жена викария заговорила вновь, и теперь ее слова не могли понравиться Ливии.

– Но я уверена, волнующие события лондонского сезона не так увлекательны для того, кто привык к настоящим приключениям. Мисс Кент, я весь вечер мечтаю послушать, как живут в Америке.

Соррел, хотя ей понравилась миссис Харрис, еще меньше Ливии была довольна тем, что внимание общества переключилось на нее, и нехотя ответила:

– Боюсь, она не слишком отличается от жизни в других местах, мэм.

– О, простите, я вам не верю. Недавняя война... просторы... хотя бы краснокожие индейцы, о которых мы столько слышали. Я уверена, жить среди всего этого должно быть очень интересно.

– Прошу вас извинить мою жену, мисс Кент, – сказал викарий, блеснув старческими глазами. – Она вечно читает о дальних странах, а уж как любит слушать о них из первых уст! Я-то знаю, в глубине души она всегда хотела, чтобы я стал миссионером и проповедовал среди каннибалов Африки.

– О, дорогой! Я с удовольствием послушаю о разных приключениях, раз уж сама не могу в них участвовать. Боюсь, я совсем не такая смелая. Но, как говорит муж, я обожаю слушать о дальних странах. Мисс Кент, надеюсь, вы найдете минутку и как-нибудь заглянете ко мне на чашечку чая. Порадуйте старую женщину рассказами об Америке.

Ливия еще больше разозлилась от того, что не получила приглашения, хотя ни за что не

потратила бы свое драгоценное время на чашку чая у пожилой леди. В разговор включилась леди Смит. – Что до меня, то я уверена, Америка – дикая страна, и я ни за что туда не поехала бы, а уж жить там... Все эти войны, восстания! Не понимаю почему, но им все время надо ссориться с нами.

Соррел было разозлилась, но, сообразив, что бессмысленно переубеждать леди Смит, прикусила язычок. И очень удивилась, когда услышала голос маркиза, глаза которого метали молнии:

– Не хочу показаться непатриотичным, мэм, но, думаю, в большинстве случаев американцы правы.

Леди Смит небрежно отмахнулась.

– Чепуха. Я всех их считаю неблагодарными предателями страны, которой они обязаны своим существованием. Недавняя война ереполнила чашу моего терпения, и я была бы счастлива, если бы мы прервали все отношения с этой страной-выскочкой.

Она замолчала, запоздало поняв, что ее слова не слишком любезны, и снисходительно добавила:

– Я ничего не имею против мисс Кент. Ее-то уж совсем ни к чему обвинять в крайностях ее родины. Да и ее мать – англичанка.

Соррел поняла, что в глазах леди Смит это обстоятельство перевешивает все остальное.

Соррел почувствовала, что предательский румянец выдает ее возмущение, но ничего не могла с ним поделать, хотя понимала, как это глупо.

– Позвольте возразить, мадам, – вежливо проговорила она. – Обычно я не хвастаю своими родственниками, но, боюсь, сейчас это необходимо, ведь я тоже часть моей страны крайностей, как вы ее назвали. Мой дед был одним из отцов-основателей и голосовал в Ассамблее за восстание против Британии, а мой отец – сенатор Соединенных Штатов. Вы правы, моя мать – англичанка, но все мои симпатии на стороне Америки...

– Которая такова, какой она должна быть, – торопливо проговорила миссис Харрис.

Такой неожиданный поворот темы обеспокоил тетю Лейлу, но она, как всегда, не покривила душой.

– Моя племянница и сама героиня. Она была сестрой милосердия во время войны и, как я понимаю, часто подвергала себя опасности.

Соррел еще больше покраснела и пожалела, что разволновала всех, но леди Смит не желала сдаваться.

– Ну и что? – упрямо заявила она. – Уверяю вас, я не собиралась обижать мисс Кент. Но может у меня быть собственное мнение?

– Безусловно, – отозвался маркиз, с особым интересом глядя на Соррел. – Если не ошибаюсь, как раз за это боролись американцы, мэм. За право каждого гражданина делать и говорить то, что он хочет.

Ливия, давно уже наскучившись чужой беседой, заявила с такой детской прямолинейностью, что на нее даже никто не обиделся:

– О Боже, почему мы здесь говорим о войне в Америке? Я, конечно, могла бы не напоминать маме, что она просила меня петь сегодня вечером. Она всегда, как вы знаете, на этом настаивает, хотя я прошу ее этого не делать.

Ее бесцеремонность заставила всех умолкнуть. Миссис Харрис удивилась такому неприкрытому эгоизму, правда, в глазах у нее вновь вспыхнул лукавый огонек, и даже леди Смит не нашлась что сказать. Положение спас мистер Фитцсиммонс:

– Клянусь Юпитером, мы не позволим вам, мисс Морден, лишить нас такого удовольствия!

Опомнившись, миссис Харрис неуверенно поддержала мистера Фитцсиммонса, и, немного посопротивлявшись, Ливия стала играть и петь для гостей. Играла она невыразительно, но голос ей поставили неплохо, а выглядела она так, что даже не любитель музыки сэр Томас, было скривившийся, и то, поддавшись внушению, постукивал в такт и с одобрением смотрел на Ливию. Мистер Фитцсиммонс стоял рядом с Ливией и переворачивал страницы нот, а его сиятельство, для которого в первую очередь предназначалось кокетливое пение Ливии, был заметно благодарен ей за удовольствие.

Соррел обрадовалась, когда внимание всех переключилось на Ливию, хотя смотрела на свою прекрасную кухню с недоуменным восхищением. Ей следовало бы уже привыкнуть к прямолинейности Ливии, однако она не переставала удивляться, насколько легко она срабатывает.

– Ваша кухня очень красива, – неожиданно услышала она возле самого уха.

Соррел оглянулась и с удивлением обнаружила, что рядом сидит миссис Харрис. Она постаралась не выдать себя ни выражением лица, ни голосом.

– Да, она красивая.

– И очень решительная. Но я рада, что получила возможность поговорить с вами. Надеюсь, вы выберетесь ко мне на чашечку чая. Я очень любила вашу маму и была бы счастлива узнать, как ей жилось после отъезда отсюда.

Соррел была ей благодарна хотя бы за то, что она раскусила Ливию, поэтому она поторопилась ответить:

– Конечно, мэм, и мне было бы интересно узнать, как она жила здесь. Я с удовольствием навещу вас. Мама часто рассказывала мне о здешних местах и о тех, кто тут жил, особенно о вас и о викарии. Она помнит, как вы были добры к ней.

Миссис Харрис приятно удивилась.

– Помнит? Но ведь прошло так много лет. Но что правда, то правда. Она была восхитительным созданием. Просто околдовала всех.

Соррел улыбнулась, слишком привыкнув к похвалам, адресованным ее матери, чтобы обидеться.

– Боюсь, я не слишком похожа на нее. Вот кухня похожа на тетю.

Миссис Харрис лукаво блеснула глазами, но не унизила Соррел притворными комплиментами.

– Возможно, не настолько, – согласилась она, – хотя вы похожи на свою маму значительно больше, чем думаете. Ваша кухня, не могу не признать, похожа больше. Дорогая моя, как вы напоминаете мне прошлое. Все местные молодые люди тянулись к ней, как пчелы на мед, и, казалось, она могла крутить ими с такой же легкостью, с какой завивала на пальчик свои локоны. Знаете, среди них я помню и сына леди Смит, который был по уши влюблен в вашу мать. Наверное, мне бы не следовало о нем говорить, ведь он умер, бедный мальчик. Но, знаете, хотя мне он всегда казался на редкость скучным юношей, я должна сказать, он женился бы на вашей матери, несмотря на отчаянное сопротивление леди Смит, если бы она сказала ему «да». Думаю, моя дорогая, отчасти поэтому моя старая приятельница сегодня так неприветлива с вами. Надеюсь, вы не слишком огорчены.

Соррел удивила неожиданная откровенность жены викария.

– Нет, конечно. Я уже привыкла не обращать внимания на такие вещи, – ответила она

спокойно. – Мне не надо было отвечать ей.

– Ну что вы, дорогая, все правильно. Она заслуживает, чтобы ей иногда давали отпор. Странно, но мне кажется, что вы чем-то больше похожи на тетю. Из двух сестер Лейла всегда была более независимой и практичной. Меня ничуть не удивляет, что она пережила двух своих богатых мужей, она всегда старалась взять побольше... я не считаю это зазорным, поверьте. Но ваша мама... Скажите, дорогая, она не жалеет, что уехала в Америку? Я, помню, очень удивилась, услышав об этом. Она не казалась... Нет, ничего. Ее брак с вашим отцом удачный?

– Очень удачный. Но она не оставила привычки крутить мужчинами, как ей нравится, потому что мой отец по-прежнему обожает ее. Что же до отъезда в Америку, то могу сказать одно: я не помню дня, чтобы ее не окружала полудюжина до безумия влюбленных молодых людей, и ее салон считается одним из самых модных в Вашингтоне.

– Приятно это слышать, – обрадовалась миссис Харрис. – Но, если вы не возражаете, мне кажется, что женщина, привыкшая царить на балах, вряд ли может быть заботливой матерью. Надеюсь, вы не обиделись на мою откровенность? Немного помедлив, Соррел сдержанно ответила:

– Нет, не обиделась. Должна сказать, вы правы – она не слишком заботливая мать. Но, уверяю вас, я очень люблю ее. Как видите, я не унаследовала ее красоту, и это создает некоторые трудности. Когда я была ребенком, я этого просто не замечала и обожала ее, как все вокруг. Но тогда мне не надо было соперничать с ней. О, это звучит ужасно! Я не хотела. К тому же мне никогда не придет в голову соперничать с ней... так же, как с кузиной.

Соррел улыбнулась, стараясь смягчить горечь своих слов.

– Я это рано поняла, потому что даже папа никого не замечает, когда в комнате мама. И почему я вам об этом рассказываю?!

Миссис Харрис ласково пожала ей руку.

– Потому, что вам хочется выговориться. А может быть, потому, что я вам чужая и знала вашу маму девочкой. Думаю, вы пока еще прячетесь в своем коконе.

Она посмотрела на серое платье Соррел, которое терялось в сравнении с дорогим нарядом Ливии.

– Я вижу, вы в трауре.

Глаза Соррел неожиданно наполнились слезами, и она торопливо прикрыла их, стараясь не выдать своих чувств. Неужели она когда-нибудь сможет спокойно говорить об этом?

– Мой... мой жених. Он был убит на войне.

– О, простите меня, дорогая. Увы, то, что я хочу вам сказать, наверное, неуместно, но я все же скажу, – продолжала она, как ни в чем не бывало. – Несмотря на весь свой ум, вы, дорогая, в одном ошибаетесь. Не хочу вас обижать, уверяя, что вы столь же хороши, как ваша кузина. Но соперничать с ней вы можете значительно более успешно, чем вам кажется. Иначе зачем бы маркиз... а он такой красивый, что я сама почти влюбилась в него, хотя, как вы знаете, не слишком уважаю титулы... Зачем бы маркизу весь вечер не сводить с вас глаз?

Глава девятая

Соррел почувствовала, как у нее затрепетало сердце, и заставила себя быть благоразумной.

– Нет, нет... Вы ошиблись, – торопливо проговорила она.

– Неужели? Подозреваю, что, всю жизнь играя вторую скрипку при своей матери, вы, дорогая, совсем не знаете силы своего обаяния.

– Возможно, – сказала Соррел, не позволив себе поверить добрейшей миссис Харрис.

И это не укрылось от жены викария, но она не стала настаивать. Вместо этого она заявила такое, что у Соррел глаза полезли на лоб:

– Дорогая, раз уж я так разговорилась, пойду-ка я до конца. На вашем месте я была бы поосторожнее.

– Осторожнее? – воскликнула Соррел, забыв, что они не одни. – Ради Бога, почему вы так говорите, мэм?

– О Господи. Мой муж будет сердиться на меня за мою болтливость, – огорченно заметила почтенная леди. – Но в моем возрасте надоедает все время быть сдержанной. Я всего лишь хотела сказать, а в мои годы это видно любому, что ваша кухня имеет обыкновение добиваться своей цели, и я бы поостереглась встать у нее поперек дороги. Надеюсь, я не слишком резка по отношению к ней? Все же я гостя в доме вашей тети.

Соррел немного успокоилась, дослушав ее до конца. На мгновение она всерьез испугалась, решив, что жене викария известно о шантажисте. Но представить, что Ливия может бояться своей американской кухни! Это просто нелепо!

– Спасибо за ваши добрые слова, мэм, но вы ошибаетесь. Моей кухне не по вкусу соперничество, но она вряд ли опасается меня. По неведомой мне причине его сиятельство забавляется тем, что... что дразнит меня, но не более того, уверяю вас.

Говоря это, она посмотрела на кухню и увидела рядом с ней мистера Фитцсиммонса и лорда Уичерли. Они оба были увлечены музыкой и еще более – прекрасной исполнительницей.

Миссис Харрис проследила за ее взглядом и сухо заметила:

– Что ж, дорогая, не буду с вами спорить, хотя у меня совсем другое мнение на сей счет. Но музыка уже кончилась, и нам пора. Мы с мужем не привыкли засиживаться допоздна. Хорошо еще, мы живем всего в нескольких шагах от вашего дома. Надеюсь, вы простите старую сплетницу... хотя бы потому, что я знала вашу маму. Вы доставите мне большое удовольствие, если примете мое приглашение, и мы продолжим знакомство.

Соррел поблагодарила ее и с радостью приняла приглашение, хотя не могла не думать о том, что еще ей скажет удивительная миссис Харрис. Однако подошел викарий и, принеся свои извинения, увел жену домой. Прием заканчивался.

Когда Соррел добралась до кровати, то ей было о чем подумать, и она несколько часов не могла заснуть, радуясь хотя бы тому, что никто, кроме нее, ничего не знает.

Лучше бы ей, не долго думая, забыть о словах миссис Харрис, дамы добросердечной, но с романтическим воображением. Слишком долго мать укрывала ее своей тенью, чтобы она подумала, будто его сиятельство может увлечься ею хотя бы мимоходом.

Даже если он и смотрел на нее весь вечер – хотя, в присутствии кухни, в это трудно было поверить, – Соррел не сомневалась, что он просто забавлялся, словно в самом деле

втайне находил ее любопытной. А, может быть, он все еще подозревает, что она ищет его внимания.

Эта мысль сердила Соррел, ведь она не ловит богатого и титулованного мужа. Злость быстро улеглась, но Соррел еще долго не могла заснуть. Причиной ее душевного смятения было то, что она в первый раз, как бы ни было ей стыдно, поняла: слова миссис Харрис ничуть не обидели ее, даже наоборот.

Раз уж ветер подул в эту сторону, и она такая дура, надо взять себя в руки, и чем раньше, тем лучше. Ирония судьбы! В Америке она отвергала все притязания молодых людей, крутившихся возле ее матери и таявших, как масло, и вдруг поняла, что ее тянет к мужчине, воплотившему в себе все, что она презирала. Она демократка, он – маркиз, перед которым раболепствуют все, кому не лень. Дома ей оказалось не под силу влюбить в себя даже самого непривлекательного юнца, если не считать Вильяма, а маркиз по-настоящему красивый и обаятельный и сам признался, что за ним гоняются все честолюбивые дамы в Англии. Вот уж нелепость!

В конце концов, напомнила она себе, что бы там ни говорила миссис Харрис, ей не под силу соперничать с красавицей кузиной. И даже если бы было под силу, она бы не позволила себе такого предательства по отношению к тете, не желавшей ей ничего дурного. Она не могла так поступить.

От этой мысли Соррел невесело усмехнулась. Надо же такое придумать! С какой стати, язвительно спросила она себя, ты вообразила, что он может обратить на тебя внимание, когда рядом такая красавица? Мужчины с куда меньшими достоинствами смотрели на тебя, как на пустое место.

Если честно, у нее нет оснований для самообольщения, разве только он хочет, чтобы Ливия его ревновала.

Соррел нахмурилась, искренне не понимая, почему ей неприятна эта мысль. Она ведь все объясняет. Маркиз наверняка понял, что Ливия флиртовала с мистером Фитцсиммонсом, надеясь ускорить его объяснение. Почему бы ему не ответить ей тем же, пофлиртовав с американской замухрышкой.

Если так, то у нее еще больше оснований не связываться с маркизом. Не хватало только, чтобы ее использовали в столь низких целях. Кроме того, она не хуже миссис Харрис представляла, на что кузина способна в ревности. Они с маркизом вполне могли бы решить свои проблемы без ее участия.

В то же время Соррел никак не могла понять, почему миссис Харрис, показавшаяся ей весьма проницательной дамой, решила, что его сиятельство весь вечер не сводил с нее глаз. Несколько раз Соррел позволила себе посмотреть на него, но он то с удовольствием болтал с соседкой по столу, то одобрительно разглядывал красавицу Ливию, что было вполне естественно.

Глупо даже мечтать, что она хоть на секунду может стать веселой и обворожительной красавицей, притягивающей к себе все взгляды. Но мечтать или не мечтать – это ее дело, а от бессмысленной зависти она давно избавилась.

В таких обстоятельствах неудивительно, что Соррел мечтала о дожде, который мог бы помешать намеченному пикнику. Однако, когда она рано утром выглянула в окно, всюду светило теплое июньское солнце и на небе не было ни облачка. Все обещало прекрасный день.

Зная, что поездки не избежать, Соррел отправилась проведать гнедую лошадку. Только

она выпрямилась, осмотрев ей колени, как хорошо знакомый голос произнес за ее спиной:

– Я так и думал, мисс Кент, что найду вас здесь.

Соррел резко обернулась, но быстро взяла себя в руки, хотя не могла не злиться на себя за ничем не оправданную радость и неожиданное смущение.

– Я... Доброе утро, милорд.

– Как лошадь? – спросил он.

– Слава Богу, не хромает, – ответила Соррел, радуясь, что они ведут столь безобидный разговор. – Просто счастье, что и следа от хромоты не осталось.

– А ваша тетя уверяла меня, что ее третьему мужу наплевать на лошадь, даже если бы она и хромала, – поддразнил он ее. – Кстати, мне ваша тетя очень нравится. Жаль, не пришлось посмотреть на сестричек в молодости. Миссис Гранвиль уверяла меня, что они были ужасными проказницами, и я готов в это поверить. Ваша мама очень на нее похожа? Это не понравилось Соррел.

– Внешне да, – коротко ответила она. – Характером нет. Милорд, прошу меня извинить. Тетя, наверное, уже меня ищет.

– Сомневаюсь. Когда я уходил, она еще завтракала. Кстати, вчера мы не закончили наш разговор, – вежливо заметил он. – Вечером мне не удалось перекинуться с вами и парой слов.

Она постаралась, чтобы ее голос звучал легко и незаинтересованно, хотя ей меньше всего хотелось вести подобную «беседу».

– Я полагала, мы уже все обсудили. Спасибо за беспокойство, но, должна признаться, я не могу всерьез принять ваше предупреждение. Не представляю, кто может желать мне зла.

Глядя на нее в упор, маркиз нахмурился, а Соррел смутилась.

– И я не представляю, мисс Кент, – наконец сказал он. – Но, тем не менее, уверяю вас, я ничего не выдумываю. Скажите, в вас говорит хваленая американская храбрость или у вас есть причина сомневаться в моих словах?

Разговор получился даже хуже, чем она предполагала, но и отмалчиваться было поздно.

– Конечно, я не сомневаюсь в вашей искренности, милорд. Но я в Англии меньше месяца и не знаю, как можно завести врагов за такой короткий срок. Если, конечно, это не леди Смит, которая терпеть не может всех американцев подряд. Кроме того, ее сын был влюблен в мою мать, как сказала жена викария. Но трудно предположить, что она повредила подругу.

Маркиз нахмурился, отчего его брови сошлись в одну линию, и пронзительно посмотрел на нее.

– Понятно, – сухо сказал он наконец. – Я все никак не могу решить, мисс Кент, вы слишком храбрая или... глупая? Но одно мне очевидно. По какой-то причине вы не хотите довериться мне. Возможно, виновато абсурдное предубеждение против моего титула, возможно, что-то другое... я не знаю. Но теперь я твердо знаю то, о чем я раньше только подозревал.

– Что? – с беспокойством спросила она.

– Вчера, когда я объяснил вам, что произошло, вы испугались, но не удивились, мисс Кент. Вы ничуть не удивились.

Соррел почувствовала, что краснеет, и поспешила ответить:

– Что за нелепость, милорд! Я вам уже сказала, что не знаю, кто может желать мне зла. Клянусь, это так. Я упала. К сожалению, я много падала до этого и наверняка еще не раз упаду. При чем тут тайны?

Маркиз пожал плечами.

– Посмотрим, согласится ли с вами ваша тетя.

Соррел этого не ожидала.

– Господи Боже! – воскликнула она. – Надеюсь, вы ничего еще не рассказали тете?

– Нет. Я уважаю вашу скрытность... по крайней мере пока. Но предупреждаю, дорогая мисс Кент, как бы вы ни старались вкрутить мне мозги, я не настолько глуп, чтобы не видеть, вы мне верите, хоть я и аристократ. Но, верите вы мне или нет, я оставляю за собой право самолично приглядывать за вами. Если я прав, вы в большой опасности, что бы вы мне ни говорили.

В течение всего дня Соррел старалась выкинуть его слова из головы, но это ей не удавалось. Она бы все отдала, лишь бы не ехать вместе со всеми, но тетя Лейла вправду мечтала вновь увидеть башню. К тому же Соррел не сомневалась в том, что Ливия постарается удержать при себе обоих мужчин. Ее красавица кузина не из тех, кто делится своими поклонниками. И жалости к менее удачливым от нее не дождешься.

Соррел не сомневалась, что кузина осуществит свою угрозу и ускачет вперед с кавалерами, оставив ее и свою мать плестись без всякого сопровождения. Ей даже в голову не придет подумать об их чувствах или хотя бы вспомнить о том, что ее мать боится ездить без охраны мужчин.

Очень скоро стало ясно, что Ливия именно этого добивалась. Но и она, и Соррел вновь забыли спросить мнение его сиятельства.

А маркиз, хотя и был очаровательно внимателен к Ливии, решительно отклонял любые предложения ускакать вперед и оставить Соррел и тетю Лейлу одних. Ливия бесхитростно заметила, что мама ничуть не возражает, и потом, смертельно скучно тащиться за экипажем, особенно в такой жаркий день. На это маркиз вежливо ответил, не забыв ослепительно улыбнуться ей:

– Тогда вы, мисс Морден, и Фитц поезжайте вперед. Уверю вас, мне ничуть не скучно «тащиться», как вы сказали. Кроме того, ни за что на свете я не позволю вашей маме и кузине путешествовать в одиночестве. Это, конечно, было вовсе не то, чего добивалась Ливия. Нахмурившись, она проговорила еще беззаботнее:

– О, мама не возражает! Правда, мама?

Тетя Лейла, чьи взгляды на одинокие путешествия незащищенных женщин были отлично известны не только дочери, судорожно вздохнула. Она разрывалась между благодарностью его сиятельству и желанием угодить дочери. Последнее, как всегда, победило.

– Да. Конечно, – сделав над собой героическое усилие, ответила она. – Я уверена, кучер знает дорогу, да и не похоже, чтобы в середине дня нам что-нибудь угрожало. Вы тоже поезжайте, милорд. Не сомневаюсь, вам хочется промчаться галопом.

Однако лорд Уичерли остался совершенно безразличен к намекам и мрачным взглядам раздосадованной красавицы. Он вновь заверил ее, что не оставит коляску без присмотра, и немедленно переключился на любезную беседу с тетей Лейлой, как бы давая понять, что спор окончен.

Ливия, не привыкшая к тому, чтобы ее желаниями пренебрегали, разозлилась и начала откровенно флиртовать с мистером Фитцсиммонсом, который вовсе не возражал против этого.

Процессия же двигалась таким образом: маркиз ехал рядом с экипажем и беседовал с пассажирами (в основном с тетей Лейлой, отметила Соррел) и, казалось, не замечал Ливию

и Фитца, которые были уже далеко впереди. Судя по веселому смеху, они безмерно наслаждались обществом друг друга.

Соррел, с одной стороны, втайне радовалась поражению Ливии, а с другой – тревожилась. По крайней мере, одно было ясно, если его сиятельство все-таки женится на Ливии, он будет хозяином в доме. Похоже, кузине придется заплатить за желанный титул гораздо дороже, чем она рассчитывает.

Но если маркиз в самом деле решил, осуществляя свою угрозу, не спускать глаз с Соррел, то это совсем не забавно. Соррел была связана словом и не могла сказать ему правду, но теперь она знала, особенно, после того как он легко поставил на место кузину, что его совсем не просто обмануть.

Ливия, в свою очередь, решила отомстить маркизу и совершенно не обращала на него внимания. Соррел не сомневалась, что подобная тактика успешно срабатывала раньше, но сомневалась в ее успехе теперь. Избалованная красотка на этот раз могла и промахнуться.

А, может быть, и нет. Соррел знала, что Ливия – плохая наездница, но в небесно-голубой амазонке и лихо заломленной шляпке на золотистой головке она выглядела прелестно, и мало кто заметил бы, что на лошади она сидит не особенно уверенно и, вообще, предпочла бы хорошему галопу любое другое развлечение. Если маркиз и понял, что Ливия еще раз показала себя в невыгодном свете, его отношение к ней не изменилось, и было все тем же насмешливо-терпеливым восхищением.

Что касается мистера Фитцсиммонса, то он, не помня себя от счастья, решил воспользоваться неожиданной удачей и уговорил Ливию ехать более короткой дорогой, которую он давно знал. Об этом сообщила Ливия, которая, похоже, пребывала в отличном настроении, хотя в глазах у нее все еще мелькали злые огоньки. Она приблизилась к коляске и сказала с видимой беспечностью:

– Мистер Фитцсиммонс знает короткую дорогу. Мы с ним доберемся до места намного быстрее и все устроим к вашему приезду. Мама, ты ведь не любишь ждать.

Тетя Лейла не знала, что сказать. Она боялась отпускать Ливию без компаньонки, так как отлично понимала недостатки своего невысокого общественного положения. Ливия должна была быть предусмотрительней, нежели ее аристократические ровесницы, которым не страшны злые языки. Но тетя Лейла не умела противоречить дочери, и Ливия это знала.

Ливия, несомненно, предполагала вызвать ревность маркиза и прибрать его к рукам. Но она вновь ошиблась. Маркиз сказал, посмеиваясь:

– Мисс Морден, будьте внимательны, а то Фитц увезет вас куда-нибудь не туда. Он совершенно ненадежен в выборе направления. Признаюсь, я бы поостерегся следовать за ним по так называемому короткому пути.

Мистер Фитцсиммонс, который успел присоединиться к ним, негодуя запротестовал в ответ на такие клеветнические заявления, и Ливия, бросив вызывающий взгляд на маркиза и еще один – презрительный – на остальных, покачала головой и вновь обрела прежнюю жизнерадостность.

– Ну и пусть, – сказала она. – По крайней мере, у нас будет приключение. Нет ничего скучнее, чем, соблюдая приличия, уныло тащиться в пыли. Поедемте, мистер Фитцсиммонс? Мы будем на месте намного раньше.

Соррел в глубине души согласилась с кузиной. Ей тоже изрядно наскучило медленное движение экипажа. Но она испытала смешанное чувство радости и невольного уважения, когда увидела, как его сиятельство лучезарно улыбнулся Ливии и твердо отказался ей

подчиниться.

– Увидимся возле башни,– весело попрощался он с ней.

Глава десятая

Ливия в ярости, не обещавшей ничего хорошего, пришпорила лошадь и ускакала, окутав оставшихся облаком пыли.

Мистер Фитцсиммонс был, как всегда, на высоте. Он грустно улыбнулся своему другу, заверил тетю Лейлу, что короткий путь совершенно безопасен, и, пообещав позаботиться о ее дочери, на прощание прикоснулся хлыстом к шляпе, после чего красиво поскакал следом за Ливией.

Соррел, которая сидела в открытой коляске ближе к его сиятельству, что ее слегка раздражало, не смогла удержаться от соблазна и, воспользовавшись тем, что тетя обратилась к кучеру с каким-то вопросом, насмешливо прошептала:

– Неблагоразумно, милорд! Мне, наверное, стоило предупредить вас, моя кузина не терпит противоречий. Маркиз лишь улыбнулся в ответ.

– Неужели?– переспросил он.– Я совершенно счастлив в вашем обществе.

Он повернулся к тете Лейле, которая тем временем о чем-то спросила его, и тема была исчерпана.

Остаток пути Соррел обдумывала его заявление. Хотя эта мысль и показалась ей нелепой, но он как будто в самом деле решил стать ее телохранителем, правда, она не понимала его побуждений. А почему бы, твердо сказала она себе, ему не быть рыцарем? Или, что тоже вполне вероятно, он хочет платить Ливии ее же монетой.

Эта мысль совсем не понравилась Соррел, но если это так, то ему как нельзя лучше удалось возбудить любопытство своей будущей невесты. То он обдает ее жаром, то холодом; и даже Соррел, у которой уже вошло в привычку незаметно наблюдать за ним, не понимала его намерений по отношению к красавице кузине. Похоже, Ливия наконец-то встретила достойного противника, и они добрались до башни раньше, чем Соррел нашла удовлетворительный ответ на свой вопрос. Однако ей было ясно одно. Если высокородному маркизу Уичерли доставляет удовольствие вносить сумятицу в ее планы, то это чревато, знала Соррел, совершенно ненужными трениями между кузинами.

Ливия и мистер Фитцсиммонс ждали их и, как обещали, успели договориться о посещении башни, находившейся в частном владении. Ливия все еще злилась. Она стояла, небрежно придерживая рукой подол амазонки, и даже не подошла к матери, продолжая ворчать на долгую дорогу, на жаркий день, на знаменитую башню, на которую не имело смысла тратить время.

Соррел в душе полностью с ней согласилась и с восхищением наблюдала, как его сиятельство очаровывает Ливию. Каким-то образом (Соррел не поняла, как ему это удалось) он взял власть в свои руки, усадил тетушку в тень, где она могла вздремнуть, и убедил раздраженную Ливию осмотреть башню вместе со всеми. В этом ему немало помог мистер Фитцсиммонс, который не скрывал своей радости, и на сей раз с удовольствием передал своенравную красавицу в более опытные руки.

Ливия от такого лестного для нее внимания воспряла духом, забыла свои обиды и даже не злилась на дряхлого служителя, заодно исполнявшего роль проводника, который, едва завидев столь блестящее общество, немедленно побежал надевать сюртук. Посетители здесь были редкостью, и вскоре всем стало ясно, что старик ничего не собирается пропускать из истории или красот старой башни.

Он рассказал, что Фиш-хилл, на котором стояла башня, веками был сигнальным холмом, и, возможно, именно на нем зажгли костер, предупредивший о приближении Испанской Армады. Башня же построена шестым графом Ковентри в 1790 году в его поместье Спринг-хилл по проекту знаменитого архитектора Джеймса Уайатта, который построил также Кью-, палас. Графу принадлежало поместье Крум-корт, и башню часто использовали как маяк, чтобы сообщить в Крум-корт о прибытии семейства из Спринг-хилл.

Заскучавшая Ливия заметила шепотом, что дешевле было бы иметь курьера.

Однако смотритель, несмотря на почтенный возраст, видимо, обладал отменным слухом, так как не замедлил ответить ей:

– Вы правы, мисс, может, это и глупость, но, говорят, вторая жена графа любила башню. Она часто приходила сюда, чтобы наблюдать за охотой. Она приглашала сюда и других леди, а потом они устраивали неподалеку пикник. Вы, конечно, хотите подняться на самый верх? За этим-то сюда и приезжают. Сверху отличный вид, а в такой ясный день, как сегодня, все семь графств как на ладони.

Ливия все еще с сомнением смотрела на высокую башню, явно не желая подниматься на нее ради семи графств. Но тут вмешалась тетя Лейла:

– О, вы обязательно должны подняться наверх. Вид оттуда просто удивительный! Когда я была девочкой, башню только-только перестроили, и я хорошо помню, как мы приезжали сюда. Твоя мама, дорогая, и я лазали наверх, и, клянусь, мы видели даже наш дом, – обратилась она к Соррел. – Господи, как же давно это было, но кажется, только вчера. Я сама с удовольствием пошла бы, но, боюсь, это мне уже не по силам. А вы должны пойти.

Маркиз заметил с веселой улыбкой:

– Надеюсь, вы не собираетесь меня разочаровать, мисс Морден, после того, как мы проделали такой долгий путь? К сожалению, он все испортил, добавив, нахмурившись:

– Увы, я не уверен, что мисс Кент стоит идти с нами, как бы ей не стало хуже.

Ливия недовольно прищурилась. Ей не нравилось, когда кто-нибудь, кроме нее, привлекал к себе внимание.

– А я не уверена, что нам всем стоит туда лезть, но уж коли мы идем, то и кухня пойдет, ведь это ее идея ехать сюда.

Ливия сказала это так, словно Соррел притащила их в глушь ради собственного удовольствия. После минутного колебания маркиз пожал плечами.

– Что ж... Мадам, мы подробно расскажем вам, так ли сегодня хорош вид, который когда-то поразил вас.

Подниматься по узкой винтовой лестнице, особенно в такой жаркий день, оказалось нелегко, а Ливия еще ворчала, что запачкала дорогое платье о каменные стены. На одинаковом расстоянии друг от друга, как предупреждал смотритель, находились на удивление уютные восьмиугольные комнаты со скамьями.

Вид с башни превзошел все ожидания Соррел, и она готова была, если бы понадобилось, повторить трудный подъем.

Забыв обо всех, она стояла возле каменной балюстрады и в восторге глядела на лежащий внизу Котсуолдс. Даже если бы она не увидела все семь графств, она бы радовалась уже тому, что видела то же самое, что много лет назад видела ее мать, которая, возможно, даже восхищалась открывавшейся перед ней красотой не меньше, чем сейчас Соррел.

Ливия, однако, быстро заскучала и через несколько минут отошла от края площадки, собираясь идти вниз. Она прочно вцепилась в руку маркиза и, очевидно, не собиралась

позволить ему вновь ускользнуть от нее. Опираясь на него и думать забыв о своем плохом настроении, она мило болтала, тогда как мистер Фитцсим-монс, который тоже готов был идти вниз, смотрел не отрываясь на своего главного соперника ничего не выражающим взглядом.

Маркиз тем временем бесцеремонно прервал Ливию и сказал:

– Подождите! Мы ведь не можем оставить здесь вашу кухню. Мисс Кент! Пойдемте с нами.

Соррел оглянулась и увидела, что все ждут ее.

– Нет, нет, идите без меня, – торопливо ответила она. – Я буду через пару минут.

Маркиз помешкал, принимая решение, потом пожал плечами, и Ливия со смехом потащила его за собой. Соррел не сомневалась, что это был камешек в ее огород, но, не обратив на него внимания, вновь загляделась на Котсуолдс внизу. Вскоре хлопнула дверь, и голоса стихли.

Соррел радовалась тому, что осталась одна. На обдуваемой ветрами башне она готова была вечно упиваться красотой раскинувшейся внизу зеленой страны с игрушечными домишками и узкой серебристой полоской речушки, похожей на страну Лилипутию. Не удивительно, что эта красота притягивала ее мать и ее тетю, когда они были совсем еще юными, и Соррел была счастлива, что стоит тут. Ей бы хотелось еще раз приехать сюда, но одной, чтобы никто не мешал ей наслаждаться этой красотой.

Странно, но, стоя на вершине башни и рассеянно глядя в пространство, она думала не только о прирученной зеленой равнине. Она ощущала могучее и необъяснимое единение со страной ее матери. Все стало вдруг очень сложно, и в первый раз после приезда в Англию Соррел ощутила острую тоску по родине, словно неожиданно стала маленькой девочкой. Ей страстно захотелось вернуться домой, где она, по крайней мере, понимала, кто она такая и каково ее место в жизни.

Впрочем, дома тоже все изменилось.

Вильям умер, и теперь ей уже никогда не выйти замуж. Пусть она не любила его так, как могла бы любить, все же с ним ее будущее было ей понятно. Теперь опять все повисло в воздухе. Только сейчас Соррел поняла, что приехала в Англию из желания уйти от неизбежного будущего. Но долго прятаться от суровой действительности невозможно. Все равно скоро придется вернуться домой и как-то решать свои проблемы, от чего она была избавлена помолвкой с Вильямом. Наверное, поэтому она ощутила смятение. Правда, она никак не могла вспомнить лицо Вильяма, но об этом ей не хотелось даже думать.

Соррел не замечала, что у нее по щекам текут слезы, пока не услышала за спиной тихий шорох. Она медленно повернулась и почти не удивилась, увидев ожидавшегося ее маркиза.

Все же она вздрогнула и сказала первое, что ей пришло в голову:

– Я думала, вы ушли, милорд!

– Жаль, что не ушел! Но я ведь предупреждал, разве нет? Я всерьез собираюсь присматривать за вами.

Это уже переходило всякие границы! Соррел, смутившись оттого, что ее застали плачущей, неожиданно рассердилась.

– Смешно, милорд! Неужели вы думаете, будто здесь затаился негодяй, который решил столкнуть меня вниз? – Она окинула насмешливым взглядом маленькую, продуваемую ветром площадку, на которой просто-напросто негде было спрятаться. – Смешно, милорд! И нечего вам ходить за мной, будто мне и вправду что-то грозит! Хватит!

Маркиз пожал плечами.

– Похоже, вы не оставляете мне выбора, мисс Кент. Не знаю почему, но вы предпочитаете не замечать грозящую вам опасность. Однако вы на самом деле нуждаетесь в присмотре.

Соррел не на шутку разозлилась.

– Я вас не понимаю! Даже если мне грозит опасность, мы с вами почти не знакомы, а вы рискуете испортить отношения с моей кузиной. Кроме того, зачем мне что-то скрывать? Какой в этом смысл? Я начинаю думать, что вы слишком долго были солдатом, и теперь вам всюду мерещатся враги.

– Я постараюсь разобраться, почему вы скрываете от меня правду,– возразил он. – И, должен признаться, у меня появились некоторые соображения на этот счет.

Соррел нахмурилась, но почти не сомневалась, что он ни до чего не сможет докопаться. Она нетерпеливо проговорила:

– Прошу вас, пойдите вниз, милорд. Тетя... и кузина... наверное, они удивляются, почему нас так долго нет.

Маркиз стоял возле двери, он не торопился ее открывать.

– Одну минуту, мисс Кент,– сказал он, посмеиваясь над ее раздражением.– Не надо так бояться. Я никогда не увлекался безнадежными делами, и у меня нет желания силой выуживать из вас то, что вы почему-то скрываете.

– Я вовсе не боюсь! – воскликнула она с негодованием, впрочем, не слишком искренним.

Он не обратил на ее слова никакого внимания.

– Я же сказал, что не собираюсь обсуждать это сейчас, мисс Кент. Правда, мне стоит напомнить вам. Я действительно достаточно долго был солдатом, чтобы не отвлекаться на ложный маневр, как бы тщательно он ни был продуман. Но сейчас меня волнует совсем другой вопрос.

Соррел насторожилась, не в силах понять этого человека.

– О чем вы говорите? Я не понимаю.

– В самом деле, мисс Кент? – грустно спросил он. – Не может быть. Кто такой Вильям?

Глава двенадцатая

Соррел уже было подумала, что все ее неприятности остались позади, но, увы, ошиблась. Приехав наконец домой, они обнаружили возле дверей модную коляску, а рядом с ней несколько сундуков и баулов.

Тетя Лейла даже подпрыгнула от неожиданности.

– Какого?.. Однако она недолго пребывала в неведении, ибо почти тотчас в дверях показался щеголь в модном дорожном плаще и лихо заломленном цилиндре на обильно политых маслом кудрях.

Тетя Лейла закрыла рот и пробурчала что-то, мало похожее на изъявление супружеской радости.

– Вальтер! Вот проклятье! Как знала, что он не преминет подложить нам напоследок свинью. Только его нам сейчас не хватало!

Несмотря на все свои печали, Соррел прикусила язычок, чтобы не рассмеяться, тем более что тетя Лейла говорила довольно громко и ее третий муж, который занимался своими вещами, вполне мог ее слышать.

Однако Вальтер даже вида не подал, будто он чем-то задет. Наоборот, с раскрытыми объятиями он бросился к карете и вскричал радостно:

– А вот и ты! Я уже было подумал, никого нет! Здравствуй, дорогая. Каталась?

Тетя Лейла еще больше потемнела лицом и спросила, выходя из кареты:

– Что ты тут делаешь?

Вальтер продолжал, как ни в чем не бывало, улыбаться.

– Ну, я был по соседству, ты ведь знаешь, и подумал, что пора тебя навестить.

Он рассеянно обнял жену и чмокнул ее в щеку.

– Насколько мне известно, дорогая, тебя можно поздравить, – проговорил он, понизив голос до шепота. – Допекла-таки Уичерли? Должен признаться, не думал, что тебе удастся. Надо же, пригласила лорда в такую глухомань. Господи, ну и удумала! Я и то чуть не повернул обратно. Если хочешь знать, здесь чертовски непрезентабельно. Но ты своего добила! Когда свадьба?

Тетя Лейла смерила его злым взглядом.

– Никогда, если ты решил сунуть в это дело свой нос, – запальчиво проговорила она. – Но как же я не подумала, что ты обязательно приедешь и все испортишь?

– С чего это ты взяла? – с раздражением возразил муж тети Лейлы, и маска благодушия сползла с его лица. – Ты меня удивляешь. Обычно ты гораздо проницательнее, уж кому это знать, как не мне? – Соррел услышала неожиданно прорвавшуюся в его голосе горечь. – Уверяю тебя, мне не меньше твоего хочется, чтобы он женился на нашей блистательной Ливии... хотя ему, бедняге, не позавидуешь! Собственно, за этим я и приехал. Я же знаю, на тебя нельзя полагаться, сама ты ни за что не доведешь дело до конца. Увы, забыл, что ты обязательно заподозришь какую-нибудь гадость в моих добрых намерениях. Тебе же доставляет удовольствие уличать меня.

– Если и так, то только потому, что я тебя слишком хорошо знаю, – мрачно проговорила тетя Лейла. – У тебя в голове только твое собственное гнездышко. Естественно, за мой счет! Думаю, все дело в том, что ты опять по уши в долгах. Ты помнишь, я тебя предупреждала в

последний раз, что ни пенни больше не заплачу. Ничего, посидишь в долговой яме!

Соррел не сомневалась, что каждое их слово было отлично слышно кавалерам, которые как раз подъехали и спешили, но ее не на шутку пугала ненависть мужа и жены и она не смела ни словом, ни жестом напомнить им, что они уже давно не одни.

Наконец Вальтер оглянулся и насмешливо протянул:

– Мы прелестно поговорили, моя дорогая, но я слишком хорошо воспитан, чтобы прилюдно стирать грязное белье. Хочешь, чтобы тебя услышал его сиятельство? Ему это наверняка понравится! – К сожалению, он не выдержал до конца роль благоразумного джентльмена. – Кроме того, я придумал, как обеспечить себя до конца дней... Не представляешь, с какой радостью я забуду о твоём кошельке! Уж поверь мне!

Зло уже совершилось, но Соррел все-таки, хотя и против своей воли, поддержала Вальтера:

– Пожалуйста, тетя, на сей раз он прав. Ты с ним поговоришь потом, сколько твоей душе угодно.

Тетя Лейла неохотно подчинилась, хотя глаза у нее все еще горели огнем, а Вальтер тем временем с наигранным равнодушием обратился к гостям. Свою падчерицу он приветствовал куда менее эмоционально, чем жену, и в ответ получил такой уничтожающий взгляд, который менее закаленного мужчину поразил бы на месте. И правда, единственное, что Соррел могла бы поставить в заслугу третьему мужу своей тети, – это его полное безразличие к чарам Ливии. Но так как причиной его пронизательности был его собственный эгоизм, мешавший ему терпеливо сносить эгоизм в ком-то другом, то Соррел никак не могла восхититься им в должной мере. В самом деле, он часто говорил матери Ливии, что его падчерица – самое совершенное творение природы, ни в чем не грешащее против стиля, но избалованные и капризные красавицы не в его вкусе. К тому же он не сомневался, что если ей удастся заарканить какого-нибудь несчастного дурака, то ему придется несладко под ее каблучком, не дай Бог он еще окажется в денежной зависимости...

Ничего удивительного, что Ливия платила ему той же монетой, и Соррел уже знала, если Вальтер и Ливия под одной крышей, то все в доме живут, как в аду.

Тем не менее, даже тете Лейле не под силу было найти недостаток в поведении и внешности Вальтера. В сравнении с маркизом, который всегда одевался скромно и элегантно, Вальтер, на взгляд Соррел, напоминал разряженную куклу. Но это на ее взгляд, а все остальные, она знала точно, считали его красивым мужчиной, хотя вино и другие излишества уже начали накладывать свой отпечаток на его внешность. Одевался Вальтер не хуже любого лондонского денди, в его коляску запрягали отличных лошадей, он позволял себе проигрывать огромные суммы и не испытывал никакого неудобства, тратя деньги жены и ничуть не стесняясь выказывать ей в обществе свое неуважение. Соррел не нравилось, с каким презрением он говорил о купеческих знакомых жены в обществе аристократических снобов, и она обрадовалась не меньше тети Лейлы, когда он отправился гостить к своим друзьям.

Тетя Лейла, выйдя замуж за человека пятнадцатью годами ее младше и с несравненно меньшим состоянием, первая признала, что один раз в жизни чувства возобладали в ней над здравым смыслом. Красивый, самоуверенный, принятый в обществе, откуда ее до тех пор неизменно изгоняли, он обещал ей то окружение, которое было ей необходимо ради будущего ее прекрасной дочери. Но все получилось совсем не так, как она ожидала, и она не скрывала своего разочарования. Мистер Вальтер Гранвиль, может, и был рожден

аристократом, как он с удовольствием к месту и не к месту напоминал ей, но с тех пор, откровенничала тетя Лейла, он все делал для того, чтобы испортить отношения с важными людьми. Начиная со своего провала в Оксфорде, оттуда его изгнали за то, что он опозорил дочь богатого трактирщика, он все более и более превращался в исчадие ада, всей душой отдаваясь вину и игре, и по истечении нескольких лет стал воплощением самых ужасных пороков.

Обо всем этом тетя Лейла узнала только после свадьбы. То, что он дорого ей стоил, беспокоило тетю меньше всего, ибо, как она сама признавалась, ее кошелек и не такое может выдержать. К тому же она заранее предвидела расходы и была готова платить. Однако ей совсем не понравилось, что, когда она оплатила его самые неотложные долги (он вовсе не выказал ей благодарности, наоборот, пустился во все тяжкие благодаря новым финансовым возможностям), Вальтер не только не задумался о будущем своей падчерицы, но вовсе опустил и, даже если бы хотел, ничем не мог бы помочь.

С привычной откровенностью тетя Лейла признала, что ее в первый и в последний раз в жизни надули, впрочем, она никак не могла отрицать, что сама напрашивалась на это, забыв обо всем на свете ради высокородного красавчика. Все же имя Гранвилей сослужило ей кое-какую службу, чего никак не могло сделать имя покойного мужа, хотя он и был очень богатым коммерсантом. Красота Ливии тоже пришлась кстати. Решись тетя Лейла на развод, это привело бы к скандалу, который мог замарать чистое имя ее дочери, поэтому она не рисковала исправлять свою единственную ошибку.

Впрочем, она редко жила в одном доме со своим мужем. Вальтер обыкновенно пребывал в Ньюмаркете, Лестере или Брайтоне, где собиралась веселая компания, и были самые высокие ставки, ибо он играл во все, во что только можно играть в Англии, и совершенно не интересовался скучными развлечениями, на которые рассчитывала тетя Лейла. В Лондоне им доводилось время от времени жить в одном доме, но они все равно умудрялись жить врозь, и, если начистоту, то, отдав должное грехам юности, Вальтер не искал легких любовных связей. Это признавала и тетя Лейла, хотя не утерпела и нажаловалась племяннице, будто Вальтер содержит на ее деньги любовницу, впрочем, она не ревновала его, а лишь досадовала на лишние траты. Соррел же думала, что он слишком тщеславен и не в состоянии тратить себя и свое время на женщин. Ему больше нравилось тратить деньги жены на себя, на экстравагантные фраки и жилеты, на дорогих лошадей, на модные коляски. И в то же время на свою гнедую лошадку, за которую заплатил бешеные деньги, он ни разу и не взглянул.

Тетя Лейла обратила потемневший взгляд на гостя и сердито воскликнула, забыв перейти на шепот:

– Господи! Как будто у меня нет других забот!

Соррел посмотрела на маркиза, на которого весь вечер старалась не обращать внимания, и они обменялись понимающими взглядами прежде, чем Соррел торопливо отвернулась, не желая делить с ним даже такую малость.

Один Вальтер, делая вид, будто ничего особенного не происходит, пожимал руки гостям своей жены, напоминая мистеру Фитцсиммонсу об их давнем знакомстве и откровенно заискивая перед маркизом, отчего Соррел пришла в еще большее негодование.

Маркиз вел себя сдержанно.

– Здравствуйте. Кажется, мы с вами пару раз встречались в Лондоне.

Мистер Гранвиль махнул рукой.

– Наверняка. Уверен, что встречались. И все же, признаюсь, чертовски рад видеть вас у себя. Надо же, как я чертовски вовремя приехал, хотя, должен признаться, не ждал... не ждал... Стоило только поглядеть на дом. Как бы он не развалился, пока мы здесь! Ладно, все равно балов нам тут не давать. Пикники, шарады, сплетни... Вот и все развлечения. А вы должны радоваться моему приезду, ведь мы можем перекинуться по маленькой... Скоротать время, а? Ничего лучше не придумаешь.

Тетя Лейла пришла в ярость, а у маркиза в глазах заплясали веселые чертенята, ибо все знали дружеские «по маленькой» Вальтера, которые продолжались всю ночь и могли разорить кого угодно.

Однако маркиз ответил совершенно серьезно:

– Что вы, мистер Гранвиль! Мне далеко до вас. И к тому же я не могу пренебречь столь прелестной компанией.

– А,– протянул Вальтер, бросая неласковый взгляд на разгневанную падчерицу,– это, конечно... Но мы еще поговорим. А насчет далеко, то вы ведь богаты, даже если из того, что я слышал о вас, только половина – правда. Вы же теперь Уичерли, да? Так неужели он не даст своему наследнику столько, сколько ему нужно? Даже подумать страшно! В самом деле, я всегда говорил, не родись красивым, а родись счастливым. Впрочем, ничего не известно наверняка. А вдруг у него в один прекрасный день родится сын, и тогда плакали ваши денежки. С моим везением уж точно так было бы. В последнюю минуту объявился бы какой-нибудь юнец, и пиши пропало! Мне всегда чертовски не везло.

Тетя Лейла кипела от ярости, зато маркиз, к его чести, не выказывал ничего, кроме любопытства.

– Вы правы, нельзя рассчитывать на везение,– согласился он с Вальтером.– Но я не сомневаюсь, что мой дядя был верен своей жене.

– Ну и дурак,– не утерпел мистер Гранвиль.– Я только хочу сказать, вы вздохнете с облегчением, когда он наконец отдаст концы и вы получите его состояние вместе с титулом. Насколько я слышал, он очень богат. Да уж, везет некоторым.

– Полагаю, его сиятельству совершенно неинтересны твои домыслы на его счет,– ледяным тоном произнесла тетя Лейла.– Ты нас задерживаешь, а у нас был тяжелый день. Пожалуйста, входите, милорд. Не понимаю, о чем думает мой муж.

Все с благодарностью восприняли ее приглашение, и Вальтер, пообещав не задерживаться, отправился приглядеть, как распаковывают его багаж.

– Ставлю фунт против пенса, что он опять в долгах,– проговорила тетя Лейла, поднимаясь в сопровождении дочери и племянницы по лестнице в свою спальню.– И как раз теперь! Не хватало только представлять его маркизу, когда все еще висит в воздухе. Да тут кто хочет смутится! Господи, он только и делает, что доставляет мне неприятности! И зачем я вышла за него замуж? Никак не думала, что он оставит своих приятелей и явится сюда. Уж мне ли не знать, что он думает о загородных балах... по крайней мере, когда его драгоценным друзьям негде играть и напиваться до бесчувствия. С другими-то он не знается. Не сомневаюсь, любая приличная дама была бы вне себя. Но если он думает, что сможет помешать мне, он ошибается. Я не допущу скандала. Ведь он этого добивается. Не допущу!

Тетя, разволновавшись, чуть ли не кричала, и Соррел посмотрела на стены, моля Бога, чтобы они были звуконепроницаемыми.

– Милая тетушка, потише! И так дела обстоят неважно, не надо, чтобы его светлость

слышал вас. А маркиз, я уверена... Он уже оценил Вальтера по достоинству.

– Вот уж не сомневаюсь... Хотя мне от этого не легче. Он же мой муж, – мрачно проговорила тетя Лейла.

– Не надо было вам выходить за него замуж, – вмешалась разъяренная Ливия. – Я вам это все время говорю. Надо от него избавиться, мама, и побыстрее. Мне все равно, как вы с ним справитесь. Дайте ему денег или вышвырните его! Он не должен помешать мне!

– Увы, не так-то легко будет с ним справиться. Разве тут найдешь кого-нибудь, чтобы его увезли и подержали взаперти, пока мы не управимся? Вот в Лондоне нетрудно найти даже убийцу. Конечно, я на это не пойду, хотя, должна признаться, искушения были. Но, любовь моя, мы не можем его сейчас же выгнать. Что о нас скажут? Придется потерпеть и как-то объяснить его сиятельству...

– Ах, мама, какое дело Уичерли до Вальтера? Предоставьте это мне. Я не позволю ему мешать нам, даже если мне придется его убить.

– Нет, нет, радость моя, я сама справлюсь.

Ливия смерила мать презрительным взглядом.

– Надеюсь. Я решила, что его сиятельство сделает мне предложение, пока он у нас в гостях, и, можете быть уверены, не потерплю никого, кто станет у меня поперек дороги, тем более Вальтера! Если вы не можете сладить с собственным мужем, надо от него отделаться, чтобы он не дерзил Уичерли и не путался под ногами.

– Ну что ты, радость моя, – с отчаянием в голосе проговорила тетя Лейла. – Просто я не знаю, как его выпроводить.

– Откупитесь от него, если надо! – Ливия, прищурившись, посмотрела на молчавшую Соррел. – Я уже в этом году собираюсь стать маркизой и повторяю, ничто и никто не сможет мне помешать.

Глава тринадцатая

Однако на сей раз предчувствия обманули тетю Лейлу. Вальтер вел себя как нельзя лучше, и даже ей пришлось, правда, с неохотой, признать, что он снял с нее часть забот, связанных с развлечением молодых людей.

Если ему не удалось втянуть их в разорительную карточную игру (насколько это было известно тете Лейле) и затащить в харчевню, то он на целый день увез их на охоту и даже сопровождал всех в Стрэт-форд, где они собирались посетить дом великого поэта.

Правда, он искренне признался, что не понимает, зачем тащиться в такую даль, разве что ставить подписи в книге почетных гостей, чтобы быть не хуже других.

От Соррел не укрылось удивление маркиза, а вот Ливия, совершенно очевидно, на сей раз была на стороне отчима. Она очень быстро придумала предлог, чтобы увести Уичерли в сад, сославшись на духоту в комнатах, и направилась в сопровождении двух кавалеров к реке, где, как оказалось, нетрудно было нанять лодку, чтобы покататься и покормить лебедей.

Соррел вежливо отклонила приглашение присоединиться к компании и, пока тетя Лейла и ее муж в полном согласии отдыхали в тенечке, отправилась к дому, в котором родился поэт. Она рассматривала вещи, принадлежавшие мистеру Шекспиру, и с наслаждением слушала байки о нем (наверняка недостоверные), которые ей рассказывал дальний потомок поэта и смотритель его дома.

Она совсем потеряла счет времени и, когда возвратилась на берег, нашла всю компанию в сборе. Ливия нетерпеливо топала ножкой, а его сиятельство невесело оглядывался.

У Соррел были основания думать, что он все еще хочет оберегать ее, хотя пока ей удавалось не оставаться с ним наедине. Приезд Вальтера очень помог ей в этом. А на пикниках и прогулках она сама старалась держаться поближе к кухне и тете.

Ливия с раздражением выговорила ей:

– Если ты не хочешь гулять сама по себе, то лучше бы тебе, кузина, не заставлять нас ждать. Поехали. На сегодня с меня довольно.

Соррел вспомнила об этом на другое утро, когда принесла цветы в старинную церковь неподалеку, и решила, что раздражение кухни связано с молчанием маркиза, визит которого подходил к концу. Он был галантен и расточал Ливии очаровательные комплименты на пару с мистером Фитцсиммонсом. Однако, как Ливия ни старалась, она не могла заставить его произнести долгожданные слова.

Вспоминая, что он рассказывал ей о своем титуле, Соррел хотела понять, насколько сознательно он избегает расставляемых ему ловушек. Несомненно, он собирался предложить Ливии руку и сердце. Может быть, ему не нравилось то, что Ливия подгоняет его?

Если так, то его не в чем винить, разве что он своей неторопливостью портит всем жизнь. Ливия сердится и подозревает, Бог знает в каких грехах, свою американскую кухню. Все бы вздохнули с облегчением, объяви он наконец свою волю, а пока не жди спокойной жизни.

Соррел не желала признаваться себе в том, что помолвка кухни будет для нее тяжким ударом. Все равно рано или поздно это случится, и нечего тешить себя иллюзиями. Маркиз просто-напросто вежлив с ней. Тем не менее, узнав его поближе, Соррел жалела его, казалось, всерьез увязнувшего в сотканной Ливией паутине.

С утра Ливия отправилась кататься с обоими гостями, которые со смехом оспаривали друг у друга право посадить ее в коляску его светлости. Из окна своей спальни Соррел видела, как они уехали. Ливия, которая жить не могла без всеобщего поклонения, была в наилучшем расположении духа. Соррел же приложила все усилия, чтобы они ее не заметили, и почти сразу отошла от окна. Еще подумают, будто она подсматривает!

Что ж, по крайней мере она на несколько часов получила свободу и, недолго думая, воспользовалась возможностью навестить могилы своих бабушки и дедушки, а потом набрала цветов, чтобы украсить церковный алтарь.

Пару дней назад она пила чай с женой викария, которая ей очень понравилась. Они болтали о сестрах-близнецах, о том, какими они были в детстве, об их родителях, которых Соррел не могла знать, и о жизни Соррел в Америке, и она была благодарна милой старушке за то, что та ни разу не заговорила о неприятных вещах.

Миссис Харрис с изумлением слушала о том, какой свободой пользуются дамы и девушки в Америке, и только восклицала время от времени:

– Ну подумайте только! Не может быть! Какая прекрасная страна!

Расстались они весьма довольные друг другом, и Соррел с удовольствием подумывала, не навестить ли ей опять добрую даму, как услышала сзади стук шагов.

Поначалу она подумала, что, наверное, пришел викарий, может быть, его жена, и не обратила внимания на шаги. Но потом за ее спиной раздался знакомый голос:

– Очень красиво! Похоже, мисс Кент, у вас много достоинств.

Соррел вздрогнула. Она повернулась и, забывшись, проговорила:

– А я думала...

– Значит, это все-таки вы были в окне! – улыбнулся он. – Так я и думал. Знаете, я решил не ехать. Моя коляска не рассчитана на троих седоков... И потом, мисс Кент, у нас совсем нет времени поболтать наедине.

Соррел не успела ничего ответить.

– Я видел, как вы положили цветы на могилы ваших бабушки и дедушки. Наверное, странно найти в чужой стране столько корней, о которых вы и не знали.

– Ничего странного, – довольно резко возразила Соррел, поворачиваясь спиной к маркизу. – Я знаю, где мои корни. Они в Америке.

Словно забавляясь ее горячностью, он опять улыбнулся.

– Это я уже слышал. Но ведь здесь тоже ваши корни. Ваша мама родилась тут, и теперь вы встретили родственников, которых раньше никогда не видели, людей, которые знали вашу маму. Наверное, теперь вам все видится немного иначе?

Соррел ничего не ответила, удивленная его догадливостью.

– Должен признаться, – печально проговорил он, – я немного знаю, как это бывает. Много лет мне пришлось провести вне Англии, а когда я приехал сюда, мне все показалось чужим.

Соррел нахмурилась, выслушав неожиданное признание, и выпалила прежде, чем успела прикусить язычок:

– Так у вас поэтому дом везде и нигде?

Он удивленно посмотрел на нее, но не обиделся.

– Не знаю.

Напрасно Соррел это сказала, но отступить было некуда.

– Ну да. Вы ведете себя просто и естественно, и, кажется, вы везде как дома. И все же до

вас не так легко добраться.

– Если это так, то мы с вами похожи, потому что тоже самое я могу сказать и о вас. Я заметил, мисс Соррел Кент, что у вас есть привычка витать где-то, и я почти никогда не знаю, о чем вы думаете. Наверное, мы гораздо больше похожи, чем вы хотите признать.

Соррел занялась цветами, внезапно подумав, что Ливия, возможно, была права. Еще ей стало вдруг интересно, насколько он понял ее. Ведь сам он всего лишь прячет от всех какую-то часть своей души, выставляя напоказ хорошие манеры. А она не такая, и вряд ли самоуверенный джентльмен в состоянии докопаться до ее сути.

Помолчав, маркиз спросил с нескрываемым любопытством:

– Мисс Кент, зачем вы приехали в Англию?

– Повидаться с тетей и кузиной, конечно, а еще... – она запнулась, не зная, может ли она быть откровенной. – Наверное, я искала тут мои корни. Я-то думала, во мне нет ничего английского. Я ведь американка. Так оно и есть. Но я встретила тетю, погуляла по деревне, в которой выросла мама, и поняла – у меня здесь корни. Знаете, моя мама любит вспоминать здешнюю церковь. И я знала, какая она, задолго до своего приезда.

Соррел закончила расставлять цветы и сама удивилась, когда повела маркиза в южный придел вместо того, чтобы бежать без оглядки.

– Вот надгробная плита сэра Баптиста Хикса. Он построил Кэмпден-хаус. Мама часто рассказывала мне о нем, когда я была маленькой, и о его внучке тоже. Леди Пенелопа Ноэль умерла, уколов палец иголкой, когда вышивала шелком. Девочкой я представляла, какой трагической была ее смерть и как горевали ее родители. Знаете, наверное, это смешно, но здесь мне печальнее, чем возле могил моих родных.

Маркизу понравилось тяжелое надгробие лорда и леди Кэмпден и куда менее внушительное – леди Пенелопы.

– Могу вообразить, что вы передумали. Странно все-таки. Какие-то люди через много лет смотрят на твое надгробие. Нет, нет, для себя я такого не хочу. Оно слишком... помпезное, на мой вкус. Но, может быть, я видел слишком много смертей на войне, чтобы возводить такое. Смерть, знаете, от этого не менее страшная.

Наверное, Соррел изменилась в лице, потому что он торопливо прибавил:

– О, прошу прощения. Я причинил вам боль.

Соррел перевела дух.

– Нет. Уже год прошел. И я тоже не нахожу утешения в холодном мраморе.

Маркиз внимательно посмотрел на нее.

– Несмотря на все мое уважение к сэру Баптисту и его семье, надгробия действуют на меня угнетающе. Если вы закончили, может быть, мы пойдем отсюда?

Соррел знала, что должна найти предлог и покинуть его, но... она упустила время и позволила вывести себя из церкви, которая и ее тоже начала угнетать.

Маркиз прервал молчание.

– Простите меня, но вы сказали, ваш жених... умер у вас на руках, а от вашей тети я узнал, что вы потом ухаживали за ранеными. Не хочу быть навязчивым, но иногда помогает, если выговоришься.

Соррел усомнилась в этом, особенно если учесть, кто собирался быть ее слушателем.

– Но кому как не вам знать, что тут нечем хвастать? Человек делает... что должен, и я надеюсь никогда больше не испытать ничего подобного. Правда, только те, кто прошел через такое, могут понять...

Он остановился и, повернувшись к ней лицом, сказал без тени улыбки:

– Ну да. Господи, да. Меня все время просят рассказать о моих приключениях на войне. Приключениях! Наверное, хотят услышать что-то забавное. Забавное, конечно, было, но война-то совсем не забава.

Соррел вздрогнула от неожиданности.

– Да. Война не предмет для светской беседы.

– Я уже сказал, что у нас с вами гораздо больше общего, чем вы думаете, мисс Кент. Право, вот уж не предполагал встретить женщину, которая понимает в таких вещах. Наверное, вы это имели в виду, когда сказали, что я не весь тут. Но вы должны знать... ужас. После него трудно возвратиться к нормальной жизни и всерьез переживать из-за покроя плаща или наслаждаться последней сплетней. Иногда я чувствую, как вы правильно подметили, что я не здесь, хотя все так же вежливо беседую, что часть меня далеко, и я даже сам не знаю, где.

Соррел не удержалась и подняла на него глаза, в которых светилось удивление, ибо если он не ждал встретить женщину, которая его поймет, то она и вовсе не ждала ничего подобного от английского аристократа. Он понял в ней то, что она и сама не совсем понимала.

– Да, – неохотно проговорила она. – Это так. Я все время повторяю себе, как хорошо опять жить мирной жизнью, в которой нет опасности и безумия. И все же эта жизнь не совсем реальная для меня. Я все время вспоминаю...

– Не надо, – прервал он ее. – Я совсем не хотел, чтобы вы вспомнили о тех кошмарах. Однако простите меня. Никак не могу понять, почему ваши родители не отослали вас тогда в Англию?

Соррел иронически улыбнулась.

– Вы запомнили. Мы были взаперти почти всю войну. Но я бы и не поехала, потому что очень нужны были сестры милосердия. Может быть, я не очень умею флиртовать в бальном зале, но я хорошая сестра. Когда они высадились возле Сент-Михаила и захватили остров Кент, я была на нашей плантации, а потом в Аннаполисе, когда сожгли Вашингтон, и мы думали, что за Вашингтоном наша очередь. В форте Макгенри я ухаживала за ранеными. Мне не пришлось стрелять, но о войне я знаю не меньше вас.

– А я забыл, что мы были врагами, – проговорил он с неожиданной горечью. – Оказывается, задача у меня была более грандиозная, чем я думал.

Соррел не поняла, что он хотел этим сказать, но не стала переспрашивать и ответила, не лукавя:

– У меня тоже были времена, когда я, как все, ненавидела и боялась англичан.

– Еще какая задача! Так вот почему вы не жалуете меня и не доверяете мне!

Соррел напряглась, не желая думать о причинах, побудивших ее избегать его общества.

– Почему же не жалую?

– Думаю, вы сами все знаете, – печально проговорил он. – Не лукавьте! Я же вижу, что вы мне не доверяете. Только не знаю, то ли это из-за войны, то ли из-за моего титула. Но я умею драться. Так все говорили. Вы мне разрешите помочь вам?

Соррел залилась жарким румянцем и смутилась. Она легко могла противостоять его уговорам, но его ласковому голосу, нежной улыбке – нет, это было выше ее сил. Ей уже почти хотелось сдаться на милость победителя, потому что она начинала доверять этому английскому аристократу.

И что? Неужели она в самом деле разыграет беспомощную девицу и сложит к его ногам все свои трудности, чтобы он разобрался с ними? Что ж, у него сильные плечи, и он с ними справится, если на то пошло. Но она-то не прекрасная девица и не повиснет на первом встречном рыцаре. К тому же он почти обещал жениться на кузине.

– Зачем?

Он пожал плечами.

– Ну и вопрос. Если вы не знаете на него ответ, то я, боюсь, ничем вам не помогу. Я-то думал, что разговариваю с умной женщиной. Мисс Кент, иногда вы на удивление слепы.

Соррел не нашла ответа на эти слова и промолчала. Подождав немного, словно смиряясь с поражением, маркиз вздохнул и, взяв ее под руку, повел дальше.

– Понятно. Ну что ж. Надеюсь только, вы не забудете о моем обещании, потому что я собираюсь его сдержать. Когда-нибудь вы поверите мне и все расскажете, мисс Соррел Кент из Америки.

Маркиз тотчас переменял тему и заговорил о каких-то пустяках, как будто никакого серьезного разговора между ними вовсе не было.

– Знаете, этот старый дом просто замечательный,— сказал он, когда они вышли за церковную ограду и направились к воротам Кэмпден-хаус. – Стыд и позор, что его довели до такого состояния. Я хорошо понимаю, почему ваша тетя восхищалась им, когда была девочкой.

Соррел была благодарна маркизу за то, что он заговорил о другом, поэтому ответила ему с куда большей пылкостью, чем позволяла себе обычно:

– Должна признаться, я тоже влюбилась в него. Мама часто рассказывала мне о нем, поэтому я встретила с ним, как со старым знакомым. Когда тетя Лейла узнала, что его можно снять на лето, мне кажется, она была и счастлива, и смущена, ведь она и мама могли только мечтать пожить в нем, когда были девочками. Это был самый красивый дом во всей округе и совершенно для них недостижимый, как они тогда думали.

– Да. Я много слышал об их необыкновенном успехе. Увы, мне не пришлось познакомиться с вашей мамой, но от вашей тети я в восторге.

Соррел подозрительно поглядела на него, подумав, что не заметила иронии в его голосе, но и на его лице она не нашла и тени насмешки. Однако она вспомнила о реальном положении вещей и отняла у него руку, сделав вид, что камешек попал ей в туфлю.

Маркиз терпеливо ждал, пока она избавится от несуществующего камешка, и потом они зашагали дальше.

– Вы правы,— заявила Соррел радостным тоном.— Стоит только взглянуть на мою кухню, чтобы представить, какими они были когда-то.

Маркиз улыбнулся.

– Скорей всего ваша тетя не удержится и купит дом. Она об этом не говорила?

Соррел с радостью поддержала разговор.

– Нет, ведь моя кузина не любит деревню.— Произнеся это, Соррел тотчас спохватилась, не сказала ли она лишнего.— Вы знаете, он горел один раз во время Гражданской войны. В этих местах камень стал красным. Мне говорили, котсуолдский камень всегда краснеет в огне.

Маркиз с нескрываемым любопытством поглядел на нее.

– Как интересно.

Соррел решила продолжать разговор на ту же тему, изо всех сил стараясь, чтобы ее

голос звучал ровно.

– А ваш дом намного больше? Должна сказать, у нас дома не очень любят величественные сооружения. Может быть, из-за наших демократических принципов. Однако я тоже, в общем-то, осталась безразлична к дворцам, которые мне показывала тетя. Оказалось, я предпочитаю что-то более уютное, правда, не обшарпанное.

Улыбка маркиза была грустной.

– Мой дом... Дом, в котором я вырос, ненамного больше этого. Не забывайте, что мой отец был всего лишь младшим сыном. А теперешний мой дом... Он очень большой и не очень уютный. Боюсь, вам бы он не понравился. Но, должен признаться, я редко в нем бываю. Но, тем не менее, в последние годы у меня появилась привычка к роскоши, ведь раньше и крыши текли, и вместо каминов были дыры в потолке. Сейчас мне бы такое не понравилось. Мне это напоминает...

Но он не сказал, о чем это ему напоминает, потому что они как раз подошли к дому.

Соррел возблагодарила судьбу за то, что ее кузина еще не возвратилась с прогулки и не видела, как они вместе идут по дороге. Когда же они приблизились к крыльцу, она услышала над головой странный шум.

Ничего не понимая, Соррел подняла голову, и в то же мгновение маркиз оттолкнул ее, а на то место, где она стояла, с грохотом упало что-то тяжелое, подняв тучу пыли.

Глава четырнадцатая

Соррел ударило волной, и она упала на гравиевую дорожку, в кровь исцарапав себе руки и колени под легким платьем. Она еще не поняла, что произошло, как маркиз уже оказался рядом и поднимал её с земли.

– Соррел! Господи, вы не ушиблись?

– Не очень, – едва слышано ответила Соррел. – Ради Бога, что это было?

Она не обратила внимания на то, что маркиз назвал ее по имени, как не замечала пока крови на руках и грязи на платье и щеке.

Зато от маркиза ничто не укрылось.

– Было то, что одна из труб чуть не упала на вас. Вы и теперь будете изображать из себя упрямую дуру и настаивать на моем извращенном воображении? Только не говорите, что никому ваша смерть не нужна. Если бы меня случайно не оказалось рядом, где бы вы сейчас были?

Соррел с ужасом огляделась, не желая верить ему и не находя слов для возражений. Одна из красивых елизаветинской эпохи труб в самом деле упала и разлетелась на куски. Если бы маркиз не оттолкнул Соррел, ей бы не отделаться легкими ушибами. Наверное, она была бы уже мертвой...

– Нет... Трубы старые. Дом тоже разваливается, – пролепетала Соррел, чувствуя, что не может сдержать дрожь. – Тетя Лейла все время говорила об этом.

Маркизу тоже, судя по его виду, изменило его обычное благодушие.

– Господи, дай мне терпение! Вы что, до сих пор ничего не поняли? Не кажется ли вам, что вы слишком долго играете американскую дурочку?

Приглядевшись к Соррел, маркиз понял, что она не в себе, и, выругавшись вполголоса, снизил тон:

– Простите меня! Вы вся дрожите, и это неудивительно. У меня тоже нервы разыгрались, ведь я испугался за вас. Ради Бога, дорогая, возьмите себя в руки!

Соррел не представляла, как она выглядит, но уже презирала себя за слабость.

Скорее всего, в ней виноват очень похожий на взрыв грохот, с каким упала труба. А ведь Соррел думала, что никогда больше не услышит взрывов. Как бы то ни было, она вдруг почувствовала, что у нее зуб на зуб не попадает, словно стоял не жаркий июньский день, а холодная зима.

– Н-н-ничего! С-с-сейчас пройдет!

Однако маркиз ей не поверил, ибо сильнее сжал ей оцарапанные руки.

– К черту! Хотя мне, по крайней мере, приятно видеть, что у бескомпромиссной мисс Кент нормальная реакция на события. Позвольте мне проводить вас к вашей тетушке?

Вот этого-то Соррел как раз и не могла позволить, потому что меньше всего хотела, чтобы тетя узнала... Или маркиз стал задавать ей вопросы. Ей нужно время все обдумать. Пока же она не в состоянии рассуждать здраво. Соррел даже не представляла, что может так расклеиться, но ведь и опасность ей грозила нешуточная. Слава Богу, маркиза не подвела реакция, и она осталась в живых, даже почти не пострадала. Но ей еще нужно успокоиться.

– Н-нет! – резче, чем ей бы этого хотелось, возразила Соррел. – Не будьте смешным! Мне уже лучше. И вообще ничего страшного. Только шума много. Глупо получилось, я знаю, но на мгновение мне показалось, что взорвался снаряд.

Маркиз внимательно посмотрел на ее побледневшее лицо, на круглые от страха глаза и, неожиданно обняв ее, принялся гладить ее по голове, словно она опять стала маленькой девочкой.

-Знаю, знаю. Это не глупо. Мне до сих пор снится, что рвутся снаряды.

Соррел была благодарна ему за участие, хотя понимала, что должна высвободиться из его рук, пока не поздно, но вместо этого она задрожала еще сильнее, и он покрепче прижал ее к себе.

– Значит, вот что способно поколебать ваше хваленое спокойствие,— прошептал он, зарывшись в ее волосы и ощутив странное волнение, какого никогда прежде не испытывал.— Не хочу пугать вас еще больше, хотя ваша слабость доставила мне несказанное блаженство, но, может быть, теперь, дорогая, вы отнесетесь серьезнее к моим словам? Нет, нет! Даже не пытайтесь высвободиться! Если вы в порядке, то мои нервы совсем никуда не годятся, и мне нужно реальное подтверждение, что вы живы и здоровы. Не представляете, когда я глянул наверх и увидел трубу, которая падала прямо на вас... Я потерял год жизни, можете не сомневаться.

Несмотря на его слова, скорее, из-за его слов Соррел, почувствовав себя на минуту в полной безопасности в его объятиях, поняла, что слишком искусительно и дальше оставаться в них, давая волю охватившей ее презренной слабости. Ей было так же хорошо, как в детстве в объятиях отца. Но, пожалуй, объятие маркиза будет поопаснее упавшей трубы. Соррел не знала, связано ее волнение с пережитым страхом или с близостью спасшего ее мужчины.

Она попыталась высвободиться, и он неохотно ослабил объятие, чтобы заглянуть ей в лицо. Соррел же только теперь заметила, что он тоже весь в пыли и у него порван рукав.

– Мне бы надо было знать, что вы не замедлите вновь возводить ограждение, – печально проговорил маркиз. – Скоро вы снова залезете в свою раковину, и я буду думать, что мне на минуту пригрезилось ваше доверие.

Соррел же как раз боялась, что ей не удастся вновь огородить себя, поэтому она резко проговорила:

– Отпустите меня. Мне лучше.

– Ну конечно. Вы уже почти вернулись к своей роли. Независимая мисс Кент – спокойная, самоуверенная и бесстрашная. Поздравляю вас со скорым выздоровлением. А вот у меня сердце все еще колотится, должен признаться.

Соррел не могла представить, что это он говорит о ней.

– Самоуверенная? Вы сошли с ума?

– Совсем нет. Не забывайте, что я уже неделю наблюдаю за тем, как вы посиживаете в своем углу и свысока поглядываете на наши глупости. Правда, ваши глаза выдают вас. Вы это знаете? У вас очень красивые глаза, в которых отражается все, что вы чувствуете. Вы только и делаете, что судите нас и находите ужасно легкомысленными.

Теперь Соррел точно знала, что он сошел с ума... или переволновался из-за трубы.

– Вы шутите?

– Ну нет. Меня так и подмывает надерзить вам, припомнить вам ваше падение в день нашего знакомства, но вы меня предупредили своей улыбкой. Вы знаете, что вы совсем другая, когда улыбаетесь? Даже Фитц это заметил, а он редко видит что-нибудь дальше своего носа. Но вы не часто балуете нас такими «ошибками». С тех пор, мне кажется, вы больше ни разу не улыбнулись. Слишком вы поглощены тем, чтобы держать нас всех на расстоянии. Упорно кладете камень на камень в стене, которую воздвигли между собой и

всеми остальными людьми. За ней вам спокойно. Вы о чем-то думаете себе, играя вторую, нет, третью скрипку при вашей кухне и замораживая взглядом каждого, кто осмеливается подойти к вам поближе.

Соррел была потрясена до глубины души и точно так же рассержена.

– Н-нет! Это неправда!

– Неужели, мисс Кент?– Он не сдавался.– А почему же тогда вы сидите в уголочке, если не уступаете своей кухне ни в уме, ни в образовании, да еще глотаете всякие гадости, даже не пытаясь постоять за себя? Я же знаю, какая вы! Ведь вам ничего не стоит сразиться со мной, например. А в ее присутствии вы меняетесь. Почему?

– Вы забываете, – с горечью проговорила Соррел,– что я не совсем ровня моей кухне в... во всем.

Но маркиз сразу все понял.

– А! И это все? Вы, правда, верите, что все мужчины сходят с ума, едва завидев красивое личико?

– Большинство.– Однако Соррел и так уж слишком много сказала, чтобы продолжать в том же духе. – Послушайте, вы же собирались быть добрым. А я...

Он рассмеялся.

– Добрым? Ну нет. Я хочу выбить из вас всякую чепуху и заставить вас мыслить здраво. Впрочем, я, кажется, начинаю вас понимать. Вы играли вторую скрипку при своей красавице матери, а теперь кухня, и в вас, по-видимому, уже ничего не осталось от нормальной хорошенькой девицы. Вам никогда не приходило в голову, что вы можете нравиться мужчинам? А Вильям? Ваш жених?

Соррел решила, что пора заканчивать далеко зашедший разговор.

– Я больше не хочу это обсуждать.

– Почему же? Мы еще не договорили. Но теперь я начинаю понимать,– задумчиво произнес маркиз. – А то все удивлялся, как это вы ослабили оборону.

Соррел испугалась, что он все о ней понял, и, горделиво запрокинув голову, с вызовом произнесла:

– Ну, говорите же! Вы так же, как все, думаете, что Вильям сделал мне предложение, потому что был очарован моей мамой.

– Ох, дорогая,– ответил маркиз.– Если это так, то он был дураком, причем, совершенно недостойным вас.

– Вы думаете, мне нужна ваша жалость!

– Жалость?– Он едва удержался от смеха. – Вы ведь умная девушка, моя дорогая Соррел, почему же вы такая слепая? Кажется, мне придется еще тяжелее, чем я предполагал. Урок мне. Нечего от скуки лезть, куда ни попадая, да еще жалеть себя, когда дают от ворот поворот. И все же не могу оставить вас в неведении. Ваша кухня очень красивая, и, не сомневаюсь, ваша мама тоже очень красивая. Не сомневаюсь также, что большинство знакомых вам мужчин – дураки. Но все же наверняка были... есть... такие, которые могут оценить вас по достоинству.

– Они меня ценят. Как сестру милосердия, как старшую сестру, как наперсницу. Разумная Соррел, которая всех может понять и которая никогда не лезет вперед.

Она сама не знала, зачем говорит это. В первый раз в своей жизни.

Маркиз вновь крепко сжал ей руки.

– Ну нет, я не позволю вам думать такое о себе.

Прежде чем Соррел успела что-то сказать, он наклонил голову и прижался губами к ее ладони.

Соррел вскрикнула и попыталась отнять руку. Тогда он заглянул ей в глаза, и они долги смотрели друг на друга, и Соррел не сумела спрятать от него ни своего страха, ни тех чувств, в которых вовсе не желала признаваться.

Сердце у нее билось, как никогда в жизни, и она не могла найти слов... Ей надо было бы бежать, пока не слишком поздно, но она уже поняла, что опоздала и теперь может делать что угодно, все равно ничего не изменить.

Потом он поцеловал ее в губы, и она ощутила на своих губах прикосновение его красивых губ, не давших ей ни малейшей возможности ускользнуть. Его поцелуй не был ни нежным, ни почтительным, в отличие от редких поцелуев Вильяма, он был властным, и хотя Соррел попыталась было высвободиться, у нее ничего не получилось. Маркиз положил руку ей на затылок и завладел ее губами, словно это была его собственность, забыв обо всех ее притязаниях на свободу и независимость.

Еще пытаясь сопротивляться, Соррел уже со стыдом понимала, что ее воля слабеет, а когда она оставила все попытки высвободиться, его губы стали мягкими и нежными, словно он только этого и ждал.

Соррел не сразу догадалась. Не сразу до нее дошло, что он пользуется ее слабостью, чтобы победить ее, но это уже не имело никакого значения. Она закрыла глаза и отдалась ему с удивившей его готовностью. Даже если он удивился, то вида не показал, лишь покрепче прижал ее к себе. Его губы требовали от нее ответа и были такими сладкими... В его объятиях Соррел чувствовала себя до смешного хрупкой, беспомощной и... да-да, красивой, о чем никогда прежде и не помышляла.

Соррел приоткрыла губы и, сама не помня как, принялась целовать его с испугавшей ее самой жадностью. Ее руки тоже действовали независимо от ее воли, потому что она не помнила, когда обняла его за шею, чтобы еще крепче прижаться к нему. Она даже и не думала никогда, что такое блаженство возможно.

Он ответил ей. Для Соррел все было новым, но самым замечательным было то, что он целовал ее, а не ее мать и не ее кузину. И целовал ее так, как будто вовсе не собирался отпускать ее и всю свою прежнюю жизнь только и ждал этой минуты.

Глава пятнадцатая

Шли секунды, и Соррел, очнувшись от первого изумления, не могла устоять под натиском обрушившихся на нее обычных сомнений. Он жалеет ее, и только. Как она могла даже подумать о соперничестве с прекрасной кузиной?

И тотчас, словно появилась злая колдунья, Соррел перестала ощущать себя желанной красавицей и вновь стала самой собой со всеми своими нелепостями. Неужели это она целуется на виду всего дома, и не с кем-нибудь, а с самым красивым мужчиной на свете, да еще титулованным. Нет, самое главное не это. Самое главное – то, что он почти помолвлен с прелестной кузиной Ливией.

Маркиз почувствовал происшедшую в ней перемену и оторвался от ее губ, он отпустил ее не сразу. В его глазах еще полыхало жаркое пламя, а Соррел уже боялась, что слишком выдала себя, выставила на обозрение свои чувства и свою слабость.

Они смотрели друг на друга, и он прищурился, потому что она не смогла скрыть ужас и недоверие. Соррел почти вырвалась из его рук.

– Нет! Позвольте мне уйти! Я не могу! Маркиз нахмурился, и радость на его лице сменилась усталостью.

– Хорошо, только не надо бояться. Если хотите, я могу попросить у вас прощения. Наверное, я не должен был целовать вас, но, признаюсь, я ничуть не сожалею и при первой же возможности поцелую вас еще раз.

Соррел отвернулась и спрятала лицо в ладонях, не желая показывать ему, как ей стыдно и страшно.

– О Господи, что я наделала? Как же я могла?

У маркиза брови полезли на лоб, а в глазах появились веселые чертенята.

– Признаюсь, это слишком сложно для меня, – сказал он. – Но вам бы не стоило так переживать, ведь к этому все шло с первого дня, как я приехал. Правда, я был бы рад узнать, что именно вас напугало. Разве мало времени прошло после смерти вашего жениха? Или вы все еще видите во мне врага? Или вы считаете меня одним из возможных претендентов на руку и сердце вашей кузины?

– Нет! Нет! Давайте не будем об этом говорить. Мне ужасно стыдно. Но это же ничего не значит.

– Утешайтесь этим, если можете, – сухо проговорил маркиз. – Но мы оба знаем, что вы лжете себе.

– Нет! Это ничего не значит. Если бы я думала иначе, я бы завтра же уехала в Америку! – в запальчивости крикнула Соррел.

Маркиз на минуту задумался.

– Понимаю. И все-таки вы не ответили на мой вопрос. Вы расстроились из-за вашего жениха или из-за кузины? Потому что если так, то...

Однако Соррел уже взяла себя в руки и, повернувшись к нему, проговорила, правда, дрожащим голосом:

– Прошу прощения. Я взволнована больше, чем думала. Пожалуйста, прошу вас, не говорите ничего. Вильям... моя кузина... разница в нашем положении... в наших убеждениях. Это невозможно. Пожалуйста... Я должна идти!.. Мне надо побыть одной.

Она замолчала и ушла, ни разу не оглянувшись на него и не посмотрев на окна, не

следил ли кто-нибудь за ними. Соррел совсем забыла об упавшей трубе и о своем счастливом спасении.

Однако она вспомнила об этом, едва добралась до своей комнаты. Наверное, она должна была бы ощутить страх, однако она переживала такую бурю в своей душе, что покушение почти не занимало ее мыслей.

Тем не менее, Соррел заставила себя сосредоточиться на нем, чтобы отвлечься от мучительных раздумий о последнем получасе своей жизни. Больше она не могла закрывать глаза на опасность, угрожающую ее жизни. Тот первый случай, когда соскользнуло седло, не особенно напугал ее, потому что она случайно ударилась так сильно. Соррел никак не могла представить свою смерть под копытами лошадки, а тем более придумать причину, по которой кто-то желает ее смерти.

Да нет, скорее всего, просто хотели напугать тетю, чтобы она заплатила большую сумму. Однако второе происшествие куда более опасное. Не будь рядом Уичерли... впрочем, какой смысл об этом думать.

Как бы Соррел ни хотела, она не могла принять падение трубы за простое совпадение. Дом, конечно же, не в лучшем состоянии, но чтобы труба упала в нужный момент, необходимо ее подтолкнуть. То, что Соррел не умерла и не покалечилась, заслуга его сиятельства (хотя он должен был в это время кататься с Ливией) и его быстрой реакции.

Если только... Соррел нахмурилась. Если только присутствие маркиза не входило в планы заговорщиков. Вряд ли. Она ведь испугалась. Или она все же права и никто не желал ей смерти?

Соррел не знала, что думать. Разум отказывался ей служить. Но, прежде чем она сама не убедится в опасности, она не скажет тете. Не стоит ее пугать еще больше, а то она в самом деле надумает платить, чего Соррел никак не желала. Остается только надеяться, что маркиз тоже умолчит о неприятном происшествии.

И Соррел вспомнила о том, о чем отчаянно хотела забыть, ибо отлично понимала – совсем не опасность заставляла ее дрожать всем телом и жарко краснеть.

Напрасно отрицать, что она совершила величайшую глупость и влюбилась в маркиза Уичерли. От этой горькой пилюли никуда не деться. Но, хоть он и поцеловал ее, совершенно ясно, что он ничего не может испытывать к ней, кроме жалости. Да и с какой стати? Сколько Соррел ни искала в своем сердце, сколько ни вглядывалась в свое отражение в зеркале, ответ был один-единственный. Он, у ног которого весь мир, был бы дураком, если бы предпочел ее красавице кузине.

Вне всякого сомнения, ему хотелось быть добрым. Добрым! Эта пилюля оказалась еще горше. Но, по крайней мере, теперь ей известно, что он человек добрый и, как ни странно, жалостливый. Естественно, неуклюжая и застенчивая кузина девушки, на которой он собирался жениться, вызвала его сочувствие.

Соррел стало больно от этой мысли, но все же так было лучше. Если бы он даже каким-то чудом и ответил на ее любовь, она не могла обмануть ожиданий тети. К кузине Соррел не испытывала никаких добрых чувств, если честно, она недолюбливала ее, но тетя Лейла совсем другое дело. Она приласкала племянницу, и Соррел ответила ей искренней нежностью. Было бы непростительно воспользоваться ее нежностью и отобрать у нее то, о чем она мечтала больше всего на свете.

Это Соррел считает, что маркиз не заслуживает такой пустой и тщеславной жены, как бы красива она ни была, но не приходится сомневаться, что с ней не согласится ни один

человек на земле. Слишком хорошо она знала, какое завораживающее воздействие оказывает на мужчин хорошенькое личико и как мало они думают о характере или уме приглянувшейся им красавицы. Вполне вероятно, что его сиятельство женится на прелестной Ливии и не пожалеет о своем выборе, добровольно отказавшись от равенства ума и души ради более земной привилегии вызывать зависть у своих приятелей.

Соррел оказалось не под силу заставить себя хотя бы пару минут не помечтать о том, что могло бы быть, но она была слишком практична, чтобы позволить себе долго предаваться неосуществимым фантазиям. Впрочем, и фантазии подсказывали ей совсем не то, чего бы ей хотелось. Между ними не только кухня, но еще разные страны, воспитание, образ жизни. Он – титулованный англичанин, она – американка, которой безразличны титулы. У него в Англии поместья и ответственность за свой род, а она не представляет, как навсегда покинет Америку и поселится здесь. Соррел на мгновение вообразила себя маркизой, и ей самой стало смешно. Ему нельзя жить в уединении, а ей всегда неловко в переполненном бальном зале или за разговором с незнакомыми людьми. Ливия, несомненно, больше подходит для этой роли.

Раненое сердце подсказывало Соррел, что как бы хороша ни была Ливия в бальном зале, она всегда будет любить его титул, а не его самого. Едва колечко окажется на ее пальчике, и она станет маркизой, меньше всего она будет думать о его благополучии и покое. Ливия ведь на редкость эгоистична и может заботиться только о своей божественной персоне. Однако вряд ли найдется много мужчин, которые бы, заглянув в ее прекрасные голубые глаза и насладившись ее блистательной улыбкой, не забыли обо всем на свете. Весь жизненный опыт Соррел подсказывал ей, что надеяться не на что.

Соррел вздохнула с облегчением, когда поняла, что никто понятия не имеет об угрожающей ей опасности. Упавшая труба стала предметом оживленного обмена мнениями, но и только. Даже тетя Лейла лишь один раз обмолвилась за обедом, что, мол, все как-то нескладно выходит с домом.

Соррел упорно смотрела в свою тарелку, избегая встретиться взглядами с его сиятельством. Вальтера тоже не интересовала эта тема. И Соррел вздохнула с облегчением, когда Ливия, не любившая разговоров не о себе, довольно резко заявила:

– Если нанимаете развалюху, мама, то чего же от нее ждать? Помните, я всегда была против вашей затеи? В самом деле, почему бы нам, когда гости уедут, не отправиться в более приличное место, например в Брайтон? Там, по крайней мере, не скучно. Можно наведаться в магазины или потанцевать на балу.

Тетя Лейла растерянно моргнула и сделала слабую попытку возразить:

– Ну что ты, моя радость, дом ведь наш на все лето. Нет, конечно, это не главное, но я уверена, что маркиз и мистер Фитцсиммонс не позволяют тебе скучать. Ты хорошо сегодня покаталась?

Наклонив головку, Ливия сквозь золотистые ресницы бросила взгляд на маркиза.

– Чудесно, – ответила она. – У нас был чудесный день. Милорд, жаль, что вас не было с нами.

– Боюсь, тогда ваш день не был бы таким чудесным, ведь моя коляска не рассчитана на троих.

Вальтер не сдержал смеха, и Ливия, зарумянившись, негодуя повернулась к нему. Но тут в разговор вмешался мистер Фитцсиммонс.

– Для меня бы день точно не был бы таким чудесным. Должен сказать, дружище, ты

поступил, как надо.

– Но я тебе отомщу завтра,– заявил маркиз.– Завтра я повезу мисс Морден кататься, а ты останешься дома.

Ливия довольно рассмеялась. Выглядела она прелестно в своем новом и очень дорогом платье и весь вечер пробовала свои чары на маркизе.

Соррел с раздражением подумала, что она опять собирается загнать его в угол, ведь ей пришлось не по душе, что он отказался ее сопровождать, а так как гости скоро должны были уехать, то ей приходилось держать при себе свое раздражение и быть в высшей степени обходительной. Правда, не исключено, что она поняла свою ошибку, ведь ей в первый раз не повезло, и она встретила мужчину, который никак не поддается на ее уловки.

Соррел не могла не заметить подозрительного блеска в ее глазах, когда она смотрела на маркиза, но спросила она как будто невзначай:

– А вы, милорд, что делали весь день?

– О, уверяю вас, у меня был замечательный день,– ответил маркиз.– Мисс Кент пожалела меня и была так любезна, что показала мне здешнюю церковь.

Соррел не прислушивалась к пустяшной беседе, но стоило маркизу упомянуть ее имя, как она гордо вскинула голову и почувствовала, что заливается предательским румянцем. Она бросила на маркиза укоризненный взгляд, заметив, как нахмурилась Ливия, и спокойно проговорила:

– О, это всего лишь вежливость, правда, ваша светлость. Не могу поверить, что вам было... интересно.

Однако в маркиза вселился сам дьявол.

– Вы, как всегда, необыкновенно скромны! Но вы не правы. Я самым приятным образом провел день, и по многим причинам. Вы не можете не знать, мисс Морден, что ваша кухня отлично образованна, а ее мысли я нахожу столь же необычными, сколь оригинальными.

Соррел попыталась остановить его взглядом, но не тут-то было. Она не понимала, что он затеял... разве что пытался отомстить Ливии за ее попытку вызвать его ревность... но ведь он знал, что ее кухня терпеть не может, когда в ее присутствии хвалят других дам. И Ливия, забыв о своих благих намерениях, проговорила с фальшивой восторженностью:

– О, я уверена, она – настоящий бриллиант. Мама всегда превозносит ее до небес. Ну а я, признаюсь, нахожу скучными и церкви, и прочую древность.

– Что ты, детка,– несчастным голосом произнесла тетя Лейла.– Тебе бы тоже не повредило, если бы ты прочитала одну-две книжки, хотя сама я не любительница чтения. Но его сиятельство прав. У Соррел замечательный ум. Я тоже это не раз замечала. И я вам скажу, я получаю гораздо больше удовольствия от ее визита, чем ожидала. Мне будет жаль с ней расставаться.

Соррел заставила себя улыбнуться.

– Спасибо, тетя, но, боюсь, кухня права. Я неисправима. Мама давно это поняла и махнула на меня рукой.– Она помедлила в нерешительности.– Я рада, что вы заговорили о моем возвращении домой. Мне и вправду пора об этом подумать,– с вызовом проговорила она, рассчитывая только на уши маркиза. Тетя Лейла замахала на нее руками.

– Что ты! Что ты! Я совсем не то хотела сказать, дорогая. Я думала, ты пробудешь у нас не меньше года.

Судя по выражению лица Ливии, та не разделяла чувство своей матери.

– Спасибо, тетя. Но моя жизнь все-таки не здесь. Наверное, самое время признаться

вам, что кухня не ошиблась во мне. Я решила, когда вернусь домой, подумать насчет того, чтобы открыть школу.

Соррел спокойно встретила взгляд маркиза. В своей гордыне ей хотелось во что бы то ни стало заставить его поверить, будто его поцелуй никак не повлиял на нее, и она не собирается вешаться ему на шею.

Однако самой бурной была реакция тети Лейлы на ее признание.

– Открыть школу? – растерянно повторила она, словно речь шла не о школе, а о борделе. – Ну нет! Надеюсь, дорогая, ты не серьезно... – Она умолкла, ища поддержки у дочери и маркиза, и, не найдя ее, постаралась справиться со своими чувствами. – Ты шутишь! Уверена, папа не позволит тебе ничего подобного!

– Не в его власти помешать мне, тетя. Скоро я буду совершеннолетней и получу бабушкино наследство.

Тетя Лейла вконец расстроилась и ничего не сказала, зато в разговор вмешалась Ливия.

– Знаешь, кухня, мне кажется, это тебе подходит, – воскликнула она, изображая воодушевление.

Когда же тетя Лейла довольно резко ее одернула, она посмотрела кругом невинными глазами.

– А что я такого сказала? Разве она сама не говорила, что не собирается замуж после смерти своего жениха? Ее не увлекают балы и танцы, так что лучшего занятия не придумать.

– Чепуха! – не выдержала тетя Лейла. – Смешно даже говорить о таком в ее-то годы. Конечно же, она выйдет замуж. И тетя Лейла решительно переменяла тему, заговорив о бале, который должен был состояться на следующий день в Челтенхэме. Было решено, что они поедут загодя и останутся в отеле, а уж оттуда отправятся на бал. Наутро можно будет пройтись по лавкам и потом вернуться домой. Соррел подумала, что тетя Лейла права в своих сомнениях насчет бала. Ехать сорок миль сначала в одну сторону, а потом в другую только для того, чтобы пару часов потанцевать! И она сказала об этом.

Ливия, естественно, всей душой была за бал. И тетя Лейла, озабоченно поглядев на племянницу, спросила:

– Что с тобой, дорогая? Ты боишься, что устанешь от дороги?

Она застала Соррел врасплох.

– Тетя, я не собираюсь ехать, – выпалила она. – Если, конечно, вы не будете настаивать. Но мне совсем не хочется на бал.

Ливия состроила недовольную гримаску.

– Господи, ну что ты ее просишь? Она же в трауре и не может танцевать. Ты забыла?

Однако на сей раз тетя Лейла не захотела подчиниться дочери.

– Не забыла. Я думала об этом и совсем не хочу тебя обидеть, но ведь прошел уже почти год после смерти несчастного юноши и пора тебе опять показаться в свет. Особенно если ты и вправду собираешься заниматься школой. Да, да, послушай меня, дорогая. Там не будет ни одного знакомого, и никто тебя не осудит. Что до меня, то я никуда без тебя не поеду. Да и мы не обойдемся без тебя, ведь Ливия, как бы она ни хотела, не может танцевать одновременно с двумя кавалерами.

Глава шестнадцатая

Соррел не могла поверить собственным ушам. В первый раз тетя Лейла пошла против своей дочери. Но и то правда, что траур был для Соррел всего лишь предлогом не ездить на лондонские балы, так как она тоже не видела смысла в строгих правилах света. Носила она черное или не носила, это никак не зависело от ее горя, да, в общем, она давно поняла, что бедняжка Вильям остался в прошлом и совсем не беспокоит ее оттуда. Он был для нее частью совсем другой жизни, не имевшей ничего общего с той, что наступила после войны.

И все же Соррел поспешила отказаться.

– Нет, нет. Я с удовольствием останусь дома. На балу будет много молодых дам, и наши кавалеры легко найдут для себя партнерш. К тому же, я бы и не могла танцевать, даже если бы очень хотела. Вряд ли сегодня у вас танцуют то же самое, что и у нас.

Тетя Лейла задумалась, зато у маркиза на все был ответ.

– Это пусть вас не волнует, дорогая мисс Кент. Оставим споры. Мы за вечер научим вас всему, что надо. Скажу без преувеличения, лучших учителей вам все равно не найти. Фитца все считают лучшим знатоком кадрили, и никто не может станцевать ее грациознее, чем он, а я с удовольствием научу вас вальсу. Предлагаю начать прямо сейчас. Пойдемте в музыкальную комнату. Не будем терять время.

Ливия зло посмотрела на Соррел, но маркиза с готовностью поддержал Вальтер, не пожелавший упустить возможность насолить падчерице. Он тоже предложил себя в учителя и сказал, что Ливия, верно, не откажется подыграть им на фортепиано, чем совсем вывел ее из себя.

К счастью, на выручку дочери поспешила тетя Лейла.

– Нет, нет, ей же надо показывать Соррел па. Я сяду за рояль, хотя, боюсь, музыкантша из меня никакая.

Соррел не нашла ничего возразить. Она во все глаза смотрела на маркиза, который лучезарно улыбался ей и делал вид, будто искренне не понимает ее сомнений.

– Не беспокойтесь, мисс Кент! Вы сами не заметите, как будете танцевать лучше всех.

Слишком поздно, если не сказать фальшиво, было бы поминать совесть и взывать к площадке. Соррел знала только одну причину, настоящую причину своего нежелания, но не могла ее назвать. Она не желала вновь оказаться в объятиях маркиза – даже во время танца.

Успокоив себя тем, что маркиз и мистер Фитцсиммонс угомонятся, как только увидят ее в движении, Соррел отправилась вслед за всеми в музыкальную комнату и там с удивлением обнаружила, что кадрили, которую ей с недюжинным изяществом продемонстрировал мистер Фитцсиммонс не без неохотной помощи Ливии, ничем не отличается от кадрили, известной в Америке, и Соррел быстро ее выучила. Она никогда не блистала на балах, особенно в присутствии своей матери, но схватывала все быстро и вскоре уже свободно владела основными па, хотя под чужими взглядами чувствовала себя не в своей тарелке и на чем свет стоит кляла маркиза за его выдумку.

Тетя Лейла самозабвенно, правда, с ошибками, аккомпанировала молодым людям, и даже Вальтер отбивал ритм, пока они танцевали весь танец от начала до конца. Вскоре маркиз пригласил на танец Ливию, и все вместе они изобразили бал в миниатюре, отчего настроение Ливии несколько улучшилось. Как бы то ни было, но ей удалось заполучить маркиза и от души покритиковать Соррел, стоило ей сделать ту или другую ошибку.

Однако, когда пришло время маркизу учить Соррел вальсу, она опять сникла. Сначала, правда, она, лучезарно улыбаясь, сделала два тура в объятиях маркиза, чтобы показать Соррел основные движения, но ей совсем не понравилось, когда и маркиз, и мистер Фитцсиммонс с видимым удовольствием занялись обучением глупой американской кузины. Даже Вальтер – и тот уделил Соррел внимание, время от времени делая ей замечания и не забывая отбивать ладонями ритм, увя, не всегда поспевая за музыкой.

Вальс еще не был известен в Америке, и поначалу Соррел, чувствуя горячую руку маркиза на своей талии и его дыхание возле своего лица, двигалась, как деревянная, то и дело наступая ему на ноги и извиняясь. Он же смеялся и не отпускал ее, так что Соррел понемногу раскрепостилась и вошла в ритм. Маркиз был отличным танцором, поэтому Соррел, хоть и против своей воли, но подчинилась его власти, и прошло совсем немного времени, прежде чем она легко и уверенно закружилась в его объятиях. Тетя Лейла сидела за роялем, а мистер Фитцсиммонс и Вальтер придирчиво следили за тем, чтобы она не совершала ошибок, и Соррел почти не совершала их.

Ей даже в голову не могло прийти, как она прелестно выглядит с разгоревшимися щеками и сияющими глазами, как грациозно перебирает ножками, повинувшись маркизу, пока Вальтер не воскликнул, насмешливо глядя на падчерицу:

– Клянусь Юпитером, мисс Кент, как же ловко вы скрывали от нас свою красоту. Да завтра вы затмите всех красавиц, не исключая Ливии! Черт меня побери, если я когда-нибудь видел, чтобы так танцевали вальс!

Ливия изменилась в лице и, не говоря ни слова, ушла из музыкальной комнаты. Впрочем, это было к лучшему, потому что маркиз с откровенной нежностью улыбался Соррел и даже шептал ей на ухо:

– Ваш так называемый дядя совершенно прав! То ли я оказался талантливым учителем, чего я за собой никогда не знал, то ли вы – способной ученицей. Я прошу у вас завтра первый вальс, моя дорогая Соррел. Думаю, вы сами не верили, что я могу оставить вас тут одну и опять подвергнуть опасности. Правда?

Соррел смутилась и ничего не ответила.

Несмотря ни на что, Челтенхэм, сверкавший миллионом витрин, в которых было выставлено все, что душе угодно, Соррел понравился. Вальтер в последнюю минуту отказался ехать, заявив, что танцы – не его стихия и он предпочитает навестить каких-то своих друзей, живущих поблизости.

Тетя Лейла подозрительно поглядела на него, имея причины недолюбливать приятелей своего мужа, даже не зная их. Однако в присутствии гостей она не посмела ничего сказать и лишь выразительно поджала губы.

Путешествие прошло без всяких неожиданностей, и если Соррел опасалась каких-нибудь выходов Ливии после вчерашних танцев, то кузина чрезвычайно ее удивила.

Пребывая в задумчивости, она спустилась из своей комнаты, одетая в прелестное дорожное платье, которое очень ей шло. Время от времени Соррел ловила на себе взгляд ее прищуренных глаз и понимала, что она не думает ничего хорошего, однако она держала свои мысли при себе и, видимо, не собиралась объявлять войну.

Ливия с прелестной улыбкой благосклонно отозвалась о Челтенхэме, особенно о лавках, и накупила немислимое количество приятных пустячков, которые совсем не были ей нужны. Ее комоды уже были переполнены вещичками, наподобие крохотных вазочек для цветов или шелковой индийской шали, оказавшейся на редкость дешевой и потому соблазнительной... и

безобразной. Однако Соррел была благодарна ей хотя бы за то, что она открыто не высказывает ей свои чувства, и потому позволяла таскать себя из лавки в лавку.

Тетя Лейла с готовностью тратила деньги и даже купила два чепчика и один тюрбан для себя. Она даже уговаривала Соррел купить соломенную шляпку, украшенную большим количеством вишен, уверяя, что она ей к лицу.

Но когда Соррел решительно отказалась от нее, тетя Лейла спохватилась и заявила, что шляпка и вправду вульгарная, но если заменить вишни на что-нибудь другое, то она будет очень даже миленькой.

Соррел быстро поняла, что и тете, и кухне нравится выбирать и покупать и они способны мгновенно забыть о новом приобретении, едва оно перекочет в их дом, поэтому она стойко сносила копание Ливии в перчатках, которых у нее уже был полный ящик в комод. Зато ей тоже, в общем-то, понравилась сапфировая булавка, купленная Ливией, правда, на ее вкус, она была маловата, да и сапфиры оказались ей не очень чистыми.

День прошел на удивление мирно. Мужчины отправились по своим делам. Тетя Лейла на полчаса, а то и больше, забыла о своем непутевом муже и о его приятелях. Она была почти уверена, что он делает ставки на боксерском матче, о котором он как-то ей проговорился, и возвратится без денег и, не дай Бог, пьяным до бесчувствия.

Вечером все сошлись вновь за обедом, сервированном в элегантном отдельном кабинете, и единственное событие, которое чуть не омрачило весь день и предстоящий вечер, заключалось в том, что Ливия в первый раз обратила внимание на платье Соррел.

В первый раз почти за год Соррел сняла черное и чувствовала себя немножко не в своей тарелке, но ей и в голову не могло прийти, что Ливия позавидует ее наряду, ведь сама она одевалась у лучшей лондонской портнихи и платила ей, как Соррел случайно узнала, умопомрачительные деньги. На сей раз Ливия явилась в белом кружевном платье на небесно-голубом шелковом чехле и, как всегда, поразила кухню своей неземной красотой.

Однако Ливия, едва взглянув на простенькое вишневое платье Соррел, сразу же помрачнела.

– Где ты купила свое платье? – спросила она довольно грубо. – Колониальной портнихе такого не сотворить!

Соррел немедленно пожалела, что уступила настояниям тети Ливии и сняла траур. Балы никогда ее не привлекали, и ей надо было бы остаться в своей спальне с хорошей книжкой. Тем не менее, она спокойно ответила:

– Ты права. Это платье папа привез из Парижа. Он был там в прошлом году. Тебе, кухня, прелесть как идет голубое! Тетя Лейла, правда, Ливия на диво хороша?

Однако Ливию не удалось так легко провести.

– Из Парижа?! – воскликнула она, не скрывая своей ярости. Из-за войны с Францией платья из Парижа были совершенно недоступны англичанкам. – Что ж, это, по крайней мере, немного отрезвит лорда Уичерли.

И она не преминула рассказать о парижском платье, когда все собрались за обеденным столом, после того как мистер Фитцсиммонс рассыпался в комплиментах по поводу очаровательных туалетов дам.

– О, моя скромница кухня затмила меня! Впрочем, ничего удивительного, ведь ее платье прямо из Парижа. Думаю, вам, милорд, это придется не по душе, ведь вы много лет сражались против французов.

Соррел покраснела, но маркиз не изменился в лице, и голос у него звучал, как всегда.

– Я сражался против французов, которые завоевывали не принадлежавшие им страны, а не против их моды... особенно такой прелестной. Миссис Гранвиль, позвольте предложить вам вина.

Теперь покраснела Ливия и с еще большим раздражением посмотрела на Соррел. Но тут маркиз принялся развлекать ее, и, не умея сопротивляться его обаянию, она на глазах растаяла, хотя время от времени все же бросала на Соррел недовольные взгляды.

Что же до Соррел, то она делала вид, будто ничего не замечает, и больше всего на свете жалела, что ей не хватило ума остаться дома.

Наконец они вошли в элегантный бальный зал, и Ливия тотчас привлекла к себе взоры. Настроение у нее стало лучше. Соррел же вновь почувствовала себя шестнадцатилетней застенчивой девочкой, как она ни старалась внушить себе, что ей уже давно не шестнадцать, и она много повидала в жизни, и, вообще, она в Англии, а не в Америке. Соррел раздражало, что в зале очень много народу и очень жарко, к тому же она не знала ни души, да и гневная Ливия ничем не желала ей помочь.

Более того, бросив торжествующий взгляд на бедняжку кузину, она отправилась танцевать с маркизом, потом с мистером Фитцсиммонсом, а потом у нее, как всегда, отбоя не было в кавалерах.

У Соррел даже мысли не мелькнуло о соперничестве с записной красавицей, и она отказала мистеру Фитцсиммонсу, пригласившему ее на танец. Она стояла рядом с тетей Лейлой, которая вся сияла от гордости за свою дочь и несколько раз обмолвилась о том, какая красивая пара могла бы получиться из Ливии и маркиза. Тетя Лейла торжествовала свою маленькую победу, ибо это она привезла на бал красивого и родовитого гостя. Похоже, из ее памяти не выветрились воспоминания о далеких временах, когда она сама шила себе платья, а не покупала их у самой дорогой модистки Лондона.

Даже Соррел несколько раз пригласили незнакомые кавалеры, но среди них ни разу не объявился маркиз. Все приглашения Соррел наотрез отвергала, объясняя недоумевавшей тете, что она согласилась снять траур и поехать на бал, но вовсе не обещала танцевать.

Тетя Лейла как будто поверила ей. Будучи доброй от природы, она не могла не понять чувства Соррел и, к счастью, не стала настаивать.

Соррел же уговаривала себя, что она счастлива невниманием маркиза, каких бы опрометчивых обещаний он ни давал накануне. Ливия совершенно очевидно ревновала, и, видимо, он решил, что зашел слишком далеко. Как бы то ни было, оттанцевав с Ливией, он поступил на редкость благоразумно и добросердечно, пригласив на танец застенчивую девочку, жавшуюся к стене, на которую до него никто не обращал внимания, а потом вступил в беседу с каким-то важным лицом.

Однако, едва заиграли вальс, он с неотразимой улыбкой на лице направился к Соррел.

– Мисс Кент, сделайте мне честь. Помните, я еще вчера просил у вас первый вальс?

Соррел оглянулась на тетю, которая немедленно сделала вид, будто ее что-то заинтересовало в другой стороне, потом на кузину, мечтавшую, насколько она понимала, танцевать с маркизом, и сказала, верно, не очень тактично:

– Нет, нет! Ой... Благодарю вас, милорд, но я сегодня не танцую. Пригласите лучше кузину.

Маркиз тоже посмотрел на кузину Ливию, окруженную толпой поклонников, и смиренно проговорил:

– Я уже танцевал с вашей кузиной, и все приличия соблюдены. Не думайте, я не боюсь

потеряться в той толпе. Но вы сегодня совсем не танцевали, хотя мне совершенно непонятны ваши резоны. Пойдемте, мисс Кент, и вы мне расскажете, почему отказываете приглашающим вас кавалерам. Пойдемте, мисс Кент! Вам должно быть известно, что от меня не так-то легко отделаться. К тому же, нельзя не выполнять обещания.

Тетя Лейла повернулась к Соррел и кивнула с ласковой улыбкой. Соррел неохотно поднялась и тихо, но с возмущением сказала:

– Ничего я вам не обещала, и вы это прекрасно знаете, милорд! И мне все равно, что обо мне подумает эта толпа. А вам советую пойти и пригласить на танец мою кузину, а меня оставить в покое!

Маркиз, не обращая внимания на ее отповедь, крепко взял ее руку и положил на свою, хотя Соррел пыталась сопротивляться, но она быстро сдалась, повинувшись неизбежному, и, вся вспыхнув, позволила маркизу вести ее на середину залы.

По дороге она поймала негодующий взгляд Ливии, который не сулил ей ничего хорошего ни сразу после бала, ни на другой день.

Как только заиграла музыка, и маркиз закружил Соррел в танце, она не утерпела и выговорила ему:

– Может быть, вы находите забавным сеять рознь между мной и кузиной, но мне это совсем не нравится, милорд.

Соррел уже знала, какой маркиз замечательный танцор, но учитель он оказался не хуже, потому что, несмотря на все свое возмущение и все смятение, у нее не было никаких трудностей, пока она кружилась по залу.

Он смотрел на Соррел, улыбаясь, и она, не в силах противостоять ему, улыбнулась в ответ, после чего он с печалью в голосе промолвил:

– Вы несправедливы, мисс Кент! И это после того, как я весь вечер старался не стать яблоком раздора между вами и вашей кузиной. А иначе зачем бы мне, как вы думаете, так долго быть вдали от вас? Я даже не сказал вам, как прелестно вы сегодня выглядите в вашем парижском платье. Вам не надо носить черное. В этом платье вы совсем другая. Я даже с трудом узнал вас, когда вы спустились вниз из своей комнаты.

Соррел раздумывая от его неожиданного комплимента, но ответила довольно резко:

– Благодарю вас! Не надо мне напоминать о том, что я нарочно тушуюсь рядом с кузиной. Вы мне об этом уже говорили. И я начинаю думать, милорд, уж не записной ли вы соблазнитель?

– Ну конечно, – еще печальнее произнес маркиз. – Я изо всех сил старался понять, чем мог заслужить такое недоброе отношение к себе, и ничего не придумал, кроме того, что у вас ненормальное предубеждение против моего титула. Скажите на милость, когда это я соблазнял вас?

У Соррел захватило дух.

– Если вы меня не соблазняли, зачем же?..

Соррел прикусила язычок, слишком поздно поняв, какую глупость она сморозила, и залилась горячим румянцем.

Маркиз рассмеялся.

– Ах, как неосторожно с вашей стороны, мисс Кент! Но если вы имеете в виду наш поцелуй, а, судя по вашему румянцу, так оно и есть, то вы глубоко ошибаетесь. У меня ни тогда, ни потом не было ни малейшего желания соблазнять вас.

– Господи, вы не могли бы говорить потише! – взмолилась Соррел, в смятении

оглядываясь по сторонам.— Пожалуйста, переменим тему. Или совсем ни о чем не будем говорить, потому что я все еще боюсь сбиться с шага.

— Вы лжете, мисс Кент! Не примите это за мое тщеславие, но я оказался превосходным учителем, потому что танцуете вы просто замечательно и гораздо лучше всех в этом зале. Вам совсем не следует чего-то бояться. И пусть меня все слышат, я ничего не имею против.

Однако Соррел не могла в это поверить и обернулась посмотреть на кузину, которая танцевала с мистером Фитцсиммонсом, являя собой образец грации и красоты.

— Милорд, я запрещаю вам играть мной, — с обидой заявила Соррел. — Если вы хотите как-то повлиять на мою кузину, то постарайтесь обойтись без меня. Мне совсем не смешно!

— Это вы играете в непонятную игру, мисс Кент. Я ничем себе не противоречу, и если бы вы были благоразумны, то давно бы все поняли. — Он не ждал ее ответа, и это было к лучшему, но тоже обернулся поглядеть на Ливию.— Ваша кузина действительно прекрасна,— сухо продолжал он,— и никто не собирается оспаривать того, что она царит в этом зале. Но, сдается мне, вас тоже приглашали танцевать. Почему вы не принимаете приглашения? Только не говорите, что вы в трауре. Как бы вы обо мне ни думали, но я все же не дурак.

Она и не думала, что он дурак, но сказала с нескрываемой насмешкой в голосе:

— О да. В присутствии моей кузины я получаю от мужчин завидные предложения... Все они надеются, что я представлю их красивой и богатой Ливии, а завтра они не узнают меня, если мы неожиданно столкнемся где-нибудь и я буду одна. Удивительно еще, как я совсем не свихнулась.

Соррел пожалела, что сказала так много, потому что в его глазах мелькнуло сочувствие, и он ласково пожал ей руку.

— Увы. Мисс Соррел Кент не знает за собой ничего, что могло бы привлечь внимание мужчины. Я назову вам лишь два ваших качества, с которых вы можете начать соперничество со всем светом. Вы умны и храбры так, как ни одна из всех, знакомых мне дам. Неужели так невероятно для женщины предпочесть ум прелестному личику?

Соррел не сумела изобразить ледяное спокойствие и проговорила с нескрываемой горечью:

— Думаю, даже вы, милорд, согласитесь, что ум и храбрость ни к чему в бальном зале.

Маркиз рассмеялся.

— Наверное, вы правы. Но мы так мало времени проводим в бальных залах. Вы об этом не думали? И еще, мисс Соррел Кент, поразмышляйте-ка на досуге. Ваша кузина очень красива, но у меня ни разу не возникло искушения поцеловать ее. Вы довольны?

Глава семнадцатая

Соррел покраснела и отвернулась.

– Вы думаете, я вам поверю? – все с той же горечью спросила она. – И, вообще, какое мне дело? – запоздало добавила она.

Улыбка мгновенно сбежала с его лица, которое обрело почти торжественное выражение.

– Может быть, это покажется вам странным, но я рассчитывал, что вы поверите.

Но он слишком многого от нее ждал. Соррел радовалась его похвалам и сердилась на себя за эту радость, но тут она ощутила невероятную усталость и от души пожелала, чтобы бал поскорее закончился.

– Я не знаю, какую игру вы затеяли, милорд, – тихо проговорила она. – И зачем. Но, по-видимому, вам нравится насмеяться надо мной. Я же не нуждаюсь в вашей жалости и не желаю служить прикрытием в игре, которую вы ведете с моей кузиной. А теперь, если не возражаете, проводите меня к тете. У меня разболелась голова, и я больше не хочу танцевать.

Маркиз пожал плечами и уступил. Но он не мог отпустить ее, не сказав ей ничего на прощание.

– Я подчиняюсь... Пока починаюсь, мисс Кент, только пока. Но мне вас ничуть не жаль. Это во-первых. И, во-вторых, зачем мне ревность вашей кузины? Должен сказать, я все сделаю, чтобы вы наконец это себе уяснили. Однако я все еще гость в доме вашей тети и мое положение обязывает меня к определенному поведению... пока. Но наступит день, когда мы сможем поговорить откровенно. И я не забыл, что обещал сделать все, дабы вы мне поверили... по своей собственной воле и без всякого насилия с моей стороны. Теперь же я благодарю вас за танец и надеюсь, что ваша головная боль недолго будет вас мучить.

Маркиз поклонился, проводил Соррел к тете и тотчас покинул ее. После чего он напрямик направился к кухне и остаток вечера провел, очаровывая ее, доставляя Соррел сомнительное удовольствие тем, что в точности выполняет ее приказ.

Соррел твердо сказала себе, что довольна таким развитием событий, потому что внимание маркиза, независимо от его причин, сулило ей кучу неприятностей. Пусть себе женится на Ливии и оставит ее в покое.

Тем не менее, несмотря на всю свою браваду, Соррел вскоре обнаружила, что придуманная головная боль стала реальностью. И ничего удивительного, решила про себя Соррел, ведь она всегда ненавидела балы с их громкой музыкой и духотой, да еще надо постоянно улыбаться, даже если больше всего на свете хочется запереться в своей комнате и никого не видеть. Надо же быть такой душой! И зачем только она позволила себя уговорить? Куда подевался ее здравый смысл? Разве она не помнит свои прежние балы? Больше ни на один не поедет, как бы ее ни уговаривали.

Однако балом дело не кончилось.

Через несколько часов, когда Соррел уже сняла свое великолепное парижское платье, в дверь постучали, и в комнату, зевая от усталости, неожиданно вошла кузина Ливия в дорогом шелковом пеньюаре.

Соррел и Ливия были не в таких отношениях, чтобы болтать ночами, и Соррел приветствовала ее без особой радости. Однако Ливия пребывала в странном настроении. Она ходила по комнате и, не останавливаясь, говорила и говорила о прошедшем бале.

У Соррел не на шутку разболелась голова, и ей хотелось только добраться до постели, но она не прерывала Ливию. В конце концов, та произнесла нечто более значительное:

– А тебе, кухня, понравился бал? Мама мне все время талдычит, что мы должны тебя развлекать, пока ты в Англии, и поэтому мы забрались в такую глушь.

– Понравился. Спасибо.

Ливия рассмеялась, не поверив Соррел, и уселась на край кровати.

– Наверняка что-то должно было понравиться, не сомневаюсь. Ты, правда, думаешь, что Уичерли интересуется тобой?

Вот оно что. Впрочем, Соррел ждала чего-то подобного.

– Нет, – устало проговорила она. – Не думаю.

И получила удовольствие, заметив удивление в глазах Ливии.

– Тогда все в порядке. Ты же знаешь, что он собирается на мне жениться.

У Соррел сердце убежало в пятки, однако она не желала дать кухне повод в чем-нибудь заподозрить ее.

– Поздравляю. Когда свадьба? – спросила она, стараясь сохранять спокойствие.

Ливия на мгновение растерялась, однако почти тотчас взяла себя в руки и пожала прелестными плечиками.

– Скоро. Будь уверена. Я хочу выйти за него замуж, и я всегда получаю то, что хочу.

– Ты счастливица. Но, скажи на милость, какое это имеет отношение ко мне?

– Никакого, конечно же. Мы с тобой мало болтали, но мы ведь все-таки двоюродные сестры. – Ливия зевнула и вскочила. – Поздно уже. Я очень устала.

По дороге к двери она, как бы между прочим проговорила:

– Насколько я поняла, ты скоро собираешься домой? В Америку? Правильно? Ты же сама сказала, что не можешь жить у нас вечно, и, наверное, ты скучаешь по своей привычной жизни. Надеюсь, ты немного развлеклась в Англии. Мы все, верно, кажемся тебе тщеславными дураками? В первый раз Соррел по-настоящему захотелось смеяться. Вот, значит, к чему все это.

– Я скоро уеду, – подтвердила она первое предположение Ливии и не стала оспаривать второе.

Ливия лучезарно улыбнулась ей.

– Тогда все замечательно. Спокойной ночи, кухня.

Но Соррел впервые не пожелала оставить за ней последнее слово.

– Подожди минутку... кухня, – неожиданно остановила она Ливию. – Ты затеяла этот разговор, не я, поэтому не откажись ответить на один вопрос. Почему тебе так важно выйти замуж за титул?

Соррел действительно не понимала кухню, и ее мучило любопытство.

Ливия ответила не сразу. Она долго крутила в пальцах ленточку от пеньюара, но потом все же решилась:

– Ты ведь не любишь меня, правда, кухня? Тебя злит, что я говорю то, о чем другие молчат. А тебе когда-нибудь приходило в голову, с твоей самоуверенностью и твоим критиканством, что тебе-то жилось куда легче, чем мне, несмотря на всю мою красоту? Твой папа, при всем при том, был человеком уважаемым и обожаемым. Мой же был добрым и веселым, но с такими манерами, что его презирал даже наш высокооплачиваемый привратник. Мой отчим был еще богаче отца и любил меня. Я могла крутить им, как хотела, и он покупал мне все на свете. – Даже теперь она не могла не прихвастнуть. Но ее губки

сложились в презрительную гримаску.— Но уважали его не больше, чем моего отца, и я, представь себе, вздохнула с облегчением, когда он умер. Я уже выросла, и мне пора было выезжать. А как выезжать с таким отчимом? У меня не было ни одного шанса.

Ливия помолчала, потом вновь заговорила безразличным тоном.

— Тебе это не нравится, я вижу, тебе ведь никогда не приходилось стесняться своих родителей. На тебя другие девочки не смотрели сверху вниз в школе, хотя мой папа мог бы купить их всех с потрохами. Разве это честно? Ни одна из них не была красивее меня, но они презирали меня из-за моих родителей и не скрывали это. Ну вот, будь уверена, такого я больше не допущу. Когда я стану леди Уичерли, то посмотрю, как они будут морщить носы и смеяться надо мной!

Соррел слушала эту дикую смесь гонора и обиды, самообвинений и бахвальства и не знала, сердиться ей на свою красивую кузину или жалеть ее. Теперь она, по крайней мере, лучше понимала ее, чем прежде. Симпатизировать ей она не могла, но и презирать тоже перестала, ведь такой, какой она стала, ее сделали обстоятельства. Соррел даже подумала, что она со своей ревностью и любовью к матери и со своим вечным самоуничижением гораздо легче пережила невзгоды детства.

Наверное, кузина права, и самый простой выход из положения — купить себе титул и власть над теми, кто шпынял тебя в детстве.

Соррел промолчала. И Ливия заговорила вновь с неожиданной страстностью:

— Может быть, к лучшему, что мы наконец-то поговорили, по крайней мере, теперь мы понимаем друг друга. Мама хочет, чтобы мы подружились, но мы с тобой слишком разные. Никому и в голову не придет искать во мне твою хваленую независимость, но, не сомневайся, я собираюсь устроить свою жизнь так, как я хочу. Все думают, будто я красивая пустышка. Но я не хуже мамы умею считать и уж, во всяком случае, точно знаю, чего я хочу. И я могу быть опасной, если мне перейдут дорогу. Запомни это, сестричка. Ладно, уже поздно, и я иду спать. Однако запомни мои слова, потому что я тебя предупреждаю, я не потерплю, чтобы кто-нибудь... кто-нибудь... вздумал мне мешать.

С этими словами Ливия удалилась, и Соррел, удивленно похлопав глазами, тоже решила лечь в постель.

Обратно добрались без приключений. Тетя Лейла почти всю дорогу дремала, и Соррел, воспользовавшись предоставившейся возможностью, тоже закрыла глаза, чтобы не вести бессмысленный разговор с прелестной кузиной. Она понимала, что Ливия права и между ними все сказано, поэтому и обсуждать больше нечего.

Еще несколько дней прошли спокойно. Вальтер возвратился мрачный, и было ясно, что удача ему изменила. То и дело он злил тетю Лейлу, намекая на то, что, мол, визит маркиза скоро подходит к концу, а он еще ничего не сказал.

— И ничего удивительного в этом нет! — заявил он как-то раз с раздражением.— Чем вы его тут развлекаете? Танцульками? Местными достопримечательностями? Красотой пресветлой Ливии? И вы еще на что-то рассчитываете! Да через две недели непрерывного пребывания в ее обществе кто угодно захочет сбежать даже на край света. Я вам скажу так. Вы плохо все продумали, а на другую возможность и не рассчитывайте. Я бы должен был предвидеть, что ваши купеческие замашки рано или поздно подведут вас обеих. Разве я сам не стал жертвой того же самого? Зачем вы потащили Уичерли на провинциальный бал? Зачем возите по местным деревням? Почему вы не прислушались ко мне? Ну конечно, вы же лучше знаете... Разве я вам указ?

Приход Соррел оказался неожиданным, так что до ее ушей еще донеслись слова тети Лейлы:

– Ах, купеческие замашки? И это ты говоришь? А не ты приполз с поджатым хвостом? Не хватало еще, чтобы ты мне указывал, как вести себя с гостями, словно ты какой небожитель. Разговорился тут, смешно слушать! Ты хочешь, чтобы я думала, будто ты с его сиятельством одного поля ягода, да он отлично тебя раскусил и смеется над тобой потихоньку, потому что смеяться в лицо ему воспитание не позволяет. Да весь свет знает, на чьи деньги ты позволяешь себе роскошно одеваться и чьи деньги ты транжиришь на боях и бегах! Запомни, если ты помешаешь моей Ливии, забудь о деньгах! Ты больше ни пенни не получишь!

Вальтер же ответил ей с таким превосходством, какого Соррел от него никак не ожидала:

– Помешаю? Я? Вот здорово! Да ей и мешать не надо. Она сама себе помешала! Думала, будто для него тоже сойдут уловки, которыми она заманивает других влюбленных дураков. У него-то здравого смысла побольше, – насмешливо продолжал он. – Так и знай. Держу пари, он раскусил твою зловредную мегеру. Я уж знаю, долго ее терпел, и если ты думаешь, что это было легче, ты очень ошибаешься. Я ей, видите ли, помешаю! Да чем скорее ты ее сбудешь с рук, тем лучше для меня. Будь я честным человеком, я бы предостерег беднягу против хитрой прониры, пока еще не поздно. Хотя не думаю, что ему нужны мои предостережения.

Тетя Лейла не успела ответить. И Соррел решила вмешаться, пока они не объявили друг другу войну.

– Ради Бога, замолчите! Вас же слышно во всем доме. Не думаю, что это понравится его сиятельству.

Тетя Лейла вняла ей и заговорила чуть ли не шепотом:

– Не ты ли собираешься нам помочь? Да ты только и знаешь, что обижать мою дочь, а этого я тебе никогда не прощала и прощать не собираюсь.

– Ну конечно! Ее желания закон! Ты держишь меня на коротком поводке и считаешь каждый пенни, который я трачу, а желания ее высочества не подлежат обсуждению!

– Ага! А тебе бы не мешало иметь немножко гордости и не сидеть на шее у своей жены! Никогда не поверю, что ты приехал помочь мне. Такого быть не может. Я тебе скажу. Я совершила самую большую ошибку в своей жизни, когда вышла за тебя замуж, и теперь я ее расхлебываю. Мне не нужен скандал. Не хочу, чтобы он помешал моей дочери устроить свое будущее. И я тебя предупреждаю, ни пенни ты не получишь от меня до конца месяца.

– И это благодарность, – с горечью проговорил Вальтер. – Я приезжаю, чтобы тебе помочь, потому что ты и твоя драгоценная доченька все делаете не так, а ты... Ладно! Когда твои надежды не оправдаются, не жди, что я буду тебя жалеть!

Тетя Лейла встрепелась, словно он ее ударил.

– Жалеть! Ты? Да разве ты способен на жалость? У нас все отлично шло, пока ты не приехал. И если ты хоть чем-то... хоть как-то... помешаешь Ливии, я... я... я... не знаю, что с тобой сделаю. Но обещаю, лучше тебе тогда не попадаться мне под руку. Тогда уж – скандал, не скандал – я с тобой разведусь!

Тетя Лейла все время ссорилась со своим мужем, но такого, как в этот раз, еще не бывало. Соррел очень хотелось уйти, но она не могла оставить тетю одну.

– Неплохо поговорили, – обиженно произнес Вальтер. – Впрочем, ничего другого я уже

давно не жду. Однако бояться-то тебе надо твою светлолицую дочь, а не меня! Разве я тебе не говорил, что меня бы очень устроило быть близким родственником Уичерли? Разве не говорил о моем проекте, который бы обогатил меня и сделал навсегда независимым от твоего кошелька? Ты вечно попрекаешь меня деньгами и даже сама не понимаешь, как можешь иногда ошибаться. У меня все в порядке. Я выиграл обезьянку у старого Мейкписа как раз незадолго до моего приезда.

– И не сомневаюсь, что проиграл ее на другой же день. А что до твоего замечательного проекта, то держу десять против одного – речь опять пойдет о лошадях. Так знай, он тебе ничего не даст, и ты прогоришь со своим проектом.

Вальтер опять как-то неожиданно переменялся в лице и словно выпрямился.

– Вот так всегда. Я ничего не могу тебе сказать, кроме того, что мой проект в стадии завершения, и если он удастся, я обеспечу себя до конца жизни. Как же это будет прекрасно! Думаю, я буду радоваться куда сильнее тебя.

Тетя Лейла удивила обоих, внезапно разразившись потоком слез.

– Что ж, если я один раз ошиблась в тебе, я прошу прощения. Но когда ты позоришь мою дочь, да еще обвиняешь меня, будто я виновата, что его сиятельство не сделал ей предложение, разве я могу это вынести? Плевать мне, когда ты обвиняешь меня в скупости, мне это не удивительно. Я же знаю, что ты женился на мне ради денег.

Вальтер пришел в ужас и сбежал, предоставив Соррел позаботиться о своей жене, которая отличалась редкой выдержкой и в первый раз так бурно отреагировала на их ссору. Соррел же подумала, что Вальтер ни при чем, и тетя Лейла уже давно сама не своя из-за нежелания маркиза делать Ливии предложение.

Она попыталась воззвать к здравому смыслу тети:

– Не надо, тетя! Не стоит. Он этого не заслуживает. Что-то я прежде не замечала, чтобы вы из-за него плакали.

Тетя Лейла вытерла слезы и высморкалась.

– Да я не из-за него! С чего это я вдруг буду плакать из-за него? Как бы не так! Все одно к одному складывается. Дорогая, ты же не всерьез говорила о школе, правда?

– Вы из-за этого плачете?

– Нет. Но я же сказала, все как-то сразу сошлось. Вальтер прав. Я на него сорвалась, потому что его сиятельство все еще не сделал Ливии предложение, а ему скоро уезжать. Не надо тебе говорить, что она рвет и мечет. Ругает меня. Тут еще Вальтер всюду сует свой нос и поучает меня. Да и ты ведешь себя так, словно тебе сорок один год, а не двадцать один. Как ты думаешь, сколько можно такое выдерживать?

– Но, тетя, – возразила Соррел, все еще ни о чем не догадываясь, – если его сиятельство не хочет делать Ливии предложение, это ведь не ваша вина, что бы они там ни говорили. А я... – Она замолчала, озаренная внезапной догадкой. – О Господи! Неужели вы получили еще одно письмо?

Тетя Лейла всхлипнула.

– Да. И как раз я только подумала... Ох, мне уже жалко, что я пригласила его сиятельство. Вальтер прав. Все получилось совсем не так, как мне хотелось. И теперь я уж точно заплачу. Только не думай, будто я рыдаю из-за денег. Вальтер ничего не понимает. Просто так уж вышло...

– Я этого ждала, – сказала Соррел. – Он назначил место и время?

Глава восемнадцатая

– Да,– ответила ей тетя Лейла.– Но, дорогая, это не все. Он пишет, что на твою жизнь уже дважды покушались. Почему ты мне ничего не сказала, родная? Может быть, я плохая мать, а уж тетка и вовсе никудышная, но неужели ты всерьез могла подумать, будто я позволю кому-нибудь – даже моей дочери – помешать мне позаботиться о моей племяннице?

Соррел стало стыдно.

– О нет, совсем нет! Я ничего такого не думала. После всего, что вы для меня сделали! Я как раз думала, что вы поступите так, как хотите поступить, но ведь это ничего не даст.

– Знаю. Но я не могу и не хочу рисковать твоей жизнью, родная, из-за каких-то денег.

Соррел заговорила медленно, понимая, что теперь настала ее очередь ступить на тропу войны.

– Конечно. А где вы должны оставить деньги?

– Какое это имеет значение? Я должна пойти в ближайший перелесок и оставить их там. Он даже прислал мне карту. Я очень расстроилась, когда Вальтер приехал, но сейчас он, кажется, нам пригодится. Почему бы ему не отнести деньги в лес и не покончить со всем этим? Я уже подумываю, что все складывается не как надо, и жалею, зачем я вас сюда затащила. Все пошло хуже некуда с тех пор, как мы тут поселились.

Однако Соррел почти не слушала тетку, испытывая нечто похожее на откровение свыше. Она и раньше не сомневалась, что автор писем отлично знает тетю Лейлу, а кто может знать ее лучше Вальтера? Вальтер же вечно в долгах. Вальтеру надоела узда. Вальтер заявил, что придумал, как ему разбогатеть.

Тем не менее, Соррел постаралась не давать волю своему воображению. Она не могла полностью поверить, что даже Вальтер способен пасть так низко и строить свое благополучие на несчастье жены.

Но чем больше она размышляла, тем меньше у нее было доводов в защиту Вальтера, как бы чудовищно это ни казалось ей поначалу. Вальтер как раз тот человек, которому может доставить удовольствие шантаж собственной жены ради получения кругленькой суммы денег, которую никаким другим способом ему у нее не выудить. Даже Соррел видела, что терпению тети Лейлы пришел конец.

Соррел вздохнула с облегчением и в то же время рассердилась, придя к такому простому решению. Ей было неприятно думать о чужом человеке, тем более о слуге, взявшемся за столь низкое дело. Но Вальтер! Муж шантажирует свою жену и обрекает ее на страдания! Вальтер угрожает ей и Ливии, зная, как его жена и падчерица мечтали, чтобы визит маркиза прошел без сучка и задоринки, зная, что его жена все сделает, лишь бы ничто не помешало Ливии устроить свое будущее.

Вальтер явился неожиданно и всего за несколько дней до того, как пришло последнее письмо с указанием, куда и когда нести деньги.

Неужели это Вальтер расчетливо и хладнокровно дважды посягал на ее жизнь, не испытывая ни тени сомнения и не мучаясь угрызениями совести?

Все же Соррел не понимала, почему он выбрал ее для своих целей. Впрочем, как бы он ни относился к своей падчерице, видимо, рисковать ее жизнью ему все-таки было боязно. Если бы Ливия умерла или покалечилась, он бы вообще потерял всякую власть над своей

богатой женой. Тетя Лейла много раз говорила, что только забота о будущем Ливии мешает ей развестись с мужем.

Соррел пришла к выводу, что все сходится как нельзя лучше, несмотря на ее первоначальные сомнения, и шантажистом никто не может быть, кроме Вальтера. Ей стало легче, потому что теперь она знала врага, который оказался не так уж опасен. Неизвестный противник – это неизвестный противник, а с Вальтером они как-нибудь справятся. Злость сменялась любопытством по мере того, как Соррел убеждала себя, что правильно вычислила шантажиста.

Помолчав, она, как бы между прочим, не зная, можно ли довериться тете, спросила:

– Тетя, я прошу прощения, но вы думаете, что разумно доверять деньги Вальтеру?

Тетя пристально поглядела на нее, но поняла совсем не то, что ей хотела сказать Соррел.

– Господи Боже мой! Ты думаешь, он возьмет деньги и сбежит с ними? Куда подевались мои мозги? Ну, конечно, он именно так и сделает. Подумать только, как он обвел меня вокруг пальца своей наружностью и знатным именем! Похоронив двух мужей, я должна была бы иметь больше здравого смысла, а нет! Ты права, дорогая. Ты-то не потеряла голову. Но что же нам делать? Я все равно считаю, что надо заплатить, но в моем возрасте идти в лес! Ну уж, благодарю покорно! Надо что-то придумать. Только не говори ничего, я и так все про себя знаю. Если бы я сразу заплатила, ты бы не подверглась опасности во второй раз.

– Я могла бы отнести деньги, – предложила Соррел, в голове у которой начал созревать свой план.– Тетя, тетя, вы только послушайте меня. Я совершенно ничем не рискую.

Тетя Лейла, как и следовало ожидать, сначала бурно запротестовала, но Соррел ничего не стоило убедить ее в правильности своих предположений. Выслушав племянницу, тетя Лейла откинулась на спинку кресла и проговорила с горечью:

– Господи, помоги мне! Да, да, ты права, это он. Не удивительно, что он со мной так разговаривал. Как только подумаю, какой опасности я тебя подвергла, у меня сердце разрывается на части. Ну, надо же! А еще хвастался, что придумал, как разбогатеть. Конечно, как не придумал! Порол тут всякую чепуху! А ведь знает, я заплачу сколько угодно, если под угрозой моя дочь. Тут уж я ворчать не буду. Только вспомню, и во мне все переворачивается! Ну ладно, придется мне все-таки с ним развестись, и будь что будет!

– Подождите, тетя, я кое-что придумала. Если вы сейчас с ним разведетесь, то и вправду будет скандал. Он легко отвертится, и мы ничего не докажем. Зато, будь у вас доказательства, он как миленький сам попросит развода и все сделает, что вы ему скажете. Он пошел против закона, и его могут за это арестовать, даже посадить в тюрьму...

– Ну да, только кому как не ему знать, что такого я не допущу, – неохотно возразила тетя Лейла.– Я его презираю и с радостью от него отделалась бы, но совсем не хочу сажать его в тюрьму, пусть даже он это заслужил. Подумать только, сыграть такую штуку со своей женой! Да у меня сердце переворачивается, стоит только вспомнить, как я переживала.

– Тетя, я понимаю, что до суда это не должно дойти, хотя презираю его не меньше вашего. Но сейчас я о деньгах. Их надо отнести, но так, чтобы поймать его, когда он придет за ними. И тогда мы тоже сможем его немножко пошантажировать к нашей выгоде. Что бы мы о нем ни думали, полагаю, он не захочет, чтобы его имя появилось в газетах. К тому же не забудьте, если вы захотите с ним развестись, как это обычно делается, во-первых, вы повредите Ливии, и, во-вторых, он потребует от вас денег и наверняка их получит.

– Ну да. Только я заплачу сколько угодно, лишь бы отделаться от него, – воскликнула

тетя Лейла. – Но ты все равно права, дорогая. Как я рада, что ты к нам приехала, потому что у тебя вправду голова есть на плечах, не то что у меня. Не знаю, право, что бы я делала без тебя. Я с тобой согласна, надо поймать его за руку, только у меня нет ни малейшего желания его шантажировать. Нет, это слишком рискованно. Ничего не получится. Я не могу позволить тебе рисковать ради меня!

У Соррел загорелись глаза, и она принялась уговаривать тетку разрешить ей пойти в лес. Соррел совсем не боялась Вальтера и, как только поняла, кто ее шантажирует, вовсе освободилась от страха за свою жизнь. Ей даже было смешно, хотя она постаралась скрыть это от тети Лейлы. Неожиданно она подумала, что неплохо бы все рассказать маркизу, уж он-то сумел бы по достоинству оценить эту историю.

Однако она не собиралась ничего ему рассказывать. Дело не в том, что он возмутится или придет в ужас от такого бесчестия, этого-то как раз она не ожидала, несмотря на его титул. Но он ведь рыцарь и, несомненно, захочет взять все на себя, а Соррел никому не желала уступать свое приключение. Да и она дала слово тете Лейле, которой меньше всего хотелось, чтобы будущий зять узнал о проделках Вальтера.

Соррел удалось склонить тетю Лейлу на свою сторону, и она под конец ворчливо проговорила:

– Ладно, ты права. Если это Вальтер, то тебе ничего не грозит. Господи, подумать только, как он меня окрутил! Меня! А я-то еще гордилась своей проницательностью, я заполучила два состояния! И все для того, чтобы меня обвел вокруг пальца какой-то мальчишка! А как только я подумаю, сколько он мне стоил все это время, и никакой благодарности! Не скрою, мне было бы приятно перехитрить его и навсегда от него избавиться, но несправедливо, что ты берешь все на себя. Я ведь за тебя отвечаю, дорогая. Твоя мама доверила мне тебя. И мне даже подумать страшно, что она скажет, когда узнает, куда я тебя отпустила.

– Дорогая тетя Лейла, – со всей возможной серьезностью проговорила Соррел. – Мама прекрасно знает, что я сама могу о себе позаботиться. Кроме того, я пойду днем, и, что бы я ни думала о загадочном шантажисте, Вальтера я ни капельки не боюсь. Да и вы не можете взять обратно свое слово, потому что, предупреждаю вас, я все равно пойду, что бы мне ни говорили. Я все думала, как смогу отплатить вам за вашу доброту, и вот, наконец, мне подвернулся случай.

Тетя Лейла устало пожала плечами и уступила.

– Если бы я не знала, что из себя представляет Вальтер, как бы он ни пыжился, я бы ни за что тебя не пустила. Но мне очень хочется утереть ему нос, и можешь быть уверена, я выложу ему все, что я о нем думаю, как только он будет у меня в руках. Единственное, что мне совсем не нравится, дорогая, это твоя готовность идти к нему. Правда, скажу тебе по чести, все-таки мне боязно. Кто бы мог подумать о нем такое? Чем быстрее я от него избавлюсь, тем лучше!

Соррел не удержалась от смеха.

– Тетя Лейла, вы так говорите о нем, словно едва ли не обожаете его за то, что он натворил. Если я права, а я думаю, что я права, то мистер Вальтер Гранвиль больше вас не потревожит.

Если Соррел несколько и преувеличила свою радость по поводу предстоящего приключения, то в любом случае ей было приятно чем-то помочь тете Лейле, к тому же она вправду ни капли не боялась Вальтера.

Внимательно прочитав письмо и изучив карту, присланную тете Лейле, она с облегчением установила, что свидание назначено неподалеку, в том самом перелеске, который Соррел проезжала, когда ее сбросила лошадь. В этот же перелесок Вальтер водил гостей стрелять, наверняка чтобы подыскать подходящее место для куда менее благородного дела.

Передача денег была назначена на полдень, однако Соррел решила прийти пораньше, чтобы захватить Вальтера на месте преступления. Она собиралась предстать перед ним, едва он дотронется до денег, и, хотя совсем его не боялась, все же, подумав, отправилась в бильярдную и сняла со стены один из дуэльных пистолетов. Конечно же, она не собиралась стрелять, но почему бы не поугатать Вальтера и не добиться от него правды. Кстати, Соррел когда-то училась стрелять и делала это совсем неплохо.

К тому же оставалась еще, хотя и маловероятная, возможность, что придет не Вальтер, а в этом случае уж точно неплохо иметь при себе оружие.

В назначенный день Соррел легко отыскала перелесок, однако деревья росли в нем густо, а под ними еще было много кустов, и забираться внутрь вряд ли у кого-то возникало желание. На это-то Вальтер наверняка и рассчитывал, ибо ему не нужны были зрители, когда он будет брать деньги. Точно так же не было и опасности, что кто-то случайно наткнется на них во время прогулки.

Пробираться между деревьями верхом вскоре оказалось невозможно, и Соррел пришлось спешиться, после чего она с осторожностью повела лошадь, стараясь держать ее подальше от острых сучков. Обозначенное место находилось почти посреди перелеска. Здесь она должна была оставить деньги, а потом уйти. Но Соррел выполнила только первую часть указаний. Положив деньги, она спряталась и решила ждать появления Вальтера.

Соррел не исключала возможность, что Вальтер придет не сам, а пришлет кого-нибудь, но почему-то не думала об этом. Вряд ли ему нужна огласка. Ведь если кто-то будет знать, то его тоже потом могут шантажировать. Кроме того, зная Вальтера, трудно было предположить, что он доверит кому-нибудь такую большую сумму.

День стоял солнечный. Когда Соррел вышла из дома, несколько угрожающих тучек появилось на горизонте. В лесу же деревья так близко сходились друг с другом, что солнца не видно было совсем. Здесь царили сумерки, весьма затруднявшие путь Соррел. Дважды ей пришлось останавливаться и освобождать юбку из колючего плена, а один раз она довольно сильно оцарапала щеку.

Соррел не по-дамски выразила свое отношение к этому, однако не пожалела о том, что предприняла небезопасное путешествие. Тем не менее, вскоре ей пришлось привязать лошадь и идти дальше одной, надеясь, что лошадь не отвяжется и не оставит ее. (Будет еще хуже, если ее обнаружит Вальтер, тогда нечего рассчитывать на неожиданность.)

Без лошади идти стало легче, хотя чем дальше она углублялась в лес, тем мрачнее он ей казался. Однако Соррел успокоила себя тем, что это из-за веток, которые закрывают солнце. Темноты она не боялась. К тому же она давно не ребенок, чтобы шарахаться от странных теней и воображать, будто за каждым кустом сидит по разбойнику, даже если лес и напоминал чащобу из страшной сказки.

Наконец она вышла на полянку, отделавшись одной царапиной на щеке и порванной юбкой.

Здесь было сравнительно светло, потому что деревья расступились, и Соррел огляделась кругом, стараясь сдержать громко бившееся сердце. Она быстро удостоверилась, что никто

не прячется в тени и не следит за ней.

В руках Соррел держала сумку, в которой, однако, было не десять тысяч фунтов, как требовал шантажист, а много нарезанной бумаги. Она аккуратно положила сумку в указанное место и с сожалением покинула солнечную полянку, чтобы спрятаться неподалеку за деревьями и следить за появлением Вальтера.

Соррел прекрасно понимала, что в своем черном платье не видима ни для кого, но все-таки постаралась ради безопасности выбрать местечко потемнее. Уверяя себя, что ей ничто не грозит, она все же чувствовала, как сильно у нее бьется сердце, хотя до назначенного часа еще было минут двадцать. Тогда Соррел приказала себе не глупить, но с осторожностью извлекла из кармана пистолет и проверила, в порядке ли он.

Глава девятнадцать

Минуты шли, и Соррел вскоре поняла, что ее главный враг – не страх, а скука. Сердце у нее давно билось, как обычно, и она принялась устраиваться поудобнее, предвидя долгое ожидание и представляя, как нелепо она будет выглядеть, если Вальтер не появится вовсе и вся ее затея ни к чему не приведет.

Назначенный час миновал, а в лесу все было тихо, разве что лесные жители начали выползать на свет Божий по своим обычным делам. Довольно долго Соррел развлекалась тем, что наблюдала за семейством белок, которые бегали друг за другом по деревьям.

Потом прилетела сойка и прогнала белок. Соррел опять осталась наедине со своими мыслями, которые крутились вокруг шантажиста, но вскоре она совсем забыла о волнении, убаюканная долгим бездействием, хотя, конечно же, продолжала вслушиваться в каждый звук и чуть было не подскочила на месте, когда опять прилетела сойка и громко закричала, нарушая лесную тишину.

Соррел отругала себя, потому что если бы это был Вальтер, то она бы сразу выдала себя, и решила сидеть тихо. Время шло, сумерки сгущались, и Соррел затосковала по камину и удобному креслу. Холод и сырость начали давать себя знать. Да и сидеть на пеньке было не очень удобно.

Поначалу она думала, что ей придется сражаться главным образом со скукой, но потом поняла, что холод грозит ей не меньшими неприятностями. В лесу, конечно же, намного холоднее, чем под теплым июньским солнышком где-нибудь на лугу, и скоро у Соррел зуб на зуб не попадал, так она замерзла. Но главное, чего Соррел не видела за деревьями, – испортилась погода. Закапал дождик.

Деревья, конечно же, укрывали Соррел, но все же то одна, то другая капля падали ей на платье, и Соррел стало еще холоднее. Она подняла воротник платья и отругала себя за то, что не захватила что-нибудь теплое.

Не захватила – и не захватила. Соррел решила не расстраиваться. Она прижалась к дереву, укрываясь от дождя, и еще раз проверила пистолет, не отсырел ли порох.

Похоже, с пистолетом ничего не случилось. И хотя ей страстно захотелось все бросить, ибо Вальтера не было видно, и покинуть свое убежище, которое становилось с каждой минутой все более неприятным, она приказала себе не хныкать. Солдаты часто сидели и даже спали в куда более неудобных местах, чем этот лес, и она отлично знала, что если они были в состоянии не обращать внимания на мошкарку, облеплявшую им шею, то она тоже могла все выдержать.

Вильям был моряком, но и он преодолевал немалые трудности и опасности. А вот Уичерли был солдатом, хотя иногда это трудно себе представить. Он воевал на Пиренеях, но почти не рассказывал об этом. А там, говорят, пролилось много крови.

Соррел одернула себя, не желая погружаться в эти опасные мысли, и постаралась согреться. Но, что бы она ни делала, она замерзала все сильнее. К тому же у нее отсырело платье. Правда, Соррел все, еще удавалось укрываться от дождя под ветками, но руки и ноги у нее заоченели. Ей очень хотелось встать и размять ноги, но она боялась, как бы ее не услышал Вальтер. Стоит ей спугнуть его, и все пропало.

Чем дальше Соррел ждала, замерзая, тем больше ей хотелось схватить Вальтера за руку, чтобы навсегда избавиться от него тетю Лейлу. Тогда она сможет спокойно возвратиться

домой в Америку.

Соррел сама удивилась, что готова как можно скорее покинуть гостеприимную тетю, однако она вовсе не желала ее обидеть, поэтому стала придумывать, как бы ей половчее обмануть доверчивую женщину. Она не жалела, что побывала в Англии и довольно много узнала о своей матери такого, чего и не думала узнать. Кроме того, она искренне полюбила тетю Лейлу и не собиралась отказываться от английских родственников.

Однако отношения с английской кузиной становились нестерпимыми. Впрочем, была еще одна причина. Соррел обнаружила, что ей совсем не хочется присутствовать на свадьбе Ливии с маркизом, а если она задержится, то уж никак не отвертится от этого. Она не питала никаких иллюзий... Если его сиятельство и взбрыкнул, одарив своим вниманием не ту, что следует, Ливия все равно в конце концов выйдет победительницей. Соррел в этом не сомневалась. Родители могут сколько угодно внушать своим дочерям, что добродетель одерживает верх над красотой, но это годится только для добрых сказок. В реальном мире те же самые родители крутились вокруг юной красавицы, в то время как ее менее привлекательные, но добродетельные кузины сидели незаметно по углам.

Соррел не хотела видеть, как маркиз женится на избалованной кузине Ливии, зная, что худшей жены он, даже если бы очень постарался, все равно бы не нашел.

Понимая, что думать об этом совершенно бесполезно, Соррел постаралась сосредоточиться на предстоявшем ей деле. Вальтер, если он вообще собирался прийти и если ему не помешал дождик, должен уже скоро явиться, а то совсем стемнеет и он не найдет «деньги». К тому же у нее нет никакого желания оставаться в лесу на ночь даже ради любимой тетки. Соррел не могла поверить, что дождь стал помехой для Вальтера, которого ждали в лесу десять тысяч фунтов. Но точно так же она не могла оставлять деньги на ночь в лесу, хотя здесь никого и не видно уже полдня, все же неподалеку находится сторожка и мало ли кому что придет в голову... Нет, Вальтер не стал бы рисковать своей выгодной женитьбой, да еще таким ужасным образом, чтобы потом не явиться за «заработанными» деньгами.

Совсем стемнело. Соррел промокла и замерзла и уже давно не чувствовала ни рук, ни ног. Тем не менее, она не покидала своего наблюдательного поста, не желая признавать свое поражение. Ей и самой было яснее ясного, что ее упрямство – просто-напросто раненое тщеславие, ведь она столько времени провела в сырости и холоде, и все напрасно. К тому же ей совсем не хотелось возвращаться к тете Лейле и признаваться в своей ошибке. Тогда придется начинать все сначала.

Но Соррел точно знала, что она права. Вальтер придет. Он должен прийти.

Когда же она услышала тихие крадущиеся шаги, то возликовала. И только потом ощутила страх, в котором не могла не признаться себе.

Но верх взяло ликование. Она торжествовала победу. Вальтер пришел. Он поймался на крючок, и она знала, что он не сможет не пойматься.

Соррел проверила свой пистолет на случай, если он отсырел под дождем и мог бы дать осечку (правда, она не собиралась стрелять, разве лишь в крайнем случае), и встала на колени, чтобы лучше видеть полянку. Там долго никто не появлялся. Шаги стихли, словно их и не было. Соррел даже подумала, уж не пригрезились ли они ей. Но тут хрустнула ветка под чьими-то ногами и зашуршали листья, задетые чьей-то неосторожной рукой. По лесным тропинкам надо уметь ходить, с усмешкой подумала Соррел. Так ему и надо.

По-видимому, он осторожничал, и это удивило Соррел. Если он учуял ловушку, то он

дальновиднее и опаснее, чем она представляла, и все равно Соррел отказывалась бояться такого проходимца, каким был третий муж тети Лейлы.

На всякий случай Соррел взяла в руку пистолет и потихоньку поднялась на ноги, надеясь, что в темноте ее невозможно увидеть.

Ноги ее не слушались, слишком долго она просидела в одном положении, да еще они замерзли и были как чужие. Соррел попеняла себе за то, что не подумала об этом раньше, а то могла бы вставать и разминаться время от времени. Теперь, она знала это по опыту, они будут долго болеть. Руки у нее тоже онемели и плохо держали пистолет. Соррел всю трясло – частично от возбуждения, частично от холода, но она всеми силами постаралась не обращать внимания на боль и дрожь, так как кто-то неумолимо приближался к полянке и делал это, соблюдая немалую осторожность.

Неожиданно из-за деревьев показалась высокая фигура человека и застыла на месте. Человек огляделся. Из-за темноты Соррел не могла видеть его лицо, но она не сомневалась в том, что это Вальтер. Торжествуя победу, она ждала, что он будет делать дальше.

А он вел себя очень странно. Стоял себе на открытом месте и оглядывался по сторонам. Соррел подумала и решила, что он хочет убедиться, один он или не один в лесу, прежде чем идти за деньгами. На нем был костюм для верховой езды, но сверху он благоразумно накинул плащ, чтобы не промокнуть. И все-таки он здорово промок, из чего Соррел заключила, что дождь льет куда сильнее, чем ей кажется тут – под защитой деревьев.

Она не двигалась с места. Она хотела поймать его в тот момент, когда он будет брать деньги, и никак не раньше, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения в его вине. От сильного возбуждения Соррел перестала дрожать и совсем забыла о боли в руках и ногах. Она едва дышала, с нетерпением ожидая, когда он направится к сумке с деньгами, и в точности, как ее учили, приготовила пистолет.

Наконец она была вознаграждена за свои мучения. Все еще подозрительно оглядываясь, мужчина медленно двинулся в ту сторону, где Соррел оставила совершенно промокшую под дождем сумку, и наклонился над ней. Он продолжал вслушиваться и всматриваться в темноту, словно кого-то ждал, когда на ее глазах открыл сумку.

Стоило ему заглянуть в нее, как Соррел заставила свои непослушные ноги сделать шаг, другой, и, выйдя из своего убежища на полянку, она наставила на него пистолет. Застывшие ноги отказывались ей подчиняться, подгибались и еле держали ее.

За секунду до непоправимого Соррел все поняла. Сухо хрустнула ветка, у Соррел подвернулась нога, и мужчина мгновенно повернулся лицом к ней. Падая, Соррел, сама того не желая, спустила курок. Ее оглушило. А мужчина дернулся, и Соррел, смотревшая на него во все глаза, поняла, что попала в него.

Ее охватил ужас. Когда он повернулся, Соррел успела разглядеть его. Это не был Вальтер.

Это был маркиз.

Она хрипло закричала, не узнавая собственного голоса, и бросила пистолет, словно он жег ей руки. Сорвавшись с места, она побежала к нему, не думая о том, что за ними мог следить кто-нибудь еще. Соррел, обезумев от ужаса, упала на колени рядом с неподвижным телом, лежавшим на мокрых листьях, в полной уверенности, что она убила маркиза.

– О Господи! – вскричала она, кладя руку ему на сердце. – Что я наделала?

Плащ на маркизе был мокрый и, к тому же, перекрутился, так что Соррел никак не могла просунуть под него руку.

– О Господи! Я не могла его убить! Не могла!

Она кричала, сама не понимая, что кричит, и зная только, что ничего не видит в темноте. Дождь лил как из ведра. Если он не умер, то Соррел все равно не хватало сил сдвинуть его с места, но и оставить его под дождем она не могла, понимая, что он умрет прежде, чем она успеет привести подмогу.

Маркиз не двигался. Лицо у него было мокрое, глаза закрыты. Соррел боялась, что он истечет кровью. Она неожиданно забыла все из своего богатого опыта сестры милосердия. Теперь ей было не до медицины. Она перестала быть практичной и трезвой, и руки у нее дрожали, когда она пыталась нащупать у него пульс, но совсем не от холода. И все время она повторяла и повторяла с самым несчастным видом:

– Я его убила. Я его убила. О Господи, я его убила. Убила. Убила. Убила.

Неожиданно теплая ладонь накрыла ее руку, и его глаза открылись. В них плясали веселые чертенята, когда он произнес отнюдь не слабым голосом:

– Не льстите себе. Не так уж вы метко стреляете.

Соррел уже настолько уверилась в его смерти, что не сразу поняла и уставилась на него, словно увидела призрак. Она даже не почувствовала радости после пережитого потрясения, и ей очень хотелось разрыдаться.

Однако она взяла себя в руки, потому что привыкла быть опорой всем вокруг, и произнесла голосом, почти похожим на тот, которым она говорила обычно:

– Вы не у... умерли?..

Он весело улыбнулся ей и заметил с изрядной долей насмешки:

– Ну почему же в твоём голосе такое разочарование, любимая? Неужели все американцы такие кровожадные? Или это результат войны между двумя почтенными народами?

Соррел уселась на корточки, не обращая внимания на дождь, поливавший ее съехавшую набок шляпу. Она не вытирала лицо, не в силах очнуться и поверить, что он жив, что все ее кошмары остались позади.

– Я думала... О Господи... Я думала, что убила вас,– прошептала она.– А, кстати, что вы здесь делаете? Я не сомневалась, что вижу...

– Вальтера Гранвиля. Знаю,– договорил он вместо нее. – Надеюсь, это в него вы целились, и пуля была предназначена не мне? Да не смотрите на меня так. Когда вы не вернулись, я, в конце концов, обо всем узнал от вашей замечательной тети. Кстати, вы мне напомнили. У меня к вам счет, мисс Кент.

Соррел ничего не понимала. Она смотрела на него, не отрываясь и чувствуя себя дура душой.

– Тетя вам сказала? – недоверчиво переспросила она.

– В конце концов. Она ужасно волновалась, впрочем, как и я, но в конце концов мне... э... удалось уговорить ее быть со мной откровенной. Учитесь у вашей тети, мисс Кент!

Соррел промолчала, и он улыбнулся ей самой очаровательной из своих улыбок, которую она уже не чаяла больше никогда видеть.

– Моя бедная глупенькая пташка! Ну, тетя-то ладно. Ей положено так себя вести, но ты-то. Я, честное слово, думал о тебе лучше. Тебе-то уж надо было знать, что я не буду ни огорчен, ни удивлен никакими открытиями насчет бесценного муженька тети Лейлы. Если вас интересует, то Фитц давно его знает и, думаю, удивился бы еще меньше меня. И не смотрите на меня так. Бедная моя девочка, неужели ты и вправду подумала, что я немедленно соберу баулы, как только узнаю правду? Я, конечно же, знаю, что ты мне не доверяла, но не до такой же степени!

– Это не я, – пробормотала Соррел, у которой начали стучать зубы то ли от холода, то ли от пережитого потрясения. – Это тетя не хотела вам говорить. Она б... боялась...

– Что я не сделаю предложение ее на редкость красивой и столь же утомительной дочери, если узнаю о Вальтере, – с раздражением договорил он. – Знаю. Это я тоже знаю... Не часто приходится мне ругать себя за свои глупости, но от скуки еще и не то сделаешь. Однако, как бы мне ни хотелось поговорить с вами на столь важную тему и как бы я ни радовался сейчас вашей откровенности, все же, мне кажется, нам лучше переместиться куда-нибудь еще из этой лесной глуши. Да и пора мне вернуть вас домой. Вы же дрожите от холода. Вам что, больше делать было нечего, как сидеть тут под дождем?

Соррел с трудом сдерживала рвавшиеся наружу слезы. Его ласковый, насмешливый голос, его «ты» и «любимая»... Она боялась совсем поглупеть и поверить ему. Ведь ничего же между ними не изменилось. Ничего.

Она никак не могла понять, зачем он явился в лес, когда ему совсем нечего тут делать.

– Н... нет... Я н... не понимаю. Зачем вы пришли? И где Вальтер? – спросила она, заикаясь, потому что у нее зуб на зуб не попадал от холода. Он вздохнул.

– Наверное, дома. В тепле. Собственно, там, куда я хотел бы немедленно доставить вас. Должен признаться, в данный момент похождения Вальтера интересуют меня меньше всего. А что я делаю здесь? Ну, это просто. Хотя, насколько мне уже известно, вы сами можете управиться со всеми шантажистами на свете и совершенно не желаете делиться своими приключениями с кем бы то ни было, я все же решил посмотреть, как вы тут. Знаете, такая разведка боем. Надеюсь, вы не будете возражать, что я проделал этот путь не напрасно. В самом деле, я ведь не спрашиваю, зачем вы взяли с собой пистолет. Видите, вы меня уже ничем не можете удивить. Но вот чего я никак не могу понять, зачем вы стреляли? Нет, я не отрицаю, что вашей тете было бы куда лучше без такого мужа. Но как бы вы замяли скандал? Боюсь, что, убив мужа вашей тети, вы бы ничем ей не помогли.

Соррел уже немножко успокоилась и чувствовала себя гораздо увереннее.

– Естественно, я не собиралась его убивать, – с раздражением заявила она. – Пистолет сам выстрелил, когда у меня подвернулась нога. Я очень замерзла, и ноги меня почти не слушались. – С этими словами прежний ужас вернулся к ней. – Никак не могу поверить... Я была уверена, что убила вас!

– А! Это замечательно, когда проясняются некоторые маленькие тайны, – заметил он, не обращая внимания на ее недоумение. – Ничего удивительного, что у вас застыли ноги, если вы столько времени просидели тут на холоде. Руки у вас ледяные. Надо же быть такой

дурочкой. Отправилась выслеживать шантажиста и не взяла с собой накидку или плед! Удивительно как раз будет, если вы не подхватите воспаление легких. Столько часов под дождем! Пошли! Я уже сказал, что мне пора доставить вас домой. Ваша тетя беспокоится. Я ушел, когда она выбирала, то ли отправиться на поиски самой, то ли послать за местными стражами порядка. Можете судить сами, в каком она состоянии. Кроме того, может быть, вы так замерзли, что ничего не замечаете, но мне надоело сидеть на мокрой земле.

Однако когда маркиз попытался подняться, лицо его скривилось, правда, он сделал все, чтобы скрыть это от Соррел, но ему не удалось ее обмануть.

– Вы ранены! – уверенно заявила она. – Я же знала, что попала в вас! Куда? Рана глубокая?

Маркиз опять поморщился и прижал ладонь к левому плечу.

– Нечего хвастаться. Правда, если вам от этого легче, то вы не ошиблись, я ранен. Должен сказать, мне посчастливилось, что вы выстрелили случайно, потому что, стреляя вы в меня намеренно, я был бы уже трупом. Мисс Кент, нет предела вашим совершенствам.

Однако Соррел уже не слышала его, потому что заметила дыру в рукаве, пропитавшемся кровью. Руки у нее дрожали от горя, и она никак не могла заставить себя мыслить трезво, однако рана своим видом несколько успокоила ее. Ее опыт пришел ей на помощь, и она быстро определила, что кость не задета, следовательно, ничего серьезного.

– Мы не сделаем ни шагу, пока я вас не перевяжу, – твердо проговорила она. – Не думаю, что у вас что-то серьезное... Вам и вправду повезло, что я в вас не целилась, потому что я хорошо стреляю. Тем не менее, вы потеряли много крови. Кость, по-видимому, цела... И нечего смеяться. От этого крови будет больше!

Но маркиз буквально валился наземь в неодолимых приступах хохота.

– Ох, моя несравненная мисс Кент! Вы бы могли стать идеальной женой солдата. Мне почти жаль, что я так легко отделался. Но вы правы, кость цела. И кровь из меня хлещет, как из зарезанного борова, это тоже правда, и я прошу у вас за это прощения. Вот вам носовой платок. Перевязывайте меня и пойдете отсюда. Мне ужасно нравится с вами разговаривать, тем более что вас так трудно вытащить из вашей скорлупы, но все-таки нам лучше продолжить беседу в теплом доме.

Маркиз позволил ей перевязать его двумя носовыми платками, но твердо отклонил другие попытки ему помочь.

– Моя дорогая, не думайте, меня не так-то легко убить. Вы меня лишь поцарапали.

Соррел не совсем поверила ему, заметив, как он морщится от боли, но теперь было важно как можно скорее доставить его домой, где бы он мог обсушиться и согреться. Поднявшись с ее помощью, маркиз слегка пошатнулся, убедив Соррел в правильности ее предположений.

– Благодарю вас. Я оставил своего коня рядом с вашей лошадкой, но, боюсь, в темноте нам будет трудно их отыскать, а вы уже вся дрожите от холода. Черт подери! Что-то мне уже не смешно, – добавил он. – Полагаю, вы не захотите ждать здесь, пока я приведу вашу лошадь?

Соррел возмутилась, и он печально проговорил:

– Да нет, я и не думал. У избалованных красавиц, подобных вашей кузине, все же есть свои добродетели, должен вам заметить. А вы не собираетесь брать сумку с деньгами? Я только хотел в нее заглянуть, когда вы... гм... отвлекли меня.

– Господи, да нет в ней денег! – воскликнула Соррел. – Неужели вы принимаете меня за

дуру, которая таскает по лесу такие деньги?

Маркиз громко рассмеялся, и Соррел испугалась, как бы у него не закружилась голова. Он настоял, чтобы она завернулась в его плащ, и она согласилась, боясь упустить время и рассчитывая, что сможет помочь ему по дороге. Не тут-то было! Соррел уже знала, каким упрямым может быть маркиз, но, посмотрев снизу на его крепкий подбородок, больше не сомневалась – он сделает по-своему или не сдвинется с места.

Маркиз наотрез отказался опираться на нее, когда они в кромешной тьме пробирались между деревьями. Днем и то здесь было нелегко идти, а уж что говорить о ночи! В конце концов ей, правда, пришлось признать, что он довольно твердо держится на ногах, а ведь он настоял на том, чтобы идти впереди, защищая ее по возможности от мокрых и острых веток.

Но, даже пользуясь его помощью, Соррел не могла дожидаться, когда же они наконец найдут своих лошадей. К тому же она боялась, как бы его бравада не повредила ему, да и сама она замерзла и промокла и была напугана.

В какой-то момент ей даже показалось, что они потеряли дорогу, но он успокоил ее.

– Нет, нет, мы идем правильно. Во-первых, я постарался запомнить дорогу, а, во-вторых, видно, здесь кто-то ездил на лошадях и совсем недавно. По правде говоря, мне это совсем не нравится.

Голос у него звучал не совсем так, как обычно, и, бросив на него испуганный взгляд, Соррел твердо сказала:

– Ну, теперь-то никого нет. И вам не под силу проделать весь путь обратно, что бы вы там ни говорили. Все равно! Я знаю, недалеко от полянки есть сторожка. Может быть, там мы спрячемся от дождя и я по-настоящему осмотрю ваше плечо.

Он в упор посмотрел на нее в темноте.

– Что ж. Вы никогда не устанете удивлять меня. Ладно, давайте искать вашу сторожку, дорогая.

Они повернули обратно, но этот путь давался им куда тяжелее, может быть, потому что в конце их не ждали ни теплая одежда, ни горячая еда. Соррел так волновалась из-за маркиза, что совсем забыла о себе. Прошло много времени, прежде чем они отыскали сторожку, и, хотя Соррел держалась прямо и говорила веселым тоном, ей никак не удавалось подавить страх, что он скрывает от нее худшее. Скорее всего, у него не такая уж царапина, как она искренне надеялась. Он потерял много крови, да и проделанный им путь не может не сказаться на его состоянии.

Вымокли они до нитки и замерзли так, что дальше некуда. Однако Соррел не снимала его плаща, прекрасно понимая, что он ни за что не возьмет его обратно. Так она и шла вперед, принимая хлесткие удары по лицу, когда он не успевал придержать мокрую холодную ветку, страшась за него и обвиняя себя в происшедшем с ним.

Они буквально вбежали в сторожку, когда увидели ее за деревьями. Окна были темные, и даже в светлый день она могла показаться путнику зловещей, но в холод и дождь стала для Соррел и маркиза едва ли не райским прибежищем.

Какой бы сторожка ни была, Соррел возликовала, едва ее увидела. Обойдя ее кругом, они отыскали закрытую, но, к счастью, незапертую дверь. Соррел отодвинула засов, и они ввалились внутрь, шатаясь, как пара напившихся любовников.

Внутри разве что не лил дождь, а холод стоял, как снаружи. Было темно, хоть глаза выколи, пахло сыростью, и Соррел даже показалось, что в лесу теплее. Сердце у нее упало, тем более что ей надо было осмотреть рану, а место оказалось совершенно для этого

неподходящее. Не хватало еще подхватить здесь какую-нибудь инфекцию, не говоря уж о неотступной угрозе лихорадки, которая была весьма реальной в сырой и холодной хижине.

Самое ужасное, что Соррел чувствовала себя виноватой в его несчастье. Если он умрет от заражения крови или воспаления легких, она будет виновата.

Однако маркиз не сдавался и весело шутил, словно в их отчаянном путешествии по холоду и дождю не было ничего необыкновенного, а уж заброшенная хижина и вовсе не вызвала никаких отрицательных чувств.

– Ну, лучше не придумаешь, – сказал он. – Сейчас разведем огонь и согреемся.

– Согреемся? – переспросила Соррел, стараясь сдержать дрожь. – Вы хотели сказать, если разведем огонь. Дрова наверняка отсырели, и, насколько я понимаю, здесь уже давно никого не было. Вполне вероятно, что труба забита птичьими гнездами и сосновыми иголками.

– Послушайте, надеюсь, вы не собираетесь срывать на мне свое настроение? – Соррел услышала в его голосе едва сдерживаемый смех и поверила, что он не падает с ног от потери крови. – Знаете, в Испании мне приходилось ночевать в куда худших условиях. А это же, Господи, предел мечтаний. Помнится, обыкновенно мне приходилось спать в жалкой хижине с земляным полом и дырой в потолке. Обещаю, здесь скоро будет тепло.

Соррел с удивлением посмотрела на него, только теперь понимая, что совсем не знает этого человека, по крайней мере, не знает, каким он был в другой своей жизни, пока не стал элегантным маркизом. Его нарочитый оптимизм устыдил ее, и она горделиво выпрямилась.

– Тогда не имеет смысла терять время. Мне все еще надо осмотреть вашу рану, а для этого нужен свет, нужен огонь и немного горячей воды, не говоря уже о сухой одежде, если нам, конечно, удастся немного подсушиться.

Соррел показалось, что он поцеловал ее в голову, хотя она не была в этом уверена.

– Вот это по-моему! Горячую воду и теплую одежду вы получите, это точно, но насчет раны не беспокойтесь. Я куда сильнее, чем вы думаете. Господи, если я не умер, когда был ранен на войне и ночь провел во рву с протухшей водой, скрываясь от французов, уж от такой царапины я ни за что не умру. Если хотите знать, я еще ни разу не чувствовал себя так замечательно с тех пор, как перестал воевать.

На это Соррел ответила с нескрываемой насмешкой:

– Вот уж не сомневаюсь. Жаль только, моя тетя этого не знала, когда мучилась, придумывая, чем бы вас еще развлечь. Но, с другой стороны, откуда ей было знать, что для настоящего веселья вам нужна дырка в плече и холодная грязная хижина вместо теплой спальни.

Он рассмеялся.

– Правда, похоже.

Маркизу удалось разжечь огонь, и он горделиво поглядывал кругом. Соррел же решила, что при свете хижина стала выглядеть еще хуже, потому что была не только грязной, но и почти пустой. Окна заколочены, в камине кучка холодного пепла.

Однако маркиз не унывал. Он зажег лучину и поставил перед ней стул.

– Ну, мисс Кент, если вы соизволите присесть к огню, я вам покажу, какими уютными будут наши апартаменты.

Это было слишком.

– Ничего подобного. Это вы будете сидеть, а я разожгу камин и потом осмотрю вашу рану.

Соррел видела, как он сверкнул глазами.

– О, мне отлично известно, что мисс Соррел Кент из Америки привыкла всем помогать и всех поддерживать, но не умеет позаботиться о себе. На сей раз вам придется признать, что я не такой, как другие. Вы замерзли и вымокли и, как бы ни храбрились, все еще не пришли в себя после пережитого потрясения, поэтому позвольте мне, для разнообразия, позаботиться о вас. Садитесь, будьте хорошей девочкой, и чтобы я больше не слышал никаких глупых возражений.

Соррел беспрекословно подчинилась.

Глава двадцать первая

Однако ее покорность была временной.

– Но...

Маркиз взял ее замерзшие руки в свои, как ни странно, теплые и терпеливо проговорил:

– Никаких «но». Вы займетесь моей раной, когда мы оба согреемся. Я позволил вам пуститься на поиски приключений, потому что сглупил, думая, будто вы мне доверяете. А теперь вам придется поучиться послушанию. Иногда это невредно. Выпейте это. Свет у нас уже есть, настала пора подумать о том, как вас согреть.

Соррел было запротестовала, потому что ей совсем не хотелось пить бренди. Одного раза было вполне достаточно. Но она только посмотрела ему в лицо и послушно отпила глоток, дернувшись, как от ожога.

Однако она не отрицала, что ей было приятно в первый раз в жизни стать объектом чьих-то забот.

– Вот это по-моему! – одобрительно вскрикнул маркиз и опять поцеловал ее в голову, после чего рассмеялся. – Не делайте такое лицо. У меня отличный бренди. Знаю, вам он не нравится, но согреться-то надо.

Соррел думала, что ей уже никогда не согреться, так она промерзла. Однако она боялась, что угодила из огня да в полымя, потому что увидела в его намерениях куда больше, чем он сам догадывался. И она твердо сказала:

– Я вам подчиняюсь... пока. Но бренди нам еще понадобится, когда я займусь вашей рукой. А если вы меня споите, то я ничего не буду соображать.

Он театрально вздохнул.

– Я уже вам говорил, что придется вам научиться доверять мне. Что же насчет соображения, то мне начинает казаться, это неплохая мысль, если в этом состоянии вы более послушны. Если бы кто-то из моих подчиненных посмел разговаривать со мной и противоречить мне, как вы, я бы тотчас отправил его под трибунал. А теперь делайте, как вам говорят, и вам скоро станет лучше, обещаю.

С этими словами он ушел обратно под дождь. Ей бы надо было протестовать и идти самой, но вместо этого она отпила бренди и почувствовала, как по ее телу начало растекаться тепло. Маркиз оказался прав. Знал он это или не знал, но он произнес магические слова. По какой-то причине он словно забыл, что она совсем не такое хрупкое и беспомощное создание, как ее мать или кузина, которых надо носить на руках и беречь, как драгоценную хрустальную вазу.

Однако временами совсем неплохо быть такой хрустальной вазой. Вскоре, однако, он вспомнит о том, что она сильная и сама может о себе позаботиться, и поймет свою ошибку. Но искушение было слишком велико.

Маркиз тем временем ничем не показывал, что осознал ошибку. Он быстро возвратился с отсыревшими ветками и полешками, и Соррел должна была признать его искусство, когда она все-таки развел огонь, и, кстати, без особого труда. Правда, он берег левую руку, и Соррел испугалась, что рана опять стала кровоточить.

Как только огонь стал ровным, маркиз поднялся с колен и отряхнул ладони.

– Теперь надо подумать, – проговорил он как ни в чем не бывало, как бы нам высушить ваше платье.

Однако послушанию Соррел тоже был предел, и она твердо возразила:

– Ну, нет, теперь нам надо подумать о вашем плече.

Он с любопытством посмотрел на нее и, ни слова не говоря, обнажил плечо. Соррел с облегчением вздохнула, когда увидела небольшую ранку, но все же недовольно сказала:

– Этого я боялась. Она опять кровоточит. Надо ее почистить и перевязать заново. У меня нет ни тени сомнения, что хирург прикажет пустить кровь. Завтра пораньше с утра надо будет послать за ним. Но и тогда не поручусь, что вы не заработаете лихорадку.

– Чепуха! Из-за этой ерунды? А насчет кровопускания, хирург пусть говорит, что хочет, я их порядком навидался и не верю ни одному из них, но, будьте уверены, я его к себе и на шаг не подпущу. Зато я верю вам. Перевязывайте, и покончим с этим. Кстати, вы обратили внимание, как я послушен, моя дорогая Соррел? Учитесь!

Бренди сделал свое дело, и Соррел почти совсем пришла в себя.

– Вы это называете послушанием? – переспросила Соррел; принимаясь за работу.– Помните, у меня богатый опыт в перевязке, и я знаю, что говорю. Больно?– спросила она, заметив, что он поморщился, когда она промыла рану бренди.

– Совсем не больно,– солгал он.– Расскажите мне когда-нибудь о том, как вы воевали? Мне бы хотелось послушать.

Она не ответила и стала наматывать ему на руку и плечо полосу из своей нижней юбки, к счастью, не промокнувшей под дождем.

Он было заметил, что повязка слишком толстая и рука не влезет в рукав.

–И не надо, ответила Соррел.– Вам придется держать ее на перевязи. И не возражайте. Помните, я надеюсь на ваше послушание в этом вопросе.

Он рассмеялся.

– Ваша взяла. А вот плащ я и в самом деле не собирался надевать, потому что его наденете вы. Он не такой мокрый, как ваше платье, и, если мы не хотим, чтобы завтра вы лежали с высокой температурой, вам надо обогреться и обсушиться. Конечно, лучше всего было бы раздеть вас, но я не смею. Итак, я вам подчинился. Теперь ваша очередь.

Соррел возразила, что она уже почти обсохла, но он все же заставил ее накинуть его плащ и снять совершенно мокрые башмаки, после чего растер ей ноги. Такую услугу ей могли бы оказать и мама... и даже кузина, но едва он прикоснулся к ее ногам, как она вспыхнула и испугалась, как бы ее не выдал предательский румянец.

И все же ей очень понравилась его забота. Ощущение было непривычным и на редкость приятным, пусть он даже не понимал, насколько его усилия необязательны.

Маркиз заставил Соррел пересесть поближе к огню и проговорил печально:

– Если бы я знал, как все обернется, я бы захватил одеяла и еду. Как бы вы ни храбрились, боюсь, к утру мы изрядно замерзнем.

– Нет, что вы! Мне уже тепло, благодаря вам. Мне бы ни за что так не развести огонь. Правда. Вы же видите, какая я послушная.

Она и правда проявляла редкое послушание, тем более что ее уже клонило в сон и ей стоило невероятных усилий держать глаза открытыми. Маркиз с удивлением посмотрел на нее, словно только что осознал, как она права.

– И верно. Послушная. Надолго ли? Еще я боюсь, что мое общество не очень вас радует, иначе вы бы не зевали столь неделикатным образом. Мисс Кент! Нет, ничего. Спите! Мне ни к чему такая сонная собеседница, зато вы выспитесь на славу.

Соррел оглянулась и с изумлением увидела что-то вроде постели из веток, покрытых

отлично высохшим плащом. Но ведь это не она, а он нуждался в отдыхе. Маркиз как будто заранее ждал ее возражений и опередил ее.

– Только не спорьте! Я отлично выплещусь на полу, ведь, уверяю вас, мне это привычно.

Соррел по его лицу поняла, что спорить в самом деле бесполезно, поэтому, ни слова не говоря, улеглась на импровизированную кровать, оказавшуюся на редкость удобной.

Маркиз встал на одно колено, чтобы подоткнуть под нее плащ, и Соррел увидела на его лице удивление и еще что-то, ей непонятное.

– Я должен был бы знать, что могу положиться на ваш здравый смысл, если бы только не ваша пламенная американская независимость. Мисс Соррел Кент, такая женщина, как вы, встречается одна на тысячу. Нет, на миллион. Правда, вы этого не понимаете.

Соррел уже засыпала, утомленная прошедшим днем и разморенная крепким бренди, поэтому она не поняла, то ли он в самом деле это сказал, то ли ей почудилось:

– Слава Богу, я не связался с вашей прелестной безмозглой кухней!

Соррел сама удивилась, что, несмотря на холод и жесткую постель, крепко проспала несколько часов, не просыпаясь. Проснувшись она оттого, что опять замерзла. В комнате было довольно темно. Еще она поняла, что осталась одна, а маркиз куда-то ушел.

Соррел не успела разволноваться, как дверь открылась и он вошел – весь в сверкающих дождевых каплях и с охапкой хвороста в руках.

Ей стало стыдно, что она греется в тепле, а он, раненый, таскает хворост из леса, и она виновато пробормотала:

– Я заснула крепче, чем думала. Давайте теперь я займусь хворостом. Нельзя же вам брать на себя всю ответственность за нас обоих.

– А я-то рассчитывал, что вы пока еще не проснетесь и не будете со мной спорить, – проговорил он удивленно. – Кроме того, моя вина, что огонь почти погас. Поэтому здесь и холодно. Спите. И не обижайтесь, что я вас разбудил.

Он был прав. Вскоре в комнате сделалось намного теплее. Однако Соррел не легла, а села на своей постели из веток. И обхватила руками колени. Она смотрела, как он разжигает огонь и как одновременно делает множество других мелких дел, двигаясь с той экономной грацией, которая волей-неволей привлекает к себе взгляд. Соррел даже показалось, что маркиз куда-то исчез, а на его месте появился обыкновенный человек, способный справиться с любыми обстоятельствами, которые поставили бы в тупик нетитулованного мистера Фитцсиммонса.

Маркиз оглянулся, словно почувствовав ее взгляд, и наморщил лоб.

– Почему вы не спите? Вам холодно?

– Нет, тепло, – сонно отозвалась Соррел. – А вы хоть немножко поспали?

– Четыре часа, – бодро отрапортовал он, потом помолчал, словно не зная, говорить или не говорить. – Но, уж коли мы оба бодрствуем, и у меня есть бесценная возможность поболтать с вами, может быть, вы мне расскажете об Америке? Мне было бы интересно. Соррел удивилась.

– Сейчас?

– А почему бы и нет? Мы не спим. Вы никогда не рассказываете о своем доме. И вообще никогда ничего не рассказываете. Сидите себе и позволяете другим привлекать всеобщее внимание.

– Опять вы! – рассердилась Соррел.

К чему напоминать ей, что она не любит привлекать к себе внимание? Впрочем, она не

очень обиделась. Ей тоже показалось заманчивым рассказать о том, о чем она бы никогда не посмела говорить днем при всех.

– Рассказать об Америке? Знаете, она совсем не похожа на Англию. Не знаю, как вам объяснить. Она еще совсем молодая, грубая и такая... замечательная. Здесь все не так. Все устроено, все тихо и мирно. Везде порядок. Только не поймите меня неправильно. В Англии очень красиво. Это ведь тоже мой дом, только немножко другой.

– Вы живете в Аннаполисе?

– Да. Это – столица штата, так что у нас хватает и государственных зданий, и роскошных особняков. Но все равно Аннаполис пока совсем маленький по сравнению с Лондоном. Даже Вашингтон, который недалеко от нас, не сравнится с Лондоном по размерам и количеству жителей. Все же Америка очень... уютная и совсем не так подчинена всяким правилам и обычаям.

Соррел услышала его тихий смех.

– Вот уж не думал, что Америка уютная с ее индейцами и революциями. Многие англичане, подобно леди Смит, считают ее варварской и опасной страной. Но, думаю, вы получаете удовлетворение, отвоевывая землю у дикой природы и устраивая на ней жизнь по своим законам.

Соррел удивили его слова.

– Да, – не сразу подтвердила она. – Правда, это было еще до меня, но мой дедушка часто говорил мне, что раньше было интереснее. Он ведь был одним из первых и участвовал в революции, несмотря на почтенный возраст. Мне всегда немножко странно, что мой дедушка сражался против англичан, а мой отец женился на англичанке.

– Что же в этом странного? В общем-то, у нас много общего. Однако мне кажется, что не все интересное осталось позади, ведь теперь вы ведете собственную войну. Расскажите мне о ней.

Вот так в темноте Соррел рассказала ему такое, о чем никогда и никому не рассказывала. О том, как приплыл английский флот и ее с матерью отправили на ферму подальше от города. О том, как всю ночь слышались ружейные выстрелы. О том, как люди вешали фонари на деревья, чтобы обмануть англичан и чтобы их снаряды не разрушали город.

Маркиз рассмеялся, но спросил вполне серьезно:

– А что в это время делала неколебимая мисс Кент? Никогда не поверю, что вы сидели, сложа руки.

Соррел рассказала ему об истерике служанок (и ее матери, если уж быть до конца честной, но об этом она не сказала) и о том, как мужчины с мушкетами караулили всю ночь, и она с ними. Они ведь не знали, выстоял город или нет, и не придется ли им тоже сражаться, и всю ночь слышали жуткую канонаду.

Маркиз хмыкнул.

– А когда сторел Вашингтон?

Соррел не любила вспоминать об этом.

Служанки продолжали рыдать, мама лежала без чувств, потому что никто не знал, жив ли еще ее муж и отец Соррел, который уехал в столицу. Они видели огонь пожарища, слышали взрывы, и было так светло и жарко, словно солнце поднялось не с той стороны.

Но Соррел была не одна на ферме, конечно, там оставалось несколько мальчишек и стариков, на которых можно было положиться. Правда, местная полиция отправилась в

город, и люди боялись, потому что англичане обещали все сжечь

Когда она замолчала, он гораздо дольше обыкновенного не подавал голос, но потом все же спросил:

– А Балтимора? Насколько я понял, вы там были сестрой милосердия.

Об этом Соррел не только говорить, но и думать не хотела. И все же он имеет право знать, наверное, больше, чем кто бы то ни было. И она собрала силы, чтобы рассказать ему о Балтиморе, а пока говорила, неожиданно сама почувствовала странное облегчение.

Мама не пускала ее, но вмешался папа. Он возвратился из Вашингтона и знал, как на самом деле все складывается. Многие храбрые и решительные женщины уже покинули свои дома, и Соррел знала, что она должна быть там, и не только из-за Вильяма, который был там, но ради всех других, подобных Вильяму, чьи жены и невесты были слишком далеко и не могли им помочь.

Отец сам отвез ее в Балтимору, пока ситуация оставалась неясной, и никто не знал, взяли англичане форт Макгенри или не взяли.

Однако чудесная новость о том, что форт выстоял против хваленного британского флота, быстро померкла пред лицом тех кошмаров, которые открылись их глазам. Соррел никогда не думала, что такое возможно, и если поначалу ее еще тошнило от вони, и она едва не теряла сознание от одного вида ран и стонов умирающих, то потом словно задубела и уже ничто не могло лишить ее равновесия. Она обрабатывала раны, участвовала в операциях, которые делали еле державшиеся на ногах от усталости хирурги, подавала воду умиравшим мальчикам.

Когда она нашла умиравшего от раны в живот Вильяма, она уже не способна была ни на какие чувства. Он испустил последний вздох на ее руках, но сначала слабо улыбнулся и поцеловал ей руку. Времени оплакивать его у нее не было. Слишком много раненых требовали ее внимания. Она сложила ему руки на груди и оставила его, не чувствуя никакого горя и мучаясь своей виной из-за этого. Маркиз долго молчал.

– А вы и в самом деле героиня.

Соррел ощутила некоторую неловкость.

– Я делала только то, что должна была делать. Вы же сами знаете.

– Да. Знаю. Но я также знаю, что далеко не все способны на такое. Как вы думаете, что бы сделала ваша прелестная кузина, попади она в такую же ситуацию? Или ваша мать?

Соррел удивилась.

– Но от них никто ничего подобного и не требует.

– Ну когда же вы поймете?– возмутился маркиз.– Далеко не все мужчины так уж ценят внешнюю красоту. Вы совершенно не умеете любить себя, мисс Соррел Кент.

Нет, этого он никогда не поймет. Не в силах дольше терпеть ее молчание, он проговорил почти сердито:

– Вы только и делаете, что забираетесь в угол и ничего для себя не требуете. Хотел бы я оказаться рядом, когда вы наконец поймете, чего вы хотите, моя дорогая Соррел. Даже ваша красивая и безмозглая кузина понимает, что в этой жизни за все надо сражаться, будь ты даже расписной красавицей, денежным мешком или семи пядей во лбу. А до тех пор, боюсь, вы так и не вылезете из своего угла и будете получать пинки и насмешки. Стыдно вам, мисс Соррел Кент. Очень стыдно!

Соррел не успела ответить, если бы даже она нашла, что ответить, как он поднял голову и прислушался. Потом маркиз произнес совсем другим тоном, в котором она услышала

непонятную ярость:

– Черт бы их всех побрал! Насколько я понимаю, едут наши спасители. Если я на что-то и рассчитывал, то как раз на то, что мой друг Фитц сам не отправится и другим не позволит совершить столь раннее и романтическое путешествие! Надо же все так испортить!

Глава двадцать вторая

Соррел тоже услышала шум снаружи. Она вскочила, только теперь заметив, что уже совсем рассвело. Маркиз тоже встал, но глядел мрачно.

Ждать им пришлось недолго. И вскоре они поняли, что своим ранним спасением обязаны вовсе не другу его сиятельства. Миновали несколько мгновений, и дверь распахнулась. В хижину влетела, немало изумив Соррел, красавица Ливия, одетая под стать утреннему небу в голубое бархатное платье, необыкновенно шедшее к ее глазам. Следом за ней вошли мистер Фитцсиммонс и, как ни странно, тетя Лейла.

Ливия жадно оглядела грязную хижину.

– Ну, ну. А здесь премило, правда?

– Ливия! – резко оборвала ее тетя Лейла и повернула озабоченное лицо к Соррел. – Дорогая, я так рада видеть тебя живой и здоровой. Клянусь, я сейчас разрыдаюсь. А я уж так ругала себя за то, что позволила тебе пойти, совсем расклеилась, и его сиятельство заставил меня рассказать правду. Когда же вы оба не вернулись, и я увидела ваших лошадей в конюшне, тут уж я совсем испугалась. Сказала, мол, все как хотят, а я отправляюсь на поиски, пусть на дворе еще темно и я давно не садилась на лошадь. Это в моем-то возрасте! Однако мистеру Фитцсиммонсу удалось воззвать к моему здравому смыслу. Он сказал, что вам лучше не будет, если еще и мы потеряемся. Что же случилось?

Соррел стояла красная, прекрасно понимая, что все видят ее растрепанные волосы и постель из веток, однако она постаралась ответить, как ни в чем не бывало:

– Ничего. Мы уже возвращались, когда обнаружили, что лошади убежали. Им как-то удалось освободиться, и они галопом помчались в теплую конюшню. Однако было уже очень поздно, и мы вынуждены были провести тут ночь.

– А Вальтер приходил за деньгами? – нетерпеливо спросила тетя Лейла.

– Нет. Никто не приходил, кроме его сиятельства. Наверное, я все-таки ошиблась.

– Ты не ошиблась, – мрачно проговорила тетя Лейла, – и когда он попадетсЯ мне...

Соррел не могла сдержать удивления.

– ПопадетсЯ? Почему? Где Вальтер?

Ей ответил мистер Фитцсиммонс:

– Никто не знает, мисс Кент. Гранвиль тоже исчез.

– Что? – вмешался маркиз. – Гранвиль исчез?

Фитцсиммонс пожал плечами.

– Он не пришел обедать и, по-видимому, не спал в своей кровати. Кроме того, исчезло кое-что из его одежды. Не говоря уж о коляске.

– Ну вот, видишь! Я очень рада. Особенно как подумаю, что он покушался на жизнь моей любимой племянницы. И меня он тоже мучил, да еще позорил перед гостями! А теперь это! Ели бы он сейчас попался мне в руки, я бы его повесила!

– Подождите минутку, миссис Гранвиль, – остановил ее маркиз. – Ничего не понимаю. Вы ему заплатили те десять тысяч? Вообще вы ему заплатили?

– Нет! Хватит с меня того, что он выбрасывает на своих лошадей и на карты! Если же он захочет еще чего-нибудь, пусть устраивает скандал. Я и так ругаю себя, что дело зашло так далеко. Всю ночь не спала, боялась, как бы чего не случилось с вами или с Соррел.

– Очень разумно с вашей стороны, – похвалил ее маркиз. – И все-таки я не понимаю. Вы

говорите, что он исчез, не взяв денег, которых добивался с таким яростным упорством?

– Чего же вы не понимаете?– переспросила тетя Лейла.– Наверное, он понял, что я все знаю, и не захотел выяснять со мной отношения. Это на него похоже. Только подумать, писал отвратительные письма, подрезал подругу, скинул трубу... Правда, как вспомню Вальтера, не могу представить, чтобы он бегал по крышам. Ну да ладно. Может быть, его приятели... Теперь пусть держится подальше от меня.

– Нет, нет, тетя Лейла,– вмешалась Соррел, которая наконец поняла, куда клонит маркиз.– Это и вправду странно, что он не взял деньги. Может быть, вы ему что-то сказали, и он испугался?

– Ничего я ему не говорила, если только он не прочитал в моих глазах, как я к нему отношусь. Но, думаю, он и не собирался ничего в них читать. Не читал же раньше! Тем не менее, странно. Зачем же он сбежал?

– Какое это имеет значение?– вмешалась Ливия. – Не понимаю, что мы тут делаем. Поедем домой и обо всем забудем. А то со вчерашнего вечера Бог знает что творится.

Тетя Лейла вскрикнула от ужаса, заметив запачканный кровью рукав маркиза. Но лорду Уичерли это пришлось не по вкусу.

– Ничего страшного... Э... э... Проверял пистолет мисс Кент, а он возьми и выстрели. Кость не задета.

Мистер Фитцсиммонс усмехнулся.

– Мы тебе верим, старина. Однако, не сомневаюсь, твои армейские дружки с удовольствием послушают твой рассказ.

Маркиз хмуро посмотрел на него.

– Неважно. Однако, должен признаться, меня, как и мисс Кент, тревожит вся эта история. Гранвиль вложил столько труда в письма и в остальное, организовал два покушения, шантажировал вас, а потом уехал, даже не позаботившись забрать деньги.

– Звучит и вправду странно,– согласилась тетя Лейла. – Но он вообще странный.

– И мне тоже эта история кажется странной,– вмешался мистер Фитцсиммонс.– Кто еще мог бы быть шантажистом? По правде сказать, я сначала не поверил, но, зная Гранвиля, поверишь во что угодно. А теперь что? Никто не приходил за деньгами?

– Никто,– ответила Соррел, морща лоб.– Но вы правы. Кто бы это мог быть? Если только...

Она замолчала и, не желая того, повернулась к своей прекрасной кухне, принявшей скучающий вид. Ливия нетерпеливо спросила:

– Какая разница? Кухня жива и здорова, мама сохранила свои деньги. Если вам так хочется вновь все припомнить, поедем домой, там куда приятнее.

Соррел словно онемела. Подозрение, прокравшееся в ее мысли, было столь чудовищным, что страшно было думать о нем, не то, что говорить. Она не видела не сводившего с нее глаз маркиза. Не видела, как вдруг побелела тетя Лейла.

Она не могла справиться с собой. Это неправда. Такого просто не может быть. Зачем? Ведь нет же никакой причины. Она ошибается.

Все молчали.

Тогда Ливия подошла к маркизу и, взяв его под руку, нежно улыbnулась ему. Она была неотразимо красива в своем голубом платье.

– Милорд, вам тут не надоело? Представляю, каково провести ночь в этой лачуге. Наверное, вы мечтаете о ванне и чистой одежде. Мы сразу же пошлем за доктором, как

только приедем. Не понимаю, почему мама держит нас здесь. И зачем вообще нужно было втягивать вас в наши дела? Ужасно, что вы можете о нас подумать.

Что-то вдруг переменялось в Соррел. Наверное, потому, что Ливия по-хозяйски взяла маркиза под руку и откровенно продемонстрировала ему свою красоту, добиваясь его внимания, или потому, что она с легкой насмешкой и немного покровительственно посмотрела на Соррел, выглядевшую, несомненно, далеко не лучшим образом после ночи, проведенной в лачуге, но что-то в ней точно изменилось. Ей не хотелось верить, и не верить она уже не могла.

– Ты! – выпалила Соррел. – Это ты!

На одно мгновение все словно застыли, а Ливия внезапно подурнела.

И тогда маркиз сказал свое слово:

– Bravo, дорогая! Вы будете моей женой?

Ливия задохнулась от ярости.

– Теперь я понимаю! Я давно догадывалась. Ты всегда хотела украсть его у меня! Но у меня и в мыслях не было, что ты зайдешь так далеко. Думаешь, ты очень умная? У тебя ничего не вышло, и ты заставила его провести с тобой ночь! Только не думай, тебе никто не поверит!

Маркиз высвободил руку.

– О какой такой краже вы говорите, мисс Морден? Я совершил ошибку, восхитившись вашей красотой, и от скуки подумал, что вы мне подойдете не хуже, чем любая другая девица. Однако это было до того, как я встретил вашу замечательную кузину и понял, какую ошибку чуть было не совершил. Должен вам сказать, я верю мисс Кент. Более того, я еще раньше вашей слишком доверчивой кузины пришел к точно такому же заключению.

Однако Соррел все еще не понимала.

– Зачем? Почему она это делала?

– Чтобы выгнать вас поскорее, – невозмутимо ответил он. – Разве вы не знали, что она с самого начала ревновала к вам? Ревновала задолго до моего приезда.

– Ко мне? Ревновала ко мне? – недоверчиво переспросила Соррел.

– Ну, конечно же, к вам. У вас есть голова на плечах, вы храбры, тверды в суждениях, а у нее-то всего этого нет. Дорогая, я уже говорил вам, что вы себя недооцениваете. В любом другом обществе – не вашей кузины и не вашей матери – вы бы считались на редкость хорошенькой. Однако я начинаю жалеть, что вы узнали правду...

– Но... Но... – Соррел повернулась к тете и тотчас бросилась к ней, испугавшись ее мертвенно бледного лица. – Милая тетя, не надо так. Это неправда. Я не верю.

Тетя Лейла с достоинством выпрямилась и проговорила со своей обычной резкостью:

– Все правда. Я вижу, его сиятельство прав. Моя ошибка. Признаюсь, никогда ей ни в чем не отказывала... Его сиятельство прав и в том, что ты стоишь дюжины таких, как она, и неважно, красавица ты или не красавица. Я с самого начала это поняла. По правде говоря, я давно заподозрила, что ему нужна ты, а не Ливия, но мне не хотелось в этом признаваться. Только когда ты пригрозила, что уедешь домой и откроешь школу, я увидела, какой у тебя несчастный вид, и сказала себе правду. Надеюсь, ты сможешь меня простить, дорогая. Если бы не моя слепота, я бы ни за что не позволила ей рисковать твоей жизнью. Не Вальтер! Моя дочь! Не знаю, простишь ты меня или нет, но я себе этого никогда не прощу.

Соррел обняла ее.

– Не надо, тетя. Не думайте об этом. Конечно же, это не ваша вина.

Тетя Лейла погладила ее по плечу и отстранилась.

– В этом ты вся, дорогая. Мистер Фитцсиммонс, не будете ли вы любезны проводить нас домой? Должна сказать, что-то мне нездоровится.

Никто, включая Соррел, не смотрел на Ливию все это время. Теперь Соррел подняла голову и увидела такую ярость в глазах Ливии, что немедленно поверила – это Ливия покушалась на ее жизнь и ничуть не раскаивается в содеянном. Она поняла и другое, о чем прежде только догадывалась. Кузина люто ее ненавидит. Но самое непонятное заключалось в том, что от прославленной красоты Ливии и следа не осталось.

Даже мистер Фитцсиммонс не смотрел на Ливию, подавая руку миссис Гранвиль и ведя ее к двери. Правда, прежде чем уйти, он оглянулся на своего друга и проговорил, скривившись:

– Наверное, мы вам не нужны. Мне трудно тебя благодарить, но, должен признать, ты спас меня от участи, которая страшнее смерти. Черт с тобой!

И он закрыл дверь.

Соррел осталась наедине с его сиятельством.

– Не смотри так трагично, любимая, – сказал он. – Не надо тратить на нее свою жалость. Если не Фитц, будет какой-нибудь другой дурак, ведь она все-таки редкая красавица.

– Я ей завидовала! – с изумлением произнесла Соррел. – А теперь я думаю, что ее красота виновата в том, что с ней случилось. Как я могла быть такой слепой?

Маркиз скривился, в точности как Фитц.

– Ты более милосердна, чем я. Только одну вещь я в состоянии ей простить. Она познакомила нас и подтолкнула друг к другу, сама того не желая. Так оно и было. Без ее дурацких покушений я бы не узнал тебя, и ты бы осталась для меня девушкой в уголке. Нет, это невозможно. Ты только подумай. Если бы я не нашел тебя в тот первый день и ты не обругала бы меня за мой титул, а потом не улыбнулась бы мне, мгновенно взяв меня в плен, я бы, возможно, женился на твоей преступной кузине. Лучше об этом не думать. Но ты еще не ответила на мой вопрос.

– Какой вопрос?

Соррел смутилась, но надежда начала уже расправлять крылышки, словно бабочка, вылетающая из кокона.

Он улыбнулся ей своей самой чарующей улыбкой, взял ее за руку и сказал торжественно:

– Мисс Кент, я понимаю, что, согласно обычаю, должен просить вашей руки у вашего отца. Но он за тысячу миль от нас, поэтому, а, также, не сомневаясь, что вам тоже плевать на такую чепуху, я прошу вас стать моей женой,

Соррел заглянула в его глаза, но ответила не сразу.

– Вы в самом деле собирались жениться на моей кузине? Вы ее любили?

Маркиз поцеловал ее руку.

– Любимая, признаюсь, я ехал сюда с намерением жениться... Но ты быстро выбила его из моей головы. Мне было скучно, к тому же она в самом деле красива. Кроме того, лучше она, чем заносчивые аристократки, гонявшиеся за моим титулом. И мне очень понравилась ее мать.

У Соррел захватило дух.

– Но ведь она тоже хотела выйти за вас только ради титула!

– Знаю. Но она, по крайней мере, этого не скрывала. Для меня нет оправдания, кроме

разве лишь того, что я сам не знал, чего я хочу. Но даже если бы рядом с бездумной красавицей не было вас, должен заметить, я бы пожил тут с неделю и все равно разобрался бы в своей ошибке. Чему я рад, так это тому, что Фитц успел разобраться раньше, чем сделал роковой шаг. Он-то уж искренне влюбился. Но ты не ответила на мой вопрос!

Соррел неожиданно обрела уверенность в себе и на диво похорошела. И все-таки она не отвечала.

– Я – американка и не верю в титулы и привилегии. Вы об этом забыли?

– Ни о чем я не забыл. Разве я не сказал, что обожаю тебя, моя милая демократка? Если ты согласишься стать маркизой, несмотря на свои принципы, я обещаю, что часть года мы будем жить в Америке. Мне самому хочется получше узнать твою страну, и, думаю, я буду чувствовать себя там совсем неплохо. К несчастью, у меня есть обязанности. Но для начала нам, верно, стоит купить Кэмпден-хаус и вернуть его к жизни. Это, конечно, взятка в некотором роде, потому что, несмотря ни на что, я еще совсем не уверен в тебе. Пару раз на этой неделе я сказал себе, она ко мне равнодушна, но, черт побери, там, где ты, я теряю всякую уверенность в себе. Итак, в третий и последний раз. Ты будешь моей женой, моя независимая американочка?

– Да.

И Соррел тотчас оказалась в его крепких объятиях. Они долго ни о чем не говорили. Когда же он наконец посадил ее на лошадь и они, взявшись за руки, поехали обратно, она спросила:

– Куда же все-таки подевался Вальтер?

Он рассмеялся.

– Не знаю, и, должен сказать, мне все равно. Что-то он говорил о скачках, на которые твоя тетя не хотела его пускать. Думаю, она от него никогда не избавится.

– Бедная тетя Лейла, – всхлипнула Соррел.

Он сжал ее руку и заглянул ей в глаза своим пламенным взглядом, напомнив о нескольких блаженных минутах, оставшихся позади. И Соррел улыбнулась ему, не думая больше о том, почему этот красивый и обаятельный мужчина выбрал именно ее.